
UC-NRLF
$B 135 442

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ

и

ОПЫТНЫЯ

ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ IV ЧАСТЯХЪ,

сочиненіе А. Глаголева.

A. Glagolev

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

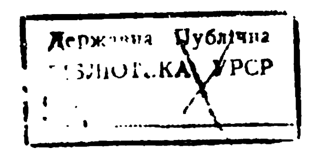
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, 24 Октября, 1852 года.

Ценсоръ Ст. Сов. *Никита Бутырскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ...

Вступленіе.

страи.
Общія понятія о Словесности, выводимыя изъ Психологіи.................................... 1.

ЧАСТЬ I.

Общая или Философская Грамматика.

Глава I. Объ устроеніи органовъ человѣческаго слова... 8.
——II. Объ отношеніяхъ органовъ слова къ формамъ звука и къ самому физическому свойству вещей.. 13.
——III. О постепенномъ распространеніи языка.... 18.
——IV. О раздѣленіи Общей Грамматики по предметамъ...... .... 27.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

Система Русскаго языка.

Глава I. Объ отношеніяхъ Русскаго языка къ языкамъ древнимъ, Азіатскимъ и Европейскимъ............ 1.
——II. О сродствѣ языка Русскаго съ Греческимъ и Латинскимъ.......... .... 18.
——III. О средствахъ и способѣ отыскать древній языкъ Славянскій.............................. 37.
——IV. О письменномъ искусствѣ Славянъ........... 65.
——V. О вліяніи Греческаго языка на Славянскія Восточныя нарѣчія и Латинскаго на Славянскія Западныя.................................... 71.
——VI. Объ отношеніяхъ Русскаго языка къ языку Славяноцерковному и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ................................... 81.
——VII. О вліяніи языковъ иноплеменныхъ на Русскій 95.
——VIII. Исторія Русской Грамматики.......... 104.
——IX. Объ отличительныхъ чертахъ языка Русскаго.. 133.
——X. О Русской Лексикографіи........... ...... 144.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я издаю мой Опытъ Основаній Словесности не по совѣту друзей и благодѣтелей, а по силѣ положенія о Демидовыхъ преміяхъ, обязывающаго меня къ сему изданію. Самая мысль отважиться на предпріятіе ученаго труда, выходящаго изъ круга настоящихъ моихъ обязанностей и званія, родилась во мнѣ случайнымъ образомъ. Поводомъ къ сему было слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ 1831 года Императорскій Московскій Университетъ, въ слѣдствіе предписанія Высшаго Начальства, обнародовалъ программу о конкурсѣ для занятія каѳедры Краснорѣчія, Стихотворства и языка Русскаго, остававшей-

ся праздною послѣ умершаго Ординарнаго Профессора Мерзлякова. Трудность предложенныхъ въ программѣ задачь возбудила во мнѣ особенное любопытство. Я старался отгадать ихъ рѣшеніе, и углубляясь въ соображенія, непримѣтнымъ образомъ составилъ въ умѣ нѣчто цѣлое, имѣвшее систематическую послѣдовательность.

Рѣшившись привести въ дѣйство сіе предначертаніе, я успѣлъ приготовить къ назначенному сроку (къ Іюлю того же 1831 года), согласно вышеупомянутой программѣ, слѣдующія сочиненія: 1) Систему Русскаго языка, 2) Теорію Словесности, основанную на Психологіи и 3) Конспектъ полнаго курса Словесности, заключавшій въ себѣ между прочимъ Общую Грамматику и Планъ Исторіи Русской Литературы. Сіи сочиненія препровождены мною въ Московскій Университетъ безъ подписи имени, которое, по принятому въ конкурсахъ правилу, приложено было въ особомъ запеча-

шанномъ пакешѣ. Ошдѣленіе Словесныхъ Наукъ и Совѣшъ Универсишеша единогласно признали означенные шруды удовлешворишельными, а конкурренша досшойнымъ искомой каѳедры; но сія каѳедра въ послѣдсшвіи поручена другому, въ уваженіе засвидѣшельсшвованія ближайшаго начальсшва объ усердной его службѣ, свѣдѣніяхъ и способносшяхъ.

Между шѣмъ, уже ободренный благосклоннымъ мнѣніемъ Универсишеша о моихъ сочиненіяхъ, я, приведя оныя въ одно цѣлое, названное *Опытомъ Начертанія Основаній Словесности,* предсшавилъ его въ въ 1832 году въ Императорскую Академію Наукъ къ соисканію наградъ, учрежденныхъ Камергеромъ П. Н. Демидовымъ. Ошселѣ помянушый Опышъ препровожденъ былъ на заключеніе въ Императорскую Россійскую Академію, кошорая въ подробномъ и обсшояшельномъ разборѣ своемъ нашла его въ сущносши своей согласнымъ

съ началами великихъ наставниковъ древности и первымъ систематическимъ ученіемъ языка Русскаго. Къ сему отзыву Академія Наукъ въ отчетѣ 19 Мая 1833 года, по случаю втораго присужденія Демидовыхъ премій, присовокупила слѣдующее: «Основательныя сужденія, вѣрный «взглядъ, оригинальное развитіе и сцѣпле«ніе идей и благородное изложеніе выгодно «отличаютъ сіе твореніе предъ всѣми по«добными и присвояютъ Автору онаго за«слугу быть первымъ, приведшимъ въ си«стему Россійскую Словесность.»—Въ слѣдствіе сего Академія Наукъ назначила мнѣ одну изъ поощрительныхъ премій, а Россійская Академія, по представленіи сдѣланныхъ мною къ означенному сочиненію дополненій, приняла на свой счетъ и самое печатаніе онаго.

Сіе столь лестное вниманіе къ моимъ трудамъ трехъ первыхъ въ Имперіи ученыхъ сословій: Академіи Наукъ, Россійской

Академіи и Московскаго Университета, возлагаетъ на меня пріятную обязанность засвидѣтельствовать Имъ торжественно чувство моей искреннѣйшей благодарности, — чувство, слабо мною выражаемое, но глубоко запечатлѣнное въ моемъ сердцѣ. Ихъ ученый судъ есть то же для меня, какъ судъ древняго Ареопага, произносившаго свои приговоры безъ всякаго отношенія къ лицу, званію и имени подсудимаго.

При семъ я не могу скрыть и глубокаго чувства моей признательности къ отличному ко мнѣ вниманію Президента Россійской Академіи А. С. Шишкова и Президента Академіи Наукъ, Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уварова, удостоившихъ меня своими учеными замѣчаніями и наставленіями. Я старался, сколько было возможно, нынѣ же воспользоваться ихъ уроками, внѣняя

себѣ въ отличную честь руководствоваться оными и въ будущихъ трудахъ моихъ.

Надобно ли упоминать здѣсь о чувствѣ признательности къ Основателю премій, явившему симъ учрежденіемъ столь рѣдкій опытъ пламеннаго своего рвенія къ общественной пользѣ?—Но что значитъ голосъ одного неизвѣстнаго лица о патріотическомъ подвигѣ, обратившемъ Высокое вниманіе Самаго Августѣйшаго Покровителя Просвѣщенія? «Имена *Деми*-«*довыхъ*, изрекла Академія, будутъ сіять «немерцаемою славою въ лѣтописяхъ граж-«данской образованности наряду съ имена-«ми Канцлера Графа *Румянцова*, Князя *Без*-«*бородко* и другихъ знаменитыхъ Россій-«скихъ Меценатовъ.» — Нашъ Меценатъ требуетъ не словъ, а дѣйствій, не похвалъ себѣ, а жертвъ на алтарь Отечественныхъ Музъ. Я приношу одну лепту отъ трудовъ моихъ,—и счастливымъ себя почту, если она будетъ такъ же приня-

та всѣми просвѣщенными судіями Словесности, какъ въ Академіяхъ.

Впрочемъ, не увлекаясь знаменитостію лицъ и ученыхъ сословій, я принимаю ихъ отзывы въ настоящемъ значеніи,—не какъ свидѣтельство строгой оцѣнки трудовъ моихъ, а какъ голосъ суда, умѣреннаго снисхожденіемъ къ усердію трудившагося на томъ поприщѣ, на коемъ доселѣ являлись у насъ весьма немногіе подвижники. Можетъ быть, никому столько не видны мои ошибки, какъ самому мнѣ; къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности ни предупредить ихъ, ни исправить. Будучи постоянно занятъ службою, соединенною съ неусыпными трудами, и отрывая себя отъ оной только по временамъ, въ дѣлѣ, требующемъ послѣдовательной и безпрерывной цѣпи размышленій, — я невольнымъ образомъ долженъ былъ допустить неоконченность плана, перерывы между частями, пропуски цѣлыхъ главъ и, можетъ быть,

шешному самаго образа выраженій во многихъ мѣстахъ. Скажу короче: приготовляя свое сочиненіе къ опредѣленному сроку, я хотѣлъ обратить вниманіе преимущественно на тѣ предметы, кои не были внесены въ прежніе курсы или и совсѣмъ оставались доселѣ непримѣченными. Я успѣлъ только поставить рамы и сдѣлать главные очерки, предоставляя довершеніе всего труда будущему времени.

Главныя основанія умозрительной части Словесности взяты мною изъ прежняго моего сочиненія, изданнаго въ 1823 году для полученія докторской степени: De methodo inveniendi, disponendi et enunciandi etc. Они выведены изъ началъ Психологіи и подтверждены аналитическимъ разборомъ древнихъ Ораторовъ.

Объ отношеніяхъ нашего Краснорѣчія къ древнему въ настоящее время распространяется мнѣніе, съ которымъ не льзя безусловно согласиться. Справедливо,

что нынѣ другія времена, нравы, лица, народы и Правительства; но несправедливо, чтобы вмѣстѣ съ ними измѣнилась и сущность Искусства. Цѣлію Краснорѣчія во всѣ времена было убѣжденіе, а средства къ сему убѣжденію почерпаются лишь изъ вѣчныхъ законовъ, начертанныхъ въ душѣ не лицъ и народовъ, но вообще человѣка. Однимъ словомъ: Логика у насъ та же, какая была у древнихъ; а Риторика, по формамъ своимъ, есть только откровеніе Логики.

Говоря объ отношеніяхъ новаго Краснорѣчія къ древнему, не надобно терять изъ виду нынѣшнихъ родовъ его: духовнаго, академическаго и въ особенности дѣловаго, имѣющаго почти одинакія формы и построеніе съ древнимъ. На пр. Какое различіе между Указами нашего Правительствующаго Сената и публичными постановленіями Сената Римскаго. Формы первыхъ всѣмъ извѣстны; возмемъ же для сра-

вненія какое либо постановленіе Римское, на пр. *о празднествахъ Бахусовыхъ*, одно изъ древнѣйшихъ, относящееся къ 186-му году до нашего лѣтосчисленія. Вотъ его начало: «Въ ноны мѣсяца Октября въ пред-«дверіи храма Беллоны Марцій и Спурій «Постумій Консулы, въ присутствіи Се-«ната; *слушали предложеніе* Клавдія, Валерія и Минуція о празднествахъ Бахусовыхъ (Senatum consoluerunt... de Bacanalibus quæ foederatæ esent. ita. Exdeicendum. censuere.).» (Здѣсь слѣдуютъ пункты предложенія) Въ заключеніе «*приказали* (ita Senatus aequum censuit): объявить о семъ «всенародно въ продолженіе трехъ нун-«динъ (торговыхъ дней). Если же кто по-«ступитъ вопреки вышеписанному, того «предавать суду уголовному (rem capitalem «faciendam censuere); а для всенароднаго «свѣдѣнія вырѣзать сіе постановленіе на «мѣдной доскѣ и выставить оное во всѣхъ «публичныхъ мѣстахъ.»

Отношенія Министровъ и другихъ Государственныхъ сановниковъ въ построеніи своемъ также сходствуютъ съ древними письмами, имѣющими тонъ дѣловой или гражданской. Аппелляціонныя просьбы, докладныя записки и въ особенности донесенія Министровъ Правительствующему Сенату по дѣламъ, присылаемымъ къ нимъ на заключеніе, сохраняютъ тотъ же порядокъ въ расположеніи, какой соблюдаемъ былъ древними Ораторами въ рѣчахъ ихъ; какъ то: приступъ, изложеніе дѣла (narratio), узаконенія и соображенія (confirmatio, confutatio) и мнѣніе или заключеніе (peroratio). Короче сказать: въ нашихъ дѣловыхъ бумагахъ кроется все древнее Краснорѣчіе со всѣми его видами: судебнымъ, совѣщательнымъ и описательнымъ; различіе состоитъ лишь въ томъ, что древніе декламировали свои рѣчи въ собраніяхъ народныхъ или въ Сенатѣ, а у насъ Секретари читаютъ

свои записки въ Присутствіяхъ, Начальники отдѣленій передъ Министрами, Оберъ-Секретари въ Сенатѣ и т. д.

Страннымъ покажется сравненіе нашихъ дѣловыхъ бумагъ, отливаемыхъ большею частію по опредѣленнымъ формамъ, съ Краснорѣчіемъ древнимъ, живымъ, сильнымъ и быстрымъ, которое еще одушевлялось самымъ дѣйствіемъ Ораторовъ: однако же справедливо, что и у древнихъ не всѣ рѣчи, говоренныя въ Сенатѣ и народныхъ сеймахъ, были одинакого достоинства, и у насъ дѣловыя бумаги, смотря по важности ихъ содержанія, принимаютъ нерѣдко тонъ сильный, одушевленный. Нынѣ между произведеніями пера нашихъ Государственныхъ Особъ встрѣчаются даже и такія, которыя, если бы могли быть обнародованы, заняли бы мѣсто наряду съ первыми образцами судебнаго и политическаго Краснорѣчія Англійскаго и Французскаго.

Три рода Красноречія, совѣщательный, похвальный и судебный, почитались у древнихъ основаніемъ всѣхъ прочихъ видовъ опаго. Кругъ ихъ вліянія и въ наше время столь обширенъ, что онъ объемлетъ собою большую часть произведеній Изящной Словесности. Самая опредѣленность формъ нашихъ дѣловыхъ бумагъ имѣетъ то достоинство, что онѣ, будучи основаны на главныхъ и простѣйшихъ законахъ Логики, пріучаютъ умъ къ ясности, основательности и строгой отчетливости въ сужденіяхъ. Въ нашихъ курсахъ Словесности дѣловыя бумаги должны имѣть почетное мѣсто между прочимъ даже и потому, что большая часть питомцевъ нашихъ Университетовъ приготовляютъ себя къ гражданской службѣ, и всѣ вообще болѣе или менѣе будутъ имѣть въ нихъ нужду въ гражданскомъ быту. Я предоставлялъ себѣ раскрыть подробно всѣ сіи мысли во время преподаванія правилъ

объ особыхъ родахъ сочиненій, послѣ общихъ Психологическихъ основаній Словесности.

Общую Граммашику я изложилъ вкрапцѣ, заимствуя основныя мысли первыхъ двухъ главъ изъ сочиненія *Бросса* о механическомъ составѣ языка и физическихъ началахъ Этимологіи. Во II главѣ Системы Русскаго языка я встрѣтился съ мыслями *Пресвитера Константина Экономида*, еще не читавши превосходнаго его творенія о ближайшемъ сродствѣ языка Славянороссійскаго съ Греческимъ; по прочтеніи, не могъ не воспользоваться тѣми его замѣчаніями, которыя наиболѣе приличествовали моему предмету. Въ главахъ V и VI Психологическихъ основаній Словесности, главныя мысли и опредѣленія почерпнуты мною изъ Эстетическихъ лекцій М. Т. *Каченовскаго*, которыя, по своей ясности и простотѣ, вѣроятно остались въ памяти у всѣхъ его слуша-

шелей. По часши Исшорической ошкуда чшо взяшо, показано на своемъ мѣсшѣ. *Опышъ Краткой Исторіи Русской Литературы, Н. И. Греча,* досшоинъ уваженія всѣхъ любишелей ошечесшвеннаго просвѣщенія, какъ первый и единсшвенный въ своемъ родѣ шрудъ на языкѣ Русскомъ; но я заимсшвовалъ изъ него весьма немногое, сшараясь вообще избѣгашь повшореній шого, чшо въ прежнихъ курсахъ хорошо обдумано и изложено. Въ главахъ о насшоящемъ сосшояніи Русской Прозы и Поэзіи характерисшика нашихъ знашнѣйшихъ Прозаиковъ и Поэшовъ, вмѣсшѣ съ другими дополненіями, прибавлена уже по произнесеніи Академіею Наукъ рѣшенія о моемъ сочиненіи. Въ сей характерисшикѣ многія изъ новыхъ сочиненій совсѣмъ не упоминаюшся, одни пошому, чшо еще не ушверждены общимъ голосомъ публики, другія по собсшвенной ихъ важносши или объему, шребующимъ много времени для

надлежащей ихъ оцѣнки. О всѣхъ прочихъ въ моемъ сужденіи я старался соблюсти приличную скромность, не слѣдуя и не желая слѣдовать новой какографической методѣ иностранцевъ, растлѣвающихъ юные умы смѣсью понятій объ изящномъ и безобразномъ или, что̀ и того хуже, поселяющихъ въ нихъ одни отрицательныя понятія объ истинѣ, эстетической красотѣ и нравственности, т. е. посредствомъ лишь раскрытія всего ложнаго̀, низкаго и безнравственнаго.

Какъ писатель и человѣкъ, я не смѣю и не долженъ ручаться за основательность моихъ мнѣній и вѣрность взгляда на предметы; впрочемъ надѣюсь, что и отступленіе мое отъ образа мыслей и теоріи другихъ Писателей не будетъ поставлено мнѣ въ вину и осужденіе. Одинъ изъ новыхъ нашихъ Философовъ, говоря о своей наукѣ, замѣтилъ, что она, равно какъ и самый умъ, принадлежитъ не одному ка-

кому либо частному лицу, но цѣлому человѣчеству; а слѣдовательно и понятіе объ ней вѣрное и полное можетъ быть составлено только съ голоса цѣлаго человѣчества. Мнѣ кажется, сія превосходная мысль можетъ быть примѣнена и вообще къ умозрительной части Словесныхъ Наукъ.

17 Апрѣля 1834 года.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ

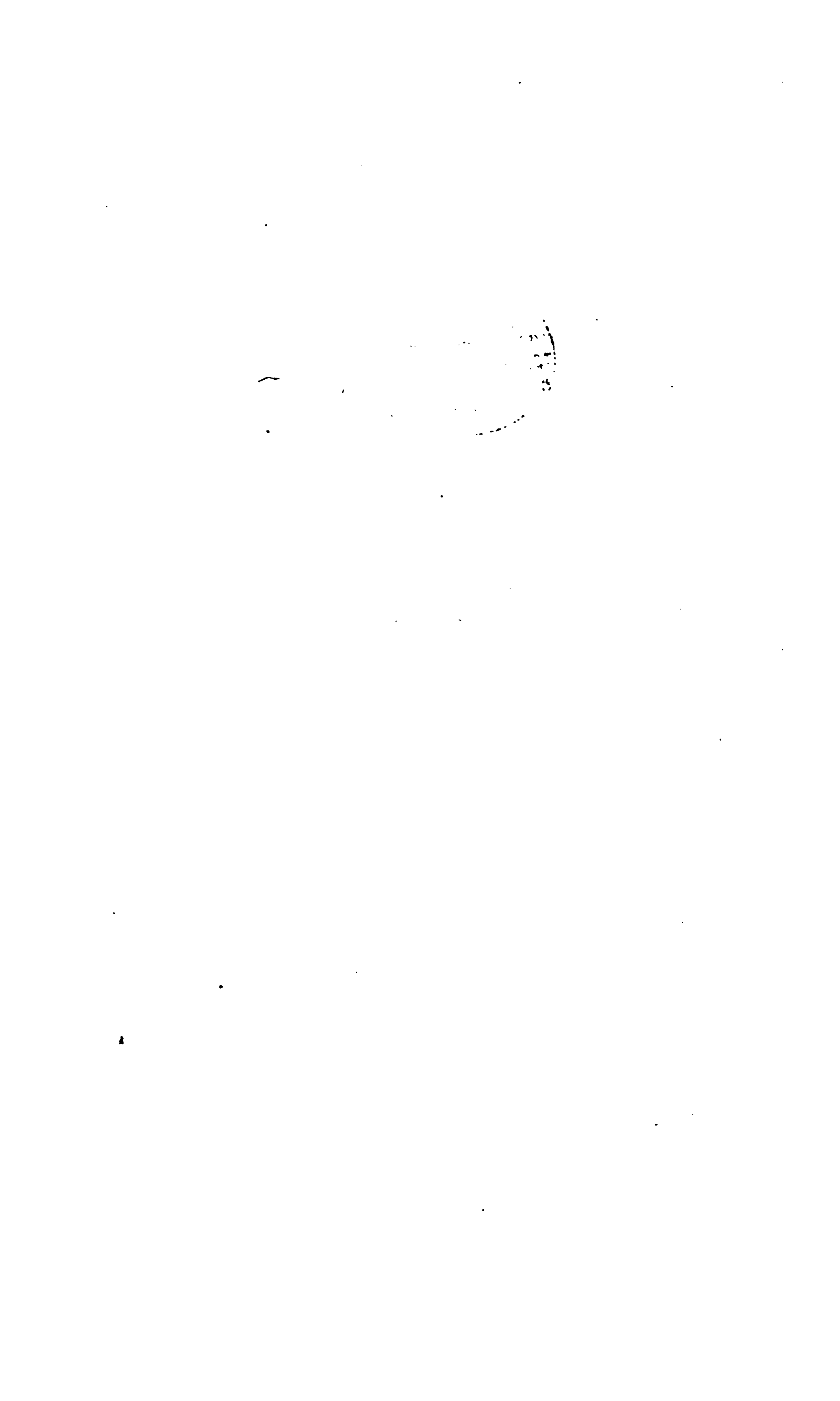
И

ОПЫТНЫЯ

ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ I.

ОБЩАЯ или ФИЛОСОФСКАЯ ГРАММАТИКА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Общія понятія о Словесности, выводимыя изъ Психологіи.

§ 1.

Словесность можетъ быть разсматриваема въ двухъ отношеніяхъ: или какъ даръ выражать мысли въ постепенномъ и послѣдовательномъ порядкѣ словъ, или какъ самое произведеніе сего дара, выраженіе различныхъ дѣйствій души въ формахъ языка. Въ семъ смыслѣ она объемлетъ собою цѣлый міръ понятій, ощущеній и желаній; его сферы суть разные роды сочиненій.

Чтобы постигнуть тайныя явленія сего міра, прежде всего надлежитъ раскрыть законы, по которымъ дѣйствуетъ его художникъ и распорядитель — душа человѣка.

§ 2.

Разнообразныя способности души, полученныя ею отъ природы, въ сущности своей не что иное суть, какъ различные образы, подъ которыми является одна и таже сила мышленія (ума), равно какъ и всѣ безпрерывныя измѣненія ея дѣйствій суть безпрестанное повтореніе одного лишь первоначальнаго дѣйствія, называемаго въ Психологіи *самопознаніемъ.* Сіе самопознаніе начинается только съ того мгновенія, когда душа, покоряясь влеченію собственной природы, стремится въ безпредѣльное, встрѣчаетъ первый внѣшній предметъ и вещественную его форму соединяетъ въ себѣ съ своимъ внутреннимъ или умственнымъ онаго представленіемъ.

§ 3.

Самая первая способность, посредствомъ которой наша душа входитъ въ сообщеніе съ предметами внѣшними и, такъ сказать, перено-

сипть оные внутрь себя, называется *силою впечатлѣнія*; за нею слѣдуютъ *внутреннее воззрѣніе* и *воображеніе*. Въ строгомъ смыслѣ сіи три силы суть только три мгновенія одного и того же дѣйствія. Ибо посредствомъ впечатлѣнія умъ обозрѣваетъ отдѣльно и порознь каждую часть встрѣтившагося ему предмета; посредствомъ внутренняго воззрѣнія онъ избираетъ только части однородныя или имѣющія взаимное между собою соотношеніе; а посредствомъ воображенія сіи избранныя части приводитъ къ единству или опредѣленному образу, называемому идеею или вообще понятіемъ. Впечатлѣніе формы предмета, по свойству самой души, всегда сопровождается представленіемъ его качествъ и принадлежностей. Способъ выражать словами соединеніе сихъ внутреннихъ понятій съ внѣшними именуется *Языкомъ*.

§ 4.

Если душа въ дальнѣйшихъ своихъ

дѣйствіяхъ обращается преимущественно къ сторонѣ внѣшней и занимается въ особенности созерцаніемъ тѣхъ предметовъ, которые поражаютъ чувства совершенствомъ формъ и добротою качествъ; то три силы перваго ея дѣйствія замѣняются соотвѣтствующими имъ тремя высшими талантами: *воображеніемъ живымъ*, *вкусомъ* и *фантазіею*. Ибо живое воображеніе, переходя отъ однихъ предметовъ къ другимъ, представляетъ оные безъ цѣли и плана; вкусъ изъ сей области представленій выбираетъ только черты прекрасныя и совершенныя; а фантазія сіи избранныя части приводитъ къ одному цѣлому, извѣстному подъ именемъ идеала. Въ идеалѣ отражаются число, мѣра и гармонія частей въ высшей степени. Искусство выражать оныя соотвѣтствующимъ имъ языкомъ называется *Поэзіею*.

§ 5.

Если напротивъ душа стремится

перенести чувственное внутрь себя для того, чтобы представленія вещей преходящихъ и измѣняемыхъ упрочить понятіями отвлеченными и общими; то въ ней открывается дѣйствіе высшей ея силы *ума* (ratio). Въ немъ сосредоточиваются и воображеніе и смыслъ (intellectus); ибо умъ по своему естеству или отъ понятія особаго восходитъ посредствомъ частнаго къ общему или отъ рода нисходитъ посредствомъ вида къ недѣлимому (individuum). Сіе восхожденіе и нисхожденіе есть тоже, что и умозаключеніе логическое. Если верховная сила души, *умъ*, восходя и проявляясь постепенно въ дѣйствіи, сопровождается въ тоже время полнымъ раскрытіемъ подчиненныхъ ему способностей воображенія и разума; то искусство приводить сіи разнообразныя его движенія въ одно цѣлое стройное и облекать оныя въ соотвѣтствующія имъ формы слова (фигуры, періоды, силлогизмы) называется *Красноръчіемъ*.

§ 6.

И такъ наука о Словесности, въ обширномъ смыслѣ принятая, заключаетъ въ себѣ правила 1, языка, 2, Поэзіи и 3, Краснорѣчія. Въ наукѣ о языкѣ или разсматриваются общіе законы, по коимъ онъ составился и былъ употребляемъ людьми первобытными, или излагаются происхожденіе и постепенный ходъ языка у одного извѣстнаго народа. *Поэзія* и *Краснорѣчіе* также могутъ быть предметомъ или общихъ изслѣдованій или частныхъ. Въ первомъ случаѣ общіе законы полнаго развитія сихъ искусствъ, по началамъ фантазіи и ума, составляютъ Теорію общей Словесности; въ послѣднемъ проявленіе ихъ и измѣненіе законовъ, служащихъ имъ основаніемъ, опредѣляются нравами, внѣшнею жизнію и судьбами одного какого либо народа.

§ 7.

На семъ основаніи въ составъ предлагаемаго здѣсь Начертанія Теоріи

Словесности войдутъ: 1, Ученіе о языкѣ вообще или Философская Грамматика; 2, Ученіе о языкѣ отечественномъ или Система Русскаго языка, 3, Психологическія основанія Теоріи Словесности и 4, Планъ Исторіи Русской Литературы.

ОБЩАЯ или ФИЛОСОФСКАЯ ГРАММАТИКА.

ГЛАВА I.

Объ устроеніи органовъ человѣческаго слова.

§ 1.

Исторія не оставила намъ никакихъ памятниковъ языка первобытнаго; но въ опредѣленіи его образованія и распространенія могутъ руководствовать насъ изученіе общихъ законовъ слова, изслѣдованіе физическаго устроенія органовъ голоса, сравненіе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и наблюденіе постепеннаго развитія мыслящей способности вообще человѣка.

§ 2.

Прежде всего нужно замѣтить, что принадлежности голоса рѣчи суть тѣ же, какія приличествуютъ и голосу пѣнія; какъ то: 1-е) простой звукъ; 2-е) объемъ и сила звука

по количеству воздуха, сообщаемаго гортанью; 3-е) медленность и скорость, зависящія отъ большаго или меньшаго стремленія воздуха, изгоняемаго изъ легкаго; 4-е) разныя степени пониженія или повышенія, производимыя большимъ или меньшимъ отверстіемъ гортани; 5-е) удареніе и декламація, соединяемая съ выраженіемъ души.

§ 3.

Изъ сего слѣдуетъ, что органъ слова и органъ пѣнія устроены по одному и тому же закону, извѣстному подъ именемъ *закона звучныхъ тѣлъ*, и что первый способенъ принимать столько же измѣненій или наклоненій голоса, сколько издается тоновъ по слѣднимъ.

§ 4.

Сіи наклоненія называются обыкновенно *гласными*. Число ихъ неопредѣленно; но простѣйшихъ и самостоятельныхъ, какъ можно замѣтить изъ сравненія всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ, должно быть только 7. На прим. а, η (э, ai), é, i, о, *и*, Французская свистящая (sifflé) *и*, или Греческая и прочихъ Восточныхъ языковъ углубленная гортанная (adspiratum) *h*.

§ 5.

Если сравнимъ простой звукъ гласной съ звукомъ струны, натянутой на инструментѣ, то *a* будетъ полный голосъ или струна, взятая во всю ея длину отъ гортани до губъ, i есть струна въ половину укороченная, u есть конецъ струны на краю губъ (complementum acuti, дискантъ), h до возможности продолженная или глубоко гортанная (complementum imi, басъ). И такъ различiе гласныхъ въ разныхъ языкахъ зависитъ только отъ того, что одинъ народъ раздѣляетъ струну своего голосоваго органа на высшемъ, а другой на низшемъ ладѣ.

§ 6.

Согласныя буквы сами по себѣ суть не что иное, какъ формы или виды звука. Органы, коими онѣ производятся, суть слѣдующiе: 1, губы, 2, гортань, 3, зубы, 4, небо, 5, языка, 6, носъ. Числомъ сихъ органовъ опредѣляется и самое число первоначальныхъ согласныхъ; на пр. губная *б*, гортанная *к*, зубная *д*, поднебная *ж*, язычная *л*, носовая *с* (s).

§ 7.

Въ семъ отношеніи механизмъ слова можно сравнить съ флейтою. Гласныя всѣ вообще должны быть приняты здѣсь за одинъ простой звукъ или голосъ сего орудія; или другими словами, онѣ уподобляются воздуху, вогнанному внутрь флейты, а согласныя скважинамъ, чрезъ которыя выходитъ воздухъ или голосъ.

§ 8.

Умноженіе согласныхъ буквъ произошло отъ сильнѣйшаго или слабѣйшаго движенія въ каждомъ органѣ; ибо каждый изъ означенныхъ органовъ, исключая носоваго, можетъ производить свойственное ему движеніе плавно, средственно и грубо. Не смотря на сіе различіе въ движеніи, согласныя буквы одного органа часто употребляются, грубыя вмѣсто плавныхъ и наоборотъ; особенно сіе случается при переходѣ слова изъ одного языка въ другой.

§ 9.

Вотъ средства, которыя получилъ человѣкъ отъ природы для распространенія и образованія дара слова, ниспосланнаго ему

свыше. Вообще подъ постепеннымъ развитіемъ первообразнаго языка, предлагаемомъ въ Общей Грамматикѣ, разумѣется одно только его усовершенствованіе. Дерзкая мысль нѣкоторыхъ Софистовъ, что человѣкъ сначала употреблялъ для выраженія своихъ внутреннихъ ощущеній одни тѣлодвиженія и одни измѣненія голоса и уже впослѣдствіи изобрѣлъ для себя слово,—сія мысль, похожая на систему Епикура, силившагося соорудить неизмѣримый и прекрасный міръ изъ однихъ атомовъ,—есть нелѣпая мечта разстроеннаго разсудка, недостойная опроверженія. Ибо хотя первобытнымъ семействамъ и неизвѣстны были всѣ изгибы страстей и всѣ утонченныя понятія позднѣйшихъ вѣковъ; однако же не естественно, чтобы въ языкѣ ихъ не было словъ для выраженія чистѣйшихъ идей о Божествѣ, пламенныхъ чувствъ признательности къ Творцу и всѣхъ отношеній ихъ къ ближайшей природѣ, къ самимъ себѣ и къ кругу ихъ потребностей.

ГЛАВА II.

Объ отношеніяхъ органовъ слова къ формамъ звука и къ самому физическому свойству вещей.

§ 10.

Гласныя по естеству своему назначены выражать преимущественно одни внутреннія ощущенія, производимыя неясными впечатлѣніями внѣшнихъ предметовъ. Между сими гласными, названными въ послѣдствіи *междометіемъ*, и нѣкоторыми частями голосоваго орудія открывается сходство не условленное, но физическое и необходимое. Голосъ скорби есть протяжный и глубокогортанный: *о! охъ!* Голосъ радости есть полный, ясный, стремительный: *а! ахъ!* Голосъ смѣха раз-

дается учащательно: *а*, *а*, *а*, *и*, *и*, *и*. Голосъ удивленія протяженъ: *э!* Голосъ страха отрывистъ: *у!*

§ 11.

Образованіе прочихъ коренныхъ частей слова человѣческаго зависитъ частію отъ движенія свойственнаго устроенію каждаго органа, частію отъ подражанія предметамъ голосомъ. Въ первомъ случаѣ каждый органъ голоса, впечатлѣвая въ воздухъ опредѣленныя движенія, производитъ и опредѣленные звуки, служащіе къ выраженію именъ какъ самаго органа, такъ и вещей, относящихся къ его дѣйствію, виду и пр. На пр. гортанный звукъ *г* служитъ основаніемъ самаго имени органа, коимъ онъ произносится: *гортань*, *горло*, *guttur*.

§ 12.

Во второмъ случаѣ, когда одинъ человѣкъ хотѣлъ передать другому понятіе о вещественномъ предметѣ имъ замѣченномъ, то не находилъ другаго удобнѣйшаго способа, кромѣ подражанія своимъ голосомъ звуку, издаваемому симъ предметомъ.

§ 13.

Органъ голоса, не ограничиваясь симъ подражаніемъ, принимаетъ по возможности образъ самаго предмета, которой онъ старается представить голосомъ; для сего онъ издаетъ звукъ, какъ бы изъ пустоты исходящій, ежели предметъ имѣетъ въ себѣ пустоту; грубый или шероховатый, если предметъ находится въ состояніи грубости или шероховатости. Отсюда произошла постоянная связь между звукомъ одного органа и цѣлымъ родомъ вещей разсматриваемыхъ съ одной точки зрѣнія; и сія связь основывается на законахъ природы, учредившей соотношеніе между формою звука и образомъ существованія выражаемыхъ голосомъ предметовъ.

§ 14.

Во всѣхъ сихъ случаяхъ, такъ какъ и въ звукоподражаніи (onomatopoea), первый звукъ выражаетъ первое ощущеніе въ видѣ междометія и служитъ основаніемъ или корнемъ слова означающаго предметъ, его положеніе, качества и проч. На пр. знакъ *st* (тсъ) есть междометіе, коимъ заставляемъ кого-либо

остаться въ состоянiи неподвижности, и доселѣ входитъ въ составъ многихъ словъ, означающихъ твердость и неподвижность: *стой*, stare, *στάω*, stand, stein, и т. д.; *р* означаетъ рѣзкость: *рубить*, *рѣчь*; *ῥέω*; rapidus.

§ 15.

Не всѣ голосовые органы прiобрѣтаютъ вдругъ способность дѣйствовать. Дитя, употребляющiй сначала только одинъ изъ своихъ органовъ, по необходимости издаетъ одни тѣ звуки, къ коимъ способенъ сей органъ. Посему слова, состоящiя изъ простыхъ наклоненiй органа губнаго, какъ перваго и гибчайшаго изъ всѣхъ, или, смотря по различiю климата, другаго органа десничнаго, какъ ближайшаго къ губному, суть первыя слова въ языкѣ младенца и принадлежатъ къ первобытнымъ и кореннымъ словамъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ въ свѣтѣ. Сiи слова суть слѣдующiя: *папа*, *мама*, *тата*, *дада*, и проч. cum cibôs et potionem buas et papas vocent, matrem mamam, patrem papam (Cato de liberis educandis).

§ 16.

Такимъ образомъ первые способы, упо-

требленные къ распространенію системы слова, зависѣли гораздо болѣе отъ физическаго свойства вещей или отъ необходимаго слѣдствія данной причины, нежели отъ размышленія и произвольнаго выбора.

ГЛАВА III.

О постепенномъ распространеніи языка.

§ 17.

Всѣхъ корней языка, образованныхъ вышеозначенными способами, не много; но ихъ отрасли безчисленны и притомъ такъ переплетены, что когда надлежало изобрѣтать новыя имена для вещей, мало способныхъ къ звукоподражанію, то брали какое нибудь сходство между сими вещами и прочими извѣстными: и посредствомъ сего сравненія, болѣе или менѣе удаленнаго, употребляли старыя реченія для означенія новыхъ предметовъ или производили новыя слова отъ старыхъ, уже принятыхъ реченій. Такимъ образомъ явился въ языкѣ новый способъ образованія словъ, основанный на переносѣ впечатлѣній одного чувственнаго органа на дру-

гой органъ. Translationes enim quasi mutationes sunt; quod cum non habeas aliunde sumas (Cic). Сей способъ, называемый *метафорою*, распространяется и на всю область внутреннихъ ощущеній, на всѣ существа духовныя, невидимыя, ихъ дѣйствія и качества. Воображеніе человѣка уподобляетъ предметы умственные физическимъ и облекая ихъ въ формы, которыхъ они не имѣютъ, симъ самымъ способствуетъ къ составленію именъ отвлеченныхъ по образцамъ видимымъ и даже по звукоподражанію.

§ 18.

Синонимы или *сословы* получаютъ свое происхожденіе отъ того, что люди смотрятъ на вещи съ разныхъ сторонъ и даютъ имъ различныя названія относительно къ каждой сторонѣ. Если вещь существуетъ въ природѣ самостоятельно; то *для* *нея* мало или и совсѣмъ нѣтъ сословныхъ наименованій; ибо способъ, коимъ она возбуждаетъ о себѣ понятіе, есть простъ и ясенъ.

§ 19.

Составляемые такимъ образомъ корни и отрасли языка *дѣлятся* по внутреннимъ сво-

имъ качествамъ, на восемь классовъ или разрядовъ, называемыхъ обыкновенно въ Грамматикѣ *частями рѣчи.* Самый порядокъ, въ какомъ сіи части слѣдуютъ одна послѣ другой, объясняется однимъ только наблюденіемъ постепеннаго развитія душевныхъ способностей человѣка.

§ 20.

Въ первородномъ состояніи разсматриваемый человѣкъ во многихъ отношеніяхъ подобенъ младенцу. Чувства его живы и стремительны, выраженія вырываются какъ бы прямо изъ сердца. Посему *междометія*, употребляемыя и нынѣ при выраженіи сильныхъ страстей, безъ сомнѣнія были господствующею частію рѣчи въ языкѣ первобытномъ. Самая односложность и однозвучіе сихъ частицъ, встрѣчаемыя во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, доказываютъ ихъ древность и первообразіе.

§ 21.

Вниманіе человѣка первоначально обращается только на предметы его окружающіе, подверженные чувствамъ и въ особенности на такіе, въ коихъ онъ имѣетъ нужду или

которые имѣютъ къ нему ближайшее отношеніе; слѣдовательно и названія сихъ предметовъ или *имена вещей* должны относиться къ словамъ первообразнымъ.

§ 22.

Внѣшнія качества тѣлъ, какъ то ихъ цвѣтъ, образъ и протяженіе часто поражаютъ насъ прежде и скорѣе, нежели самое существо, коему принадлежатъ сіи качества. И такъ *прилагательныя*, выражающія качество чувственное, не только должны были предшествовать прочимъ частямъ рѣчи, но вѣроятно служили еще и корнями безчисленному множеству именъ существительныхъ вещественныхъ.

§ 23.

Воображеніе человѣка, придающее жизнь и душу всѣмъ предметамъ, присовокупляетъ въ то же время къ названіямъ ихъ значеніе пола мужескаго или женскаго. Отсюда произошли роды именъ существительныхъ и прилагательныхъ: родомъ мужескимъ вѣроятно выражались первоначально предметы твердые и сильные, а родомъ женскимъ слабые и нѣжные.

§ 24.

Употребленіе *глаголовъ* предполагаетъ способность соединять два понятія, т. е. предметъ и его существованіе, качество или дѣйствіе. Сія способность составляетъ главное и необходимое отличіе человѣка отъ всѣхъ животныхъ; слѣдовательно и часть рѣчи, называемая глаголомъ, по необходимости должна была войти въ составъ языка первообразнаго.

§ 25.

Слова въ рѣчи находятся между собою въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и самыя существа ими выражаемыя; т. е. или зависятъ одно отъ другаго или слѣдуютъ одно за другимъ. Въ первомъ случаѣ отношенія ихъ выражаются очень часто *предлогами*, въ послѣднемъ *союзами*.

§ 26.

Какъ различное окончаніе падежей имени существительнаго, прилагательнаго и причастія опредѣляется преимущественно предлогами, такъ измѣненіе окончаній глагола по лицамъ зависитъ отъ личныхъ *мѣстоименій*; скажемъ короче: предлоги и лич-

ныя мѣстоименія суть первоначальныя причины измѣненія именъ и глаголовъ.

§ 27.

Сими частями рѣчи опредѣляется первый періодъ образованія языка. Что касается до *нарѣчій*, то по крайней мѣрѣ большая часть ихъ должна принадлежать позднѣйшему времени; ибо нарѣчіе есть качество глагола, или другими словами, сказуемое сказуемаго, такъ что въ предложеніи, заключающемъ нарѣчіе, послѣ глагола находятся двѣ мысли: главная и придаточная. На пр. въ слѣдующемъ предложеніи: *удовольствія пролетаютъ быстро*,—первая мысль: *удовольствія пролетаютъ*, — вторая: *полетъ ихъ быстръ*. Сверхъ сего анализъ нарѣчій доказываетъ, что они почти всѣ суть слова производныя или сложныя.

§ 28.

Въ собственномъ смыслѣ и *Союзы* въ извѣстныхъ нынѣ языкахъ почти всѣ суть слова сложныя или усѣченныя отъ другихъ частей рѣчи. Большая часть ихъ, какъ кажется, вошли въ употребленіе въ то время, когда Витіи и Стихотворцы обратили вни-

маніе на строеніе періодовъ и плавность рѣчи.

§ 29.

Имена *общія* и *отвлеченныя* предполагаютъ уже въ высшей степени развитіе мыслящей способности. Разумъ пріобрѣтаетъ прежде понятія о предметахъ особыхъ (individua); замѣтивъ общее имъ свойство, составляетъ изъ онаго понятіе *вида*, такъ какъ изъ сходства видовъ понятіе *рода*. Слѣдовательно и въ языкѣ имена собственныя должны были предшествовать нарицательнымъ, частныя общимъ и т. д. — Имена отвлеченныя суть названія свойствъ, кои, отдѣляя мысленно отъ вещей, мы представляемъ не въ вещахъ, но какъ бы самостоятельно существующими. Къ нимъ можно отнести имена числительныя, когда мы ихъ воображаемъ безъ приложенія къ чувственной вещи.

§ 30.

Неокончательныя наклоненія глаголовъ суть то же, что имена отвлеченныя; *причастія* отличаются отъ именъ прилагательныхъ тѣмъ, что послѣдними означаются качества предмета, постоянно въ немъ пребы-

вающія, а первыми явленія его качествъ во времени.

§ 31.

И такъ вся Исторія образованія языка можетъ раздѣлиться на два періода; къ первому относятся слова, составленныя по внѣшнимъ впечатлѣніямъ, ко второму выраженія понятій отвлеченныхъ и только въ умѣ существующихъ. Вмѣсто нарѣчій и именъ отвлеченныхъ въ языкѣ первобытномъ вѣроятно употребляемы были имена прилагательныя, какъ видно изъ словосочиненія языковъ древнихъ; на пр. *ὡραῖος ποίησον*; obvius ire; medio tutissimus ibis. Подобнымъ образомъ наше прилагательное *радъ*, а, о, множ. *ради* употреблялось въ древнемъ нашемъ языкѣ, при изъявительномъ наклоненіи глаголовъ, на пр. *послушаю радъ*, *ониже ради обѣщашася*, и пр. Союзы замѣняемы были глаголами или другими частями рѣчи, отъ коихъ въ послѣдствіи времени они получили свое образованіе; на пр. *sive* отъ *sit* и *ve*, *ve* отъ *vel*, а *vel* отъ *velle*; *или* и *ли* отъ *либо*, *либо* отъ стариннаго слова *любо*, а сіе отъ *любить*.

§ 32.

Сими отношеніями опредѣляется отличіе языковъ древнихъ отъ новыхъ. Первые будучи составлены изъ словъ, выражающихъ звуки тѣлъ и чувственныя качества предметовъ, заключаютъ въ себѣ болѣе благозвучія и живописи; послѣдніе, перешедши отъ знаковъ физическихъ къ умственнымъ и условнымъ, — болѣе точны и опредѣленны. Первымъ принадлежитъ первенство въ поэзіи и витійствѣ, послѣднимъ въ сочиненіяхъ учебныхъ и философическихъ.

ГЛАВА IV.

О раздѣленіи Общей Грамматики по предметамъ.

§ 33.

Предметы Общей Грамматики суть четыре стихіи, входящіе въ составъ человѣческаго слова: вещество, мысль, звукъ и буква. По симъ предметамъ она раздѣляется на четыре извѣстныя части, кои суть *Этимологія* или *Лексикологія*, *Синтаксисъ*, *Просодія* и *Орѳографія*.

§ 34.

Этимологія занимается образованіемъ словъ въ рѣчи, ихъ составленіемъ или разложеніемъ посредствомъ анализа, ихъ происхожденіемъ и наконецъ ихъ силою или истиннымъ значеніемъ.

§ 35.

Выше замѣчено, что слова въ рѣчи или находятся во взаимной между собою зависимости или слѣдуютъ одно за другимъ. На семъ основываются двѣ главныя части *Синтаксиса: строеніе словъ* и ихъ *послѣдовательное расположеніе.* Въ строеніи надобно отличать *согласованіе* отъ управленія. Первое заключается въ отношеніяхъ имени прилагательнаго къ существительному по роду, числу и падежу, и въ отношеніяхъ мѣстоименія относительнаго къ предыдущему, глагола къ подлежащему и отвѣта къ вопросу. Къ именамъ и глаголамъ присовокупляются съ предлогами или безъ предлоговъ слова, служащія дополненіемъ или опредѣленіемъ цѣлаго смысла. Сіе называется *управленіемъ.*

§ 36.

Точность и опредѣленность языка требуютъ, что бы каждое понятіе могло быть представлено въ пяти видахъ: въ видѣ существительнаго, прилагательнаго, глагола, причастія и нарѣчія. Понятія предметовъ физическихъ представляются большею частію только въ двухъ первыхъ видахъ, на пр. огонь, огнен-

вый; но понятія отвлеченныя способны принимать всѣ означенные виды и слѣдовательно во всѣхъ видахъ могутъ требовать тѣхъ падежей, коими управляетъ ихъ корень.

§ 37.

Расположеніе рѣчи бываетъ или *естественное* или *логическое*. Въ первомъ слова слѣдуютъ одни за другими въ томъ порядкѣ, въ какомъ раждались выражаемыя ими ощущенія и понятія; послѣднее (какъ въ языкѣ Французскомъ) представляетъ сперва дѣйствующее лице (падежъ именительный); потомъ его дѣйствіе (глаголъ); потомъ образъ дѣйствія (нарѣчіе); предметъ, дѣйствію подлежащій (падежъ винительный); качество сего предмета (имя прилагательное) и пр.

§ 38.

Если слова образованы болѣе для человѣка, нежели для предметовъ; то и порядокъ, какого держаться должно въ рѣчи, представляющей понятія о предметахъ, не состоитъ въ обыкновенномъ ходѣ вещей, а преимущественно въ точномъ послѣдованіи мыслей, въ стремительности чувствованій или движеній сердца, въ вѣрности изображенія дѣйствія.

Уклоненіе отъ сего предписаннаго самою природою порядка можетъ быть допущено только въ тѣхъ языкахъ, кои не имѣютъ падежей для означенія всѣхъ отношеній дѣйствующаго предмета къ предметамъ, подлежащимъ дѣйствію. (a)

§ 39.

Ударенія составляютъ нѣкоторый родъ пѣнія, коимъ сопровождается слово, какъ сіе явствуетъ изъ самаго названія *просодіи:* *πρὸς ᾠδήν*; accentus est etiam in dicendo cantus obscurior (Cicero de Orat). Будучи у всѣхъ народовъ первымъ и чистымъ выраженіемъ природы, они должны отнесены быть къ языку первобытному, или лучше должны быть причислены къ первому разряду словъ, состоящему изъ междометій; ибо они служатъ, подобно симъ послѣднимъ, къ выраженію внутреннихъ чувствованій, составляю-

(a) По мнѣнію Цицерона (partitio Oratoria), есть три порядка словъ: первый естественный (directe sicuti natura ipsa tulerit); на пр. legi tuas litteras: второй есть превращеніе перваго (invertatur ordo, sursum versus retroque dicatur) на пр. litteras tuas accepi; третій, когда слова, имѣющія связь, прерываются другими вставочными (intercise atque permiste), на пр. raras tuas quidem, sed suadas accipio litteras.

щихъ душу словъ. Vocis mutationes totidem sunt quot animorum (Cic. de Orat).

§ 40.

Въ простой рѣчи, какъ и въ пѣніи, одна только гласная принимаетъ измѣненія удареній; согласныя участвуютъ въ оныхъ только для того, чтобы служить опорою голоса въ стремительномъ произношеніи. Объемъ и сила, медленность и скорость, пониженія и повышенія гласной зависятъ не только отъ мѣры отверстія и сжатія гортани, но и отъ устроенія органа, коимъ она произносится. Отсюда получили начало свое въ древнихъ языкахъ гласныя по естеству *долгія* и *краткія*.

§ 41.

Орѳографія есть часть Грамматики, которая учитъ правильно изображать или писать слова, сообразуясь съ употребленіемъ установленнымъ и опредѣленнымъ лучшими писателями.

§ 42.

Три способа писанія *изобразительный*, *представительный* и *буквенный* соотвѣтствуютъ различнымъ дѣйствіямъ ума, отъ которыхъ они получили свое начало, т. е.

понятію, произведенному чрезъ чувство внѣшнее,—понятію, возникшему чрезъ чувство внутреннее, и соединенію понятій, называемому размышленіемъ или разсужденіемъ.

§ 43.

Трудность выражать голосомъ предметы внѣшніе, однимъ чувствомъ зрѣнія постигаемые и не производящіе ни звука, ни движенія ощутительнаго, открыла человѣку способъ говорить объ нихъ глазамъ посредствомъ красокъ. Первоначальный образъ сего писанія ограничивался одними отдѣльными изображеніями, начертанными въ видѣ самыхъ вещей *in rebus*. Такъ, по свидѣтельству Нарборуга, представленъ былъ дикими жителями Магелланики видъ корабля по кустарнику; они выкрасили сей кустарникъ, а вмѣсто мачтъ поставили длинные шесты.

§ 44.

Изображенія обдуманныя и расположенныя съ намѣреніемъ, чтобы представить связь вещей, могутъ составлять цѣлую рѣчь. Лагантанъ сохранилъ образчикъ писанія Канадскихъ дикарей, въ коемъ содержится повѣствованіе объ одномъ военномъ походѣ Фран-

цусовъ противъ Ироксейцевъ.... (Voyage de la Hantan tom. 2. pag. 191.).

§ 45.

Представительный образъ писанія состоитъ въ употребленіи вещей вмѣсто символовъ или въ переносѣ естественныхъ образовъ, представляющихъ вещи, къ разнымъ ихъ отношеніямъ и принадлежностямъ. Таковы Гіероглифическіе знаки Египтянъ. При открытіи Америки у Мексиканцевъ также не найдено другаго письма, кромѣ Гіероглифическаго. Такъ они писали свою Исторію и дали знать Монтезумѣ о прибытіи Кортеца.

§ 46.

Много потребно было соображеній и усилій, чтобы перейти отъ изображеній символическихъ къ буквеннымъ. Плутархъ говоритъ, что имя данное Кадмомъ первой Греческой буквѣ *альфа* означаетъ на языкѣ Финикійскомъ *вола;* въ Самаританскомъ *алефъ* также находятъ нѣкоторое хотя и грубое изображеніе воловьей головы съ двумя рогами. Въ другомъ мѣстѣ Плутархъ говоритъ, что первая буква у Египтянъ была птица *Ибисъ*

съ опущеннымъ носомъ къ ногамъ: что представляло видъ треугольника.

§. 47.

Между Гіероглифами Египетскими и буквами Европейскими среднее мѣсто занимаютъ еще черты представительныя, ключи мыслей или буквы Китайскія, и представительныя черты словъ или буквы Сіамскія. Къ первымъ можно отнести *квиты* или разноцвѣтныя веревочки Перувіанцевъ, съ узлами разной величины и фигуры, а къ послѣднимъ принадлежитъ *азбука слоговъ*, доселѣ употребляемая Абиссинцами и Еѳіоплянами.

§. 48.

Главнѣйшія правила общей Орѳографіи заключаются въ слѣдующемъ:

1) Всякая фигура или начертаніе должны означать какой нибудь звукъ.

2) Всякой звукъ долженъ быть означенъ какою нибудь фигурою или буквою.

3) Всякая фигура непремѣнно должна означать одинъ только звукъ или простой или сложный.

4) Одинъ и тотъ же звукъ не долженъ быть означенъ разными фигурами, буквами.

§ 49.

Въ заключеніе не излишнимъ считаемъ упомянуть о покушеніи нѣкоторыхъ ученыхъ ввести общіе характеры для выраженія самыхъ вещей, такъ чтобы каждый народъ, удерживая свой языкъ, могъ понимать другіе, не учившись имъ; на пр. видя знакъ, опредѣленный для выраженія слова *пить*, Грекъ прочиталъ бы *πίνειν*, Латинщикъ bibere, Французъ boire, и т. д. Возможность изобрѣтенія подобнаго языка основываема была на знакахъ, введенныхъ въ науки и понимаемыхъ вообще всѣми народами, какъ то на знакахъ ариѳметическихъ, алгебраическихъ, астрономическихъ, грамматическихъ, въ раздѣленію рѣчи служащихъ, и музыкальныхъ, а равно и на примѣрѣ Китайцевъ, Японцевъ, Тонкинцевъ и Корейцевъ, кои, не понимая другъ друга въ разговорѣ, разумѣютъ одни другихъ посредствомъ употребленія ими одинакихъ знаковъ въ письмѣ.

Первые опыты ко введенію сихъ вещественныхъ характеровъ сдѣланы были Вилкинсомъ и Долгармомъ. Остроумный Лейбницъ хотѣлъ даже издать алфавитъ или азбуку человѣческихъ мыслей для достиженія

Философическаго языка; но смерть сего великаго Философа помѣшала ему привесть въ дѣйство свое предпріятіе.

Въ Энциклопедіи для общихъ характеровъ сдѣлано было также слѣдующее предположеніе: перенумерить сначала слова Лексикона на какомъ нибудь одномъ языкѣ, потомъ поставить тѣже цифры подлѣ однознаменательныхъ словъ въ Лексиконахъ всѣхъ другихъ языковъ, и наконецъ раздѣлить сіи Словари на двѣ части: одну по алфавиту, другую по нумерамъ. Къ сему не трудно было бы прибавить знаки для опредѣленія времени и падежей; но Энциклопедисты не замѣтили важнаго препятствія, могущаго произойти отъ неравнаго числа въ языкахъ словъ матеріальныхъ и отвлеченныхъ. (*)

Конецъ первой части.

(*) О сихъ предположеніяхъ подробно упоминаетъ Г. Подшиваловъ въ сочиненіи своемъ *о чтеніи и письмѣ*, помѣщенномъ въ V части Трудовъ Общ. Люб. Россійской Словесности при Императорскомъ Москов. Университетѣ.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ
И
ОПЫТНЫЯ
ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ IV ЧАСТЯХЪ,

сочиненіе А. Глаголева.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

СИСТЕМА РУССКАГО ЯЗЫКА.

ГЛАВА I.

Объ отношенiяхъ Русскаго языка къ языкамъ древнимъ, Азiатскимъ и Европейскимъ.

§ 1.

Отношенiя народовъ древнихъ къ новымъ можно представить въ видѣ родословнаго дерева, котораго корень скрывается во глубинѣ времени (*). Система языка людей первобытныхъ вѣроятно была проста; ибо основанiемъ ему служила сама Природа, не терпящая въ своемъ законоположенiи ничего темнаго и запутаннаго. Чтобы составить какое либо о немъ понятiе, надобно сравнить между собою всѣ извѣстные языки и отдѣ-

(*) Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Этнографовъ назвали классъ или общiй родъ сходныхъ между собою языковъ *царствомъ* (règne), а самые языки, какъ виды относящiеся къ одному роду или классу, *семействами* (familles).

лить отъ нихъ черты имъ общія, однообразныя, какъ то: простыя гласныя и согласныя, нѣсколько однозвучныхъ междометій и нѣсколько корней, уцѣлѣвшихъ въ другихъ частяхъ рѣчи (а).

§ 2.

Когда родъ человѣческій раздѣлился на племена и разсѣялся по разнымъ болѣе или менѣе отдаленнымъ частямъ свѣта; тогда образовались новыя нарѣчія, сохранившія простоту языка первобытнаго, но отступившія отъ его корней и стихійныхъ началъ, сообразно мѣсту и времени. Сіи нарѣчія по существу своему болѣе мелодическія, нежели гармоническія, не должны были терпѣть въ своихъ формахъ ни многосложныхъ словъ, ни стеченія согласныхъ въ слогахъ. Слѣды ихъ мелодіи, можетъ быть, скрываются въ собственныхъ именахъ Праотцевъ, упоминаемыхъ въ Священной Исторіи и въ корняхъ языковъ Восточныхъ.

(а) Verius primaevam linguam nullibi puram extare, sed reliquias ejus esse in linguis omnibus. H. Grotius, annot. ad Vet. testament. Genes. XI.

§ 3.

До изобрѣтенія писменнаго искусства языки раждались быстро и умирали, не оставляя послѣ себя памятниковъ своего существованія. Взаимныя сношенія племенъ прерывались съ ихъ разсѣяніемъ; различіе климата имѣло вліяніе на различное образованіе ихъ словесныхъ органовъ; разнообразіе предметовъ, поражавшихъ ихъ своею новостію, распространеніе сферы понятій вмѣстѣ съ кругомъ нуждъ и потребностей и наконецъ подражаніе звукамъ дикой и пріятной природы въ одно и то же время способствовали къ изобрѣтенію новыхъ словъ для языка и новаго звукоизмѣненія въ словахъ.

§ 4.

И такъ существенное основаніе различія языковъ скрывается въ раздѣленіяхъ народовъ и ихъ переселеніяхъ; съ другой стороны сродство народовъ и взаимныя ихъ сношенія, предшествовавшія помянутымъ переворотамъ, могутъ быть объяснены только сравненіемъ отличительныхъ качествъ ихъ языковъ. При семъ сравненіи нужно принимать въ соображеніе: . .

1) Стихійныя начала языка, какъ то: характеры звуковъ и ихъ свойство въ взаимномъ между собою сочетаніи.

2) Общіе законы, по коимъ сіи звуки измѣняются и переходятъ въ другіе, соотвѣтствующіе имъ по объему произношенія.

3) Корни словъ, выражающихъ чувственныя и необходимыя или отвлеченныя и произвольныя понятія.

4) Законы измѣненія корней, ихъ приращенія и раздѣленія на разныя отрасли.

5) Слова метонимическія другихъ языковъ для отысканія ключа къ потеряннымъ корнямъ.

6) Сродство въ родахъ, падежахъ и спряженіяхъ, и вообще геній языковъ или внутреннія ихъ качества.

А. *Стихійныя начала языковъ.*

§ 5.

Количествомъ звуковъ Русскій языкъ превосходитъ по видимому всѣ прочіе доселѣ извѣстные. Какъ органъ народа, занимающаго среднее мѣсто между Европою и Азіею, онъ заключаетъ въ себѣ звуки полугласные, гласные и согласные, свойственные народамъ обѣихъ частей древняго міра

§ 6.

Звуки, составляющіе въ нѣкоторой степени отличительный характеръ сего языка, суть слѣдующіе:

Изъ *полугласныхъ и гласныхъ й* или усѣченное *и*, ставится только въ концѣ слога или слова въ сліяніи съ предшествующею ей гласною; между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ языкахъ употребляется въ началѣ слова и между двумя гласными, а у Азіатцевъ даже и непосредственно послѣ согласной, на пр. Дѣва по-Индостански *Чуркй*, *Куорй;* мальчикъ по-Черемисски *Иргй;* дитя по-Карталински *Кмацвйли*.

Ь, также выражающее половину звука *и* и занимающее мѣсто послѣ согласныхъ и передъ мягкими гласными *е*, *и* и *я*, не терпитъ Азіатскаго сочетанія *ьа*, *ьу* и пр. Иногда *ь* выражаетъ половину звука *е* и въ древнихъ рукописяхъ употреблялось вмѣсто сего послѣдняго, на пр. *простьрлъ*, *испрьва* вмѣсто простеръ, исперва. Иногда *ь* писалось даже вмѣсто *й*, какъ то: *ричеь*, *Божіеь*, *Рускиь* (см. Грамматику Сербскую 1665 г. сличенную съ языками Русскимъ, Польскимъ, Кроатскимъ и пр.).

Ъ есть усѣченное *о* и въ древнемъ Русскомъ языкѣ употреблялось вмѣсто сего послѣдняго, на пр. *влъкомъ*, волкомъ; *плъть; съть* вмѣсто сотъ (сто); *нъ* вмѣсто *но*.

У Азіатцевъ *ъ* до сихъ поръ служитъ какъ бы препинаніемъ звука между гласными и согласными, какъ въ словѣ Индійскомъ *таньсну*, или въ Тунгускомъ *ньангиьа* (небо) и у Южныхъ Камчадаловъ *ньгыньгычь* (жена). У насъ сія буква употребляется въ срединѣ, только при соединеніи предлоговъ съ прочими частями рѣчи, на пр. *объявить* и пр.

Ы сложное изъ *ъ* и *і* обыкновенно имѣетъ мѣсто только послѣ согласныхъ въ концѣ или срединѣ слога; въ Азіатскихъ же и въ нѣкоторыхъ Европейскихъ на Сѣверѣ встрѣчается въ началѣ слова и послѣ гласныхъ, на пр. у Зырянъ волъ *ышь*, у Якутовъ *ый* мѣсяцъ, на остр. общества *таы* море, у Кривинго-Ливонцевъ *эы* иди.

Изъ согласныхъ:

Х есть въ языкахъ Армянскомъ, Венгерскомъ, Персидскомъ, Греческомъ, Цыганскомъ, въ Сибири и пр.

Ц въ Китайскомъ, Самоѣдскомъ, Армянскомъ, Карталинскомъ, Нѣмецкомъ и пр.

Ч въ Индійскомъ, Кавказскомъ, Мордовскомъ, Самоѣдскомъ, Италіанскомъ и пр.

Ш въ Еврейскомъ, Арабскомъ, Венгерскомъ, Японскомъ, Французскомъ и пр.

Щ составленное изъ *с* и *ч* или изъ *ш* и *ч*, какъ у Поляковъ (szcz), встрѣчается въ нѣкоторыхъ Кавказскихъ, Мокшанскомъ и, исключая Славянскія нарѣчія, въ немногихъ другихъ.

В) *Общіе законы измѣненія звуковъ.*

§ 7.

Б, *в*, *п* и *ф* произносятся однимъ орудіемъ губами (labiales) и потому замѣняются одно другимъ; на пр. *бой*, *βοή*; *баня balneum*, *βαλανεῖον*; *быкъ*, *bos*, *βοῦς*; *братъ*, frater; *πατήρ*, pater, vater; *воръ φώρ*, fur; *топоръ*, по-Курдски *теперъ*, происходитъ отъ Ламутскаго *тобаръ* или отъ Персидскаго и Арабскаго *табаръ*; *небо*, по-Корнвальски *неевъ*, по-Кельтски *нефи*.

Г перемѣняется на *ж*, на пр. *Богъ*, Божій; *дубъ*, по-Черкес-Кабардински *жигіэ* и

жижіэ; *γυνὴ*, *жена*, Санскрит. *гена*; Славян. *женю* и *жену*, гоню.

Д и *т* (linguales) переходятъ одно въ другое, на пр. *мать*, по-Дугорски *маде*,—Осетински *мадь*, по-Латыни mater,—Готески *модеръ*; *брать*, по-Валезски *браадъ*.

К, *г* и *х*, произносимыя гортанью, (palatinae), соотвѣтствуютъ одно другому, на пр. *око*, *auge*, по-Кельтски *огъ*, по-Италіански *оккіо*; *муха*, musca, mücke, по-Персидски *мегесъ*, по-Курдски *мехесъ*, по-Индостански *мукки*.

С соотвѣтствуетъ *ш* и *з*; на пр. *мышь*, *μῦς*, mus, maus; *свинья*, schwein; *шелкъ*, sericum, по-Шведски silk; *гусь*, по-Англійски *гузе*, по-Татарски и Хивински *казъ*.

Т и *ц* замѣняются одно другимъ, на прим. *цѣль*, *ziel*, *τέλος*; *тѣсто*, по-Польски ciasto; неокончательное наклоненіе *ть* въ Польскомъ оканчивается на ć.

Ч и *ц* въ разныхъ нарѣчіяхъ языковъ Славянскаго и Русскаго употребляются одно вмѣсто другаго, на пр. *человѣкъ*, по-Иллирійски *ціовѣкъ*; *кость*, по-Польски *косць*, — по-Вендски и Кашубски *косчъ*.

Щ, сложенное въ Русскомъ языкѣ изъ

с и *ч*, а въ Польскомъ изъ *ш* и *ч* (szcz), перемѣняется нерѣдко на *ч*, на пр. *тещи*, течь; *дщи*, дочь; *брать*, по-Черкес Кабардински *щи*, по-Абиссински *чи*.

C) *Корни словъ и способы для отысканія потерянныхъ корней.*

§ 8.

Одно изъ первыхъ условій словопроизводства есть соображеніе отношенія существенныхъ буквъ слова къ значенію онаго. Сходство значенія словъ, отдѣльно разсматриваемое отъ существенныхъ буквъ, оныя составляющихъ, можетъ служить только къ отысканію сослововъ; сходство же буквъ, безъ соглашенія ихъ съ значеніемъ, ведетъ почти всегда прямо къ ложнымъ умствованіямъ.

§ 9.

При производствѣ словъ надлежитъ всегда отдѣлять придаточные слоги и буквы отъ существенныхъ. Къ первымъ принадлежатъ всѣ Грамматическія окончанія, равно какъ всѣ предлоги и гласныя, въ составъ слова входящія. Гласныя не составляютъ существенныхъ звуковъ, въ смыслѣ этимологическомъ;

сіе явствуетъ между прочимъ изъ письма Восточныхъ языковъ, гдѣ онѣ большею частію совсѣмъ выпускаются. Караимы почитаютъ выдумку гласныхъ буквъ даже за нѣкоторый расколъ и отпаденіе отъ первобытныхъ законодателей. Изъ Славянъ Богемцы и Краинцы доселѣ многія слова пишутъ безъ гласныхъ, на пр. smrt, hrb, prst, hrst и пр. (смерть, горбъ, перстъ, горсть). См. Słownik języka Polskiégo и Разсмотрѣніе корня въ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ *А. С. Шишкова*, статью III, V книжки Извѣстій Академическихъ.

§ 10.

При исканіи корней въ различныхъ языкахъ или нарѣчіяхъ надобно брать только общіе всѣмъ имъ слоги, отбрасывая прочіе образованные по свойству каждаго языка въ особенности; на пр. въ словахъ: Русскомъ *отецъ*, Бретанскомъ *тать*, Готескомъ *атта*, Татарскомъ, Хивинскомъ и Киргизскомъ *ата*, коренный слогъ вѣроятно есть Кельтское *атъ*.

Равнымъ образомъ, корень словъ *мать*, mater, Бретанскаго *мамъ*, Китайскаго *му*,

Тамульскаго *мата* и Бухарскаго *мадярь*, долженъ скрываться въ Кельтскомъ и Индійскомъ *ма*.

§ 11.

Иногда для отысканія корня надлежитъ только переставить буквы въ словѣ; на пр. Латышское слово *галва* образовалось изъ Славянскаго *глава;* Польское и Малороссійское *слонце* изъ церковно-Славянскаго *солнце*, происходящаго отъ Латинскаго *sol*.

§ 12.

Къ словамъ Греческимъ и прочимъ, изъ древнихъ языковъ заимствованнымъ и начинающимся гласными буквами, въ Русскомъ языкѣ, также какъ въ Латинскомъ и многихъ другихъ, нерѣдко прибавляется въ началѣ adspiratum *г;* на пр. *Гомеръ*, *Ганнибалъ*; *ὄρος*, Еврейск. *гаръ* и Жидов. *горь* — по-Русски *гора*.

§ 13.

Ближайшіе корни собственно Русскаго языка, разговорнаго и книжнаго, скрываются частію въ древнихъ нашихъ рукописяхъ, частію же въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ,

которыя также суть только отрасли одного многовѣтвистаго дерева. На пр. вмѣсто *Царь*, и *Царство* въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются *Цьсарь*, *Цьсарство*, *Цѣсарьство* и *Цесарьство*; слѣдов. слово *Царь* происходитъ отъ *Цесарь* (Caesar), а не изъ Азіи. Производство имени *человѣкъ* отъ *чела* и *вѣки* также есть несообразное съ предметомъ и нелѣпое; корень его надобно искать въ Славяно-Венгерскомъ *чловекъ*, Богемскомъ и Сорабскомъ *чловѣкъ* и Вендскомъ *чловикъ*; всѣ сіи имена происходятъ, какъ кажется, отъ одного первообразнаго, скрывающагося въ Вендскомъ нарѣчіи *члово* т. е. *слово*; посему *человѣкъ* значитъ какъ бы то же, что *Словакъ* или *словесный* (*).

(*) Россійская Академія въ отзывѣ своемъ о моей Системѣ Русскаго языка между прочимъ замѣтила, что *члово* вмѣсто *слово* не принадлежитъ никакому Славянскому нарѣчію, и хотя въ Вендскомъ пишется zlowo, такъ какъ и въ Кроатскомъ szlowo (см. *Линде* Словарь), однако выговаривать должно то и другое *с*, а не *щ* или *ч*. Считаю неизлишнимъ пояснить, что помянутое словопроизводство основано мною на сравнительномъ Словарѣ, изданномъ Высочайшею Особою; въ немъ именно поставлено по-Вендски *члово* вмѣсто *слово*, и

§ 14.

Если корень слова въ языкѣ не находится, то надобно искать его въ *метоними-*

осмѣливаюсь думать, что это не ошибка; ибо 1, не льзя предполагать, чтобы самое Вендское нарѣчіе не имѣло своихъ областныхъ и волостныхъ подраздѣленій, тогда какъ оныя вездѣ существуютъ; 2, по началамъ общаго звукоизмѣненія *с*, *к*, *ц* и *ч* очень часто употребляются одно вмѣсто другаго, на пр. Латинское Cicero Греки произносятъ *Кикеронъ*, Французы *Сисеронъ*, Русскіе *Цицеронъ*, Италіанцы *Чичероне*; 3, въ Фрейзингенскихъ Славянскихъ памятникахъ, принадлежащихъ IX или VIII столѣтію, писанныхъ Латинскими буквами и имѣющихъ правописаніе сходное съ древнимъ Богемскимъ, *словеса* и *чловѣцы*, пишутся совершенно одинаково, какъ то: *slouesa*, *slouues* (словеса, словесъ), *zlouuezi*, *slouuczky* (*чловѣцы*, *чловѣцки*); 4, въ тѣхъ же памятникахъ *z* встрѣчается вмѣсто *ч* и въ другихъ словахъ, на пр. razil (рачилъ), ozima (очима). Сверхъ сего самая идея *человѣка*, приближающая его къ идеямъ *Словаковъ* и *Словенъ*, уже даетъ поводъ къ заключенію, что всѣ сіи слова должны происходить отъ одного общаго имъ корня; и если *члово* нигдѣ и никогда не употреблялось за *слово*, то весьма вѣроятно, что имя *чловѣкъ*, растворенное въ нашемъ языкѣ и въ другихъ *Антскихъ* нарѣчіяхъ, по свойству ихъ, евфоническою гласною *е*, произносилось первоначально *словѣкъ*, а нынѣ сохранилось въ собственномъ имени *Словаковъ*.

ческихъ словахъ другихъ языковъ; на пр. существительное имя *небо* имѣетъ по звуку сходство съ Латинскимъ *nebula*, *облако*, *мгла*, *покрывало.* Облако есть какъ бы знаменіе неба, *signum pro signato;* но слово *nebula* есть уменьшительное, и притомъ произведенное не отъ *nubes*, *облака*, но какъ бы отъ Русскаго *неба.* Съ Латинскимъ *nubes* имѣетъ очень близкое сходство Коряцкое, употребляемое на Юрацкомъ берегу *нубъ*, означающее *небо.* Въ прочихъ нарѣчіяхъ того же языка именами *нубъ*, *нобъ* и *нэбъ* называется самъ Творецъ, на небесахъ живущій. Самое слово *Богъ*, въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ *Бугъ*, вѣроятно происходитъ отъ Бухарскаго *бугъ*, означающаго *духа; родъ вмѣсто вида.* Равнымъ образомъ слово *заря* по видимому происходитъ отъ Ассирійскаго *зарьиы*, означающаго *лучъ;* такъ какъ и корень сего послѣдняго скрывается не въ синонимическихъ словахъ другихъ языковъ, но, относительно его, въ метонимическомъ *Lux*, свѣтъ; *effectus pro efficiente.*

§ 15.

При производствѣ словъ должно быть принимаемо во вниманіе *самое мѣсто*, гдѣ

получили свое начало и употребленіе означаемые ими предметы; на пр. *рожь* вѣроятно происходитъ не отъ Цыганскаго *розо* и не отъ Тевтонскаго *рогго*, но отъ Лезгинскаго *роджи* или отъ Татарскаго *арыжъ*; ибо дикая и самородная, а слѣдовательно и самая древнѣйшая рожь есть растеніе не Европейское и не Индійское, но Уральское.

D) *Сходство Русскаго языка съ Азіатскими и Европейскими.*

§ 16.

По корнямъ словъ Русскій языкъ имѣетъ примѣтное сходство съ старо-Индійскимъ и старо-Персидскимъ, съ Кельтскимъ, оставшимся въ Басконскомъ нарѣчіи во Франціи, съ Готескимъ, Тевтонскимъ и Нѣмецкимъ а).

О сходствѣ Русскаго языка съ Санскритскимъ см. разсужденіе, представленное Имп. Росс. Академіи Коллеж. Сов. Ив. Левандою 1812. *Г. Михановичъ* напечаталъ списокъ Славено-Санскритскимъ словамъ въ Вѣнскомъ Журналѣ: Archiv für Geschichte, Statistik,

а) См. Linguarum totius orbis vocabularia comparativa и Catherinens der grossen Verdienste um die verglei-

literatur und Kunst, 1823, No 66, 67 и 71. Ученый Полякъ *Маеоскій* нашелъ сходство между Славянами и древними Индійцами не только въ языкѣ, но въ нравахъ, обычаяхъ, законахъ и пр. Профессоръ Юнгманъ въ письмѣ своемъ къ Г. Раковецкому упоминаетъ между прочимъ о путешествіи нѣкоего Чеха *Брезовскаго*, удостовѣрявшаго, что онъ, въ бытность свою въ провинціи Кантонѣ, разумѣлъ разговаривавшихъ съ нимъ Индійцевъ, равно какъ и они легко его понимали.

§ 17.

Латыши, по мнѣнію нашего Исторіографа, есть смѣсь Венедовъ и Финновъ съ Готѳами. Въ языкѣ ихъ такъ же, какъ въ Литовскомъ и Ливонскомъ, есть множество словъ Славянскихъ; но игрою ли случая или по причинѣ древнихъ ихъ сношеній съ Латинами, жившими въ Дакіи, сіи слова почти всѣ получили образованіе Латинское. На пр.

---

chenden sprachen etc. von Friedrich Adelung. St. Petersburg 1815.

Русскія:	Латышскія:	Ливонскія и Литовскія:
Братъ,	бралисъ,	браде.
Человѣкъ,	цильвексъ,	
Персты,		перстасъ.
Смерть,		смертисъ,
———		сміэртисъ.
Вѣтръ,		вѣясъ.
Дождь,	лстусъ,	лэтусъ.
Снѣгъ,	снѣксъ,	сніэгасъ.
Ледъ,	*леддусъ*,	ладасъ.
Море		маріосъ.
Огонь, ignis.	уггунсъ,	угнисъ.
Очагъ. (Серб. огнище),	уггункуррисъ.	
Свѣтъ,		свѣтась.
Мы,	меесъ.	
Звѣрь,	зверсъ.	

§ 18.

Подобнымъ образомъ Цыгане всѣмъ существительнымъ именамъ Славянскимъ, заимствованнымъ ими отъ Булгаръ и Сербовъ, дали окончаніе Греческое; на пр. *Лицосъ*, *масъ* (мясо), *кругосъ*, *маросъ*, *выхросъ* (вихорь), *градосъ* (градъ), *моросъ* (море), *жаросъ*, *ровосъ*, *дембосъ* (дубъ), *лугосъ*, *виноградосъ*.

ГЛАВА II.

О сродствѣ языка Русскаго съ Греческимъ и Латинскимъ.

§ 19.

Сходство языка Русскаго съ Восточными свидѣтельствуетъ только о происхожденіи нашихъ предковъ изъ Азіи, почитаемой колыбелію всего рода человѣческаго; сходство же его съ Греческимъ и Латинскимъ служитъ доказательствомъ древняго сосѣдства Славянъ съ Греками и Римлянами, частыхъ ихъ между собою сношеній и даже сродства сихъ народовъ. »Никто не сомнѣвается, пишетъ Шлецеръ въ Proben Russich. Annal. стр. 71, чтобы Нѣмецкій и Латинскій не были въ основаніи однимъ языкомъ, — *Славянскій* также.»

§ 20.

Ни мѣсто, ни эпоха вторженія Славянъ въ Европу не извѣстны, но сродство помянутыхъ языковъ подало поводъ ученымъ къ заключенію, что предки говорившихъ ими народовъ нѣкогда составляли одинъ народъ: Скиѳовъ, или Кельтовъ, или, какъ полагаетъ нашъ Исторіографъ, *Пеласговъ,* Ѳракійскихъ жителей, утвердившихся сначала въ Мореѣ, а потомъ переселившихся въ Италію а). Догадка хотя и не подкрѣпленная никакимъ памятникомъ Исторіи, но достойная вниманія Исторической критики. Можетъ быть оставшееся во Ѳракіи племя вынуждено было умножившимся народонаселеніемъ или какимъ либо политическимъ переворотомъ удалиться на Сѣверъ и скрываться подъ географическими именами Скиѳовъ, Сарматовъ или *Рок-*

а) Пресвитеръ Константинъ Экономидъ почитаетъ Славянскій языкъ однимъ изъ діалектовъ Ѳрако-Пеласгійскаго или того необразованнагѣ Греческаго или полу-Греческаго языка, которымъ говорили до Гомеровыхъ и даже до Орфеевыхъ временъ. См. Опытъ его о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ § 15.

*

соланов и *Языгов*, доколѣ Исторія не вывела его на театръ міра подъ громкимъ именемъ *Славянъ* a).

§ 21.

Разные обряды Русскаго народа и другихъ Славянскихъ племенъ при бракахъ и погребеніяхъ, ихъ повѣрья, басни, предразсудки и хороводы носятъ еще доселѣ черты Миѳологіи, праздниковъ и обрядовъ Греческихъ и

---

a) Большая часть нашихъ ученыхъ, основываясь на древнихъ рукописяхъ, называютъ ихъ *Словенами* и производятъ отъ *слова*; но, какъ справедливо замѣчаетъ Исторіографъ, многія собственныя имена Славянъ, на пр. *Святославъ, Ростиславъ, Мстиславъ,* доказываютъ, что и въ народномъ ихъ имени было *а*, а не *о*. Византійскіе Историки писали всегда *Склавины*, *Склавы*; Готѳскій Іорнандъ также. Къ сему можно присовокупить, что *слава, слово* и *слышу* происходятъ отъ одного корня, какъ у Латинцевъ *fama* отъ *fari* и кажется принадлежатъ только различнымъ діалектамъ. При томъ, по свойству Славянскаго языка, отъ *слова* надлежало бы назваться Словаками (чловикъ, чловѣкъ), какъ въ Польшѣ и Венгріи; но *Словены* и *Славяны*, какъ говорятъ въ Богеміи, вѣроятнѣе могутъ быть произведены отъ женскаго имени *слава*.

Римскихъ. Тоже можно сказать и о языкѣ Русскомъ. Сходство его съ языками Греческимъ и Латинскимъ заключается не въ однихъ словахъ, но и во внутреннихъ качествахъ, и образовалось не случайно, а по законамъ постояннымъ, основаннымъ на самомъ геніѣ помянутыхъ языковъ.

Сіи законы суть слѣдующіе.

§ 22.

1) Имена существительныя, кончащіяся въ Греческомъ на *ος*, а въ Латинскомъ на *us*, при переходѣ въ Русской большею частію отбрасываютъ сіи окончанія, какъ совсѣмъ ему не свойственныя; на прим. *δόμος*, *domus*, *домъ*, *κάδος*, *cadus*, *кадь*; *globus клубъ (клубокъ)*.

2) Окончанія именъ прилагательныхъ мужескаго рода, Греческое *ος* и Латинскія *us* и *ius*, въ Русскомъ въ полныхъ прилагательныхъ перемѣняются на *ый*, *ой* и *ій*, а въ усѣченныхъ на *ъ* и *ь*; на пр. *τρίτος*, *tertius*, *третій*, (Малорос. *третый)*, *novus*, *новый*.

Добровскій полагаетъ, что окончанія прилагательныхъ опредѣленныхъ на *ый*, *ій*, суть мѣстоименіе *и* (ій), поставляемое, какъ

членъ опредѣленный; равно и Греческое *ος* не что иное есть, какъ мѣстоименіе *ὃς* и *ὁ*, соединяемое съ коренною буквою имени.

3) Прилагательныя средняго рода, Греческое *ον* и Латинское *um*, въ Русскомъ перемѣняются на *о*. Сему же правилу подлежитъ и большая часть среднихъ существительныхъ; на пр. *jugum*, *иго*, *foenum*, *сѣно*.

4) Къ словамъ Греческимъ, начинающимся съ гласныхъ и двоегласныхъ, называемыхъ придыхательными, въ Латинскихъ очень часто прибавляется въ началѣ *h* или *v*. Въ семъ отношеніи Русскій языкъ преимущественно слѣдуетъ Латинскому; на пр. *ὁ ἥρως*, *Heros*, *герой*; *ὁ οἶνος*, *vinum*, *вино*; *ἰδεῖν*, *videre*, *видѣть*; *ἕσπερος*, *vesper*, *вечеръ*; (*δαήρ*, *деверь*).

5) Имена существительныя, кончащіяся въ Латинскомъ на *x*, въ Русскомъ часто перемѣняютъ сію литеру на *ч*; на пр. *nox*, (*νύξ*) *ночь*; *lux*, *лучь* (свѣтъ).

6) Греческая буква *κ* и Латинская *c* въ слогахъ *ca*, *co* и *cu*, въ Русскомъ перемѣняются на *с*; на пр. *δέκατος*, *десятый*; *colonia*, *селеніе*; *cum*, *co*, *съ*; *vicus*, *весь*, *деревня*;

cor (род. cordis), *сердце* (по-Армянски *сирдъ*, по-Дугорски *сердъ*, *серде*). Но *sc* произносится какъ у Словаковъ *sč*, т. е. какъ *щ*. На пр. *scutum*, *щитъ*.

7) Многія Русскія слова различаются отъ Греческихъ и Латинскихъ однимъ преложеніемъ буквъ или анаграммою; на пр. *tertius*, *τρίτος*, *третій*; *vidua*, *вдова*; *nix* (никсъ), *снѣгъ*.

8) Латинское сочетаніе согласныхъ буквъ *mn*, *mb*, *nt* и т. п. не всегда бываетъ терпимо въ Русскомъ; по сему нѣкоторыя изъ нихъ въ семъ послѣднемъ уничтожаются; на пр. *somnus*, *сонъ*; *columbus*, *голубь*; *centum*, *сто*.

9) Гласныя *a* и *o* въ срединѣ слоговъ большею частію ставятся одно вмѣсто другаго; на пр. *sal*, *соль*; *catus*, *котъ*; *vadum*, *вода* (иногда мелкая, иногда просто *вода*).

10) Латинское *u* въ Русскомъ языкѣ большею частію переходитъ въ *ы*; на пр. *tu*, *ты*; *pulvis*, *пыль*; *mus*, *мышь*.

§ 23.

Сродство языка Рускаго съ Греческимъ и Латинскимъ не ограничивается одними фор-

мами словъ, но простирается и на измѣненія ихъ окончаній по родамъ, числамъ, склоненіямъ и спряженіямъ.

А) *Роды.*

§ 24.

Въ семъ отношеніи вопервыхъ достойно примѣчанія образованіе существительныхъ именъ на *а*, которыя какъ въ Русскомъ языкѣ, такъ въ Греческомъ и Латинскомъ, почти всѣ рода женскаго, на пр. *ἡ ἔχιδνα*, *ехидна*; *rosa*, *роза*.

Имена прилагательныя, кончащіяся въ Латинскомъ на *us*, въ женскомъ родѣ также сходны съ Русскими усѣченными, на пр. *nova*, *нова*; *plena*, *полна*.

§ 25.

Имена существительныя, кончащіяся на *е*, какъ въ Латинскомъ, такъ и въ Русскомъ, суть средняго рода; на пр. *mare*, *море*.

Славянскія имена, кончащіяся на *о* и Греческія на *ον*, также суть рода средняго. Въ древнемъ Греческомъ конечнаго *ν* не было, какъ видно изъ *ἄλλο*, *τὅτο*, *ἐκεῖνο*; простой народъ Греческій большею частію скрываетъ

и нынѣ конечное ν въ среднихъ именахъ, выговаривая: *κανὸ*, *μικρὸ*.

§ 26.

Окончанія уменьшительныхъ Греческихъ *ίσκος* и *ίσκη* соотвѣтствуютъ Русскому *ишка;* на пр. *παιδίσκος*, мальчишка; *παιδίσκη*, дѣвушка.

Имена существительныя Русскія, кончащіяся въ множественномъ числѣ на *ане* и *яне*, образованы по Латинскому окончанію *ani*; граждане, urbani.

В) *Склоненія.*

§ 27.

Родительный падежъ 1-го склоненія кончится въ Русскомъ языкѣ на *ы* и *и*, какъ во 2 склоненіи у Римлянъ.

Дательный падежъ перваго склоненія сходствуетъ съ дательными Греческимъ и Латинскимъ того же склоненія; на пр. *τῇ ποινῇ*, *poenae*, *пенѣ*; *fortunae*, *фортунѣ*.

Латинское окончаніе родит. един. и именит. падежа множ. числа на *ae* сохранилось доселѣ у Сербовъ, на пр. »*Мусе и Грацие*

три миле сестрице! да славимъ даръ Божіе деснице.

О и *у* по правиламъ общей тоники въ различныхъ нарѣчіяхъ и языкахъ употребляются одно вмѣсто другаго; посему дательный падежъ Латинскій *о* и Греческій ῳ или ῷ въ Русскомъ измѣняются на у, какъ въ родительномъ Греческомъ; на пр. *τῷ ἀγγέλῳ*, (*τȣ ἀγγέλȣ*) *Ангелу*.

Винительный Русскій кончится во 2 склоненіи на *а*, подобно винительному Греческому 3-го склоненія; на пр. *τὸν Ἕλληνα*, *Еллина.*

Звательный такъ же, какъ въ Греческомъ, кончится на е; *ὦ ἀπόςολε*, *Апостоле.*

Творительный отличается отъ Латинскаго буквою *м; Apostolo*, *Апостоломъ.*

Именительный падежъ мужескаго рода множественнаго числа во всѣхъ трехъ языкахъ большею частію кончится на *и*; на пр. *ἐμοί*, *mei*, *мои.*

§ 28.

Имена средняго рода, какъ въ Греческомъ и Латинскомъ, такъ и въ Русскомъ, въ обоихъ числахъ имѣютъ три сходные падежа; на пр.

Единств: Множ:

И. В. и З. *mare*, *море*; *maria*, *моря*.

§ 29.

Имена средняго рода, кончащіяся на *мя*, склоняются по образцу среднихъ же именъ Латинскихъ 3-го склоненія, кончащихся на *en*; на пр.

Единств: Множ:

И. *Semen*, *семя*. И. В. З. *Semina*, *семена*.
Д. *Semini*, *семени*.
Т. *Semine*, *семенемъ*.

§ 30.

Склоненіе Русскихъ мѣстоименій также составлено большею частію по образцамъ Греческимъ и Латинскимъ; на пр. личнаго мѣстоименія 1-го лица косвенные падежи:

Единств.

Дат. *mihi*, въ Церковно-Слав. *ми*.
Вин. *me*, ——————————— *мя*.

Множ.

Вин. *nos*, въ Русск. *насъ*.

Примѣч. Русскій родительный *меня* съ прочими косвенными падежами проис-

ходитъ какъ бы отъ Киргизскаго или Татарскаго, употребляемаго на Кавказѣ и въ Сибири, именительнаго *мень* (н). Множ. им. п. *мы* вѣроятно отъ Греческаго ἡμεῖς. Именительный падежъ единст. *я* по-Кельтски *ми*, по-Персидски *ма*, по-Индійски *ме*.

§ 31.

Личное мѣстоименіе 2-го лица.

Единств.

Им. *Ти*, *ты* (по-Армянски, Персидски и Индійски *ту*, по-Осетински *ды*).

Дат., *Tibi*, *тебѣ*.

Вин. *Te*, *тебя* (отъ дательн.), въ Церковномъ *тя*, простонародно *те*.

Винительный множ. *vos*, *васъ*.

Мѣстоименіе возвратное 3-го лица Дат. *Sibi*, *себѣ*,

Вин. *Se*, *себя* и *ся*.

§ 32.

Личное мѣстоименіе 3-го лица.

Онъ отъ Персидскаго и Индійскаго *онъ* или отъ Старо-Персидскаго *оне́*, а Латинское именительное *ille*, дат. *olli* или *ollis* вмѣсто *illi* и *illis* сходствуютъ съ Киргизскимъ *уль* и

Татарскимъ *аль.* Род. и Вин. *его* какъ бы отъ Инд. *уго.*

§ 33.

Мѣстоименія притяжательныя Русскія также образованы по Латинскимъ, на пр. *meus* (*ἐμὸς*) *мой*; *tuus*, *твой*; *suus*, *свой*, (Русское сходствуетъ также съ Греческимъ возвратнымъ двойств. числа *σφωὲ*). *Нашъ*, *вашъ*, отъ родительнаго мн. ч. *насъ*, *васъ*, такъ же какъ Латинскія noster отъ nostrûm, vester отъ vestrûm.

§ 34.

Личныя мѣстоименія, сохранивши въ различныхъ языкахъ одинакое произношеніе, по какому-то странному случаю перемѣшались въ лицахъ и падежахъ такъ, что первыя и вторыя лица перешли въ третье, прямые падежи въ косвенные и единственное число въ множественное; на пр. родит. *его*, дат. *ему* сходствуютъ съ Греческими им. *ἐγὼ* (ego я), род. *ἐμȣ̃* (меня). Нѣмецкій им. *ich* (я) произносится, какъ род. 3-го лица м. ч. *ихъ*. *Онъ* у Татаръ по р. Кетѣ *тебѣ*; Французское *on* хотя ставится всегда передъ 3 лицемъ един. ч. глагола, но перемѣняетъ значеніе лич-

ное въ безличное и имѣетъ силу какъ бы именительнаго множеств. числа *они*.

C) *Спряженія.*

§ 35.

Измѣненіе глаголовъ Русскихъ и Латинскихъ въ обоихъ числахъ и во всѣхъ лицахъ настоящаго и будущаго времени бываетъ почти всегда по однимъ законамъ.

Предварительно нужно только замѣтить, что Латинскія (равно и Греческія) окончанія 1-го лица *o, eo* и *io*, согласно общимъ правиламъ тоники, измѣняются въ Русскомъ на *у* и *ю*, которое само составлено изъ *і* и *о*. Во 2 лицѣ един. ч. Латинское *s* произносится по-Русски какъ *ш*. Въ первомъ лицѣ множеств. числа Латинское *us*, какъ и въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, отбрасывается. 2-е лице м. ч. образовано по Греческому; изъ Латинской формы 3-го лица м. ч., обыкновенно оканчивающагося на *nt*, въ Русскомъ удерживается одно только *t*; ибо сочетаніе сихъ буквъ противно свойству Русскаго произношенія, какъ о семъ замѣчено выше.

§ 36.

Русскій языкъ употребляетъ въ спряженіяхъ столько характерическихъ согласныхъ, сколько Греческій и Латинскій; ибо во всѣхъ трехъ глаголы кончатся на *βω*, *bo*, ву, *γω*, *go*, гу, *δω*, *do*, ду, *κω*, *co*, ку, *λω*, *lo*, лю, *μω*, *mo*, му, *νω*, *no*, ню, *πω*, *po*, *φω*, пу, *ρω*, *ro*, рю, *σω*, *so*, сю, *ζω*, *zo*, жу, зу, чу, цу; *ττω*, *tto*, *σσω*, *sso*, щу и пр. Пресвитеръ Константинъ Экономидъ сіи согласныя характерическія буквы приписываетъ и языку Славянскому; онъ раздѣляетъ ихъ на коренныя и придаточныя, относя къ симъ послѣднимъ *н*, *д* и прочія, вставляемыя между коренными и конечною гласною.

§ 37.

Согласныя буквы въ 1 лицѣ един. числа предъ *о*, *ео* и *іо* въ Русскомъ перемѣняются въ другія, сообразно общимъ законамъ ихъ измѣненія; на пр. *λέγω*, *лежу*; *verto верчу*. Литера *д* у Поляковъ произносится какъ *дз*; въ прочихъ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ какъ *жд*; въ Русскомъ удерживается одно *ж*. По сему глаголы *video* и *sedeo* имѣютъ въ 1 лицѣ *вижу* отъ Славяно-Церковнаго *вижду*; *сижу* и пр.

Примѣры.

Verto, верчу;
Vertis, вертишь;
Vertit, вертитъ.
Vertimus, вертимъ;
Vertitis, вертите;
Vertunt, вертятъ.

§ 38.

Sum есмь, отъ Греческаго 1-го лица множеств. числа *ἐσμὲν*;

Es, есь;
Est, есть;
Sumus, есмы (*ἐσμὲν*);
Estis, есте (*ἐςὲ*);
Sunt, суть.

Глаголъ *edo*, *ѣмъ*, и въ Русскомъ такъ же, какъ въ Латинскомъ, образованъ по глаголу существительному, исключая 1-е лице един. и 1-е и 3-е множ. числа.

Es, ѣшь;
Est, ѣстъ;
Edimus, ѣдимъ;
Estis, и editis, ѣдите;
Edunt, ѣдятъ;
Esse, ѣсть.

§ 39.

Повелительное наклоненіе Латинское 4-го спряженія имѣетъ въ обоихъ числахъ окончаніе сходное съ Русскимъ; на пр. *veni*, *приди*; *venite*, *придите*. Въ прочихъ спряженіяхъ къ Латинскимъ окончаніямъ *a* и *e* въ Русскомъ прибавляется *й*.

§ 40.

Неокончательное наклоненіе Славянскаго и Русскаго языка, удерживающее характерическія конечныя буквы *ти* или *ть* и употребляемое какъ въ томъ, такъ и другомъ не рѣдко вмѣсто повелительнаго, соотвѣтствуетъ окончаніямъ *θι* и *τι* повелительнаго же наклоненія Греческихъ глаголовъ, кончащихся въ 1-мъ лицѣ на *μι*.

§ 41.

Выше замѣчено, что окончанія именъ прилагательныхъ, Греческое *ος* и Латинское *us*, большею частію въ Русскомъ перемѣняются на *ый*; слѣдовательно и причастія Русскія страдательнаго залога прошедшаго времени, кончащіяся на *енный*, не что иное суть, какъ копіи страдательныхъ же прича-

стій Греческихъ на *εινος*. Равнымъ образомъ дѣйств. залога прошедшія причастія на *авый*, *ъвый* и *ивый* и сокращенныя изъ нихъ дѣепричастія *авъ*, *ъвъ* и *ивъ*, удержавшіяся у Малороссіянъ въ прошедшемъ времени изъявительнаго наклоненія, суть то же, что Латинскія прошедшія изъявит. наклоненія: *avi*, *evi*, *ivi*; *citavi*, *читавъ*, *читавый* и пр.—

§ 42.

Поповичъ, родомъ изъ Вендскихъ Славянъ, говоритъ, что Греки утратили коренное значеніе многихъ древнихъ словъ и должны искать его въ языкѣ Славянскомъ, гдѣ оно сохранилось (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 325); кажется сіе замѣчаніе можно распространить и на языкъ Латинскій. На пр. слѣдующія слова: *oculus*, *nebula* и *volgiolus*, суть какъ бы уменьшительныя Русскихъ *око*, *небо*, *валекъ*.

§ 43.

Прежде всѣхъ сравнивалъ Славянскій языкъ съ Греческимъ, Латинскимъ и Нѣмецкимъ, Богемецъ *Геленій* въ XVI столѣтіи, въ изданной имъ книгѣ: *λεξικὸν σύμφωνον* 1544. Абраамъ *Френцелій* въ сочиненіи de origini-

bus linguae sorabicae, *Фришъ* въ Исторіи Славянскаго языка, *Ире* въ предисловіи Шведскаго глоссарія, замѣтили также сродство языка Славянскаго съ Греческимъ. Французъ *Левекъ* находитъ въ немъ особенное сродство съ Латинскимъ и даже почитаетъ его корнемъ сего послѣдняго a).

§ 44.

Изъ всѣхъ сочиненій сего рода достопримѣчательнѣйшее есть вышеупомянутый *Опытъ Пресвитера Константина о ближайшемъ сродствѣ языка Славяноросcійскаго съ Греческимъ.* Онъ основываетъ сіе сродство на законахъ соотвѣтствія Славянскихъ буквъ Греческимъ при переходѣ словъ изъ одного языка въ другой, на сравненіи частей

---

a) Кромѣ сихъ писателей см.

1) Denina, sur l'origine commune des langues Allemande, Esclavonne et Latine, dans les memoires de l'Academie de Berlin 1794.

2) Observations sur la ressemblance frappante entre la langue Latine et celle des Russes, Milan, 1817.

3) Фридриха Грефа Commentatio, qua lingua Graeca et Latina cum Slavicis dialectis in re Grammatica comparatur. Petropoli, 1827.

рѣчи и на словосочиненіи. Изъ его изслѣдований открывается, что изъ всѣхъ діалектовъ Греческихъ самый ближайшій къ языку Славянскому есть *Эолійскій*, который по корнямъ словъ и формамъ склоненій и спряженій можетъ быть принятъ за особое Славянское Нарѣчіе, образовавшееся изъ смѣси Славянъ съ Греками. Для примѣра представляется здѣсь на Эолійскомъ діалектѣ молитва: *Отче нашъ.*

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да свѧтитсѧ имѧ твое: да пріидетъ царствіе твое: да будетъ волѧ твоѧ, ꙗко на небеси и на земли: хлѣбъ нашъ насущный дажде намъ днесь: и остави намъ долги наша, ꙗко и мы оставлѧемъ должникомъ нашымъ: и не введи насъ въ напасть, но избави насъ ѿ лукаваго.	*Ἄττας νῷς ἶς δε ἔσσὶ 'νὰ νευοῖσι, δὰ σεφθήτω (ὂν) υμ̣ατϜεδν: δὰ προίτω καρτϜος τϜεδν: δά φύτω βόλλα τϜεὰ, ὅκως νὰ νευοῖσιν ἢ νὰ χαμηλῆ: hlεῦν νῷν ἐνύσιον δό,ς) θι νῷν δίησίη: η ἅ (πο) ςαυε νῷν τέλχη νώια, ὅπως ἡμεῖς ἀ (πο) ςαύομεν τελεςικῶν νῷν: ἢ νὴ βιβάδης νῶϊ Ϝ'εν π(ε) τώςει, ὧν ἒξβαυε νωῒ ἀπ' λυγάϜοιγο.*

ГЛАВА III.

О средствахъ и способѣ отыскать древній языкъ Славянскій.

---

§ 45.

Въ настоящее время, въ отношеніи къ живымъ языкамъ, вся Европа можетъ раздѣлиться на три главныя части: *Латинскую*, *Нѣмецкую* и *Славянскую*; съ тою только разностію, что въ первой многіе народы изчезли съ ихъ нравами и языками, едва оставивъ легкіе слѣды существованія своего и Латинянъ, а въ послѣдней Славяне сохранили свою самобытность и независимость чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ. Восточные варвары, въ продолженіе своего великаго переселенія на западъ, не касались ихъ быта политическаго и религіознаго; ибо они не останавливались въ земляхъ Славянскихъ, не представлявшихъ для ихъ алчности ничего привлекательнаго.

Самая привязанность нашихъ предковъ къ своей вѣрѣ и обычаямъ должна была ограждать ихъ свободу отъ посягательства иноплеменныхъ, а слѣдовательно и языкъ отъ порчи и примѣси чуждыхъ реченій.

§ 46.

И такъ мы не можемъ отвергать совершенно мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ нашихъ Филологовъ, что языкъ Славянскій, во время первыхъ его преобразователей, Кирилла и Меѳодія, еще не раздѣлялся на нарѣчія и былъ удобопонятенъ въ равной степени для всѣхъ племенъ. Сіе мнѣніе подтверждается тождествомъ перевода Библейскихъ книгъ, безъ затрудненія и перемѣнъ равно принятаго Моравами, Болгарами, Русскими и пр. Въ ономъ удостовѣряетъ насъ самое сродство Библейскаго языка съ языкомъ твореній Іоанна Эксарха Болгарскаго, писателя IX вѣка, и Славянскихъ памятниковъ Фрейзингенскаго Монастыря въ Баваріи, оставшихся повидимому отъ IX или даже VIII столѣтія.

§ 47.

Неоспоримо, что разсѣянie Славянскихъ племенъ по разнымъ отдаленнымъ краямъ Европы, трудность во взаимныхъ ихъ между собою сношенiяхъ, образованie различныхъ правительствъ и недостатокъ въ писменномъ искусствѣ или малое и неповсемѣстное употребленie онаго непримѣтно должны были ввести въ языкъ разные мѣстные идiотизмы; но рѣзкое раздѣленie его на нарѣчiя, безъ сомнѣнiя, послѣдовало не прежде, какъ уже по завоеванiи южныхъ Славянъ Оттоманскою Портою, и по подчиненiи западныхъ Нѣмцамъ и Римско-Католикамъ, по введенiи между ними новыхъ учрежденiй и новыхъ писменъ Нѣмецкихъ и Латино-Католическихъ.

§ 48.

Какое изъ существующихъ нынѣ Нарѣчiй есть древнѣйшее и ближайшее къ коренному Славянскому, сей вопросъ остается еще неразрѣшеннымъ. Нѣкто Сербъ, сочинитель Критической Сербской Грамматики, жившiй въ Сибири около 1665 года, утверждалъ, что чистота языка Словенскаго сохранилась между Кроатскимъ и Сербскимъ Волярствомъ,

укрывшимся въ тамошнихъ горахъ отъ нападенія Турокъ, при взятіи Кроатской столицы *Бихща*. *Рукославъ*, переводчикъ Плутарха о воспитаніи дѣтей, въ посвященіи труда своего Митрополиту Карловицкому называлъ Словенскій языкъ древнимъ Сербскимъ непримѣснымъ, а нынѣшній Сербскій полнымъ рѣчей Нѣмецкихъ, Мадьярскихъ и Турецкихъ. Архимандритъ *Раичъ*, старый Сербскій штиль и древнія Сербскія рукописи также называлъ Словенскими; но еще прежде его, нѣкто *Севастіани Долци*, Рагузинецъ, старался доказать, что Иллирійское нарѣчіе есть древнее, первое и чистое Словенское.

§ 49.

Не останавливаясь ни на одномъ изъ сихъ мнѣній, почти ничѣмъ недоказанныхъ и одно другому противорѣчащихъ, лучшимъ средствомъ для отысканія ключа къ древнему языку Славянскому мы полагаемъ сравненіе разныхъ его Нарѣчій, древнихъ и новыхъ, и извлеченіе изъ нихъ тѣхъ качествъ и формъ, въ коихъ они наиболѣе между собою сходствуютъ. При семъ надлежитъ принимать въ соображеніе стихійныя начала сихъ Нарѣчій,

ихъ словопроизводство и словосоставленіе, формы склоненій и спряженій, словосочиненіе и самый духъ народной поэзіи.

§ 50.

Прежде всего представляется здѣсь необходимость составленія полнаго словопроизводнаго Словаря Славянскаго съ изложеніемъ ближайшихъ и вѣрнѣйшихъ доказательствъ о принадлежности разныхъ колѣнъ и вѣтвей Славянскаго происхожденія къ главнымъ ихъ корнямъ. Приведеніе въ дѣйство сего обширнаго труда, начатаго знаменитымъ Славянофиломъ *Линде* и продолжаемаго Несторомъ нашей Словесности *А. С. Шишковымъ* подъ скромнымъ наименованіемъ: *деревья словъ*, можетъ пролить обильный свѣтъ на нашу древнюю Литературу и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить вопросъ, какое изъ Нарѣчій преобладаетъ корнями словъ.

§ 51.

Славянскія Нарѣчія имѣютъ много реченій, не образованныхъ гласною евфоническою, напр. въ Сербскомъ и Богемскомъ: *кръма*, *ґрь* вмѣсто *кръ* (корч, судорога) и пр. Многія изъ нихъ суть первоначальныя сти-

хія реченія, а въ другихъ потерялась гласная чрезъ выпущенія, какъ въ первоначальномъ письмѣ Латинскомъ и Этрусскомъ, и въ нынѣшнихъ Азіатскихъ языкахъ.

§ 52.

Сложныя собственныя имена лицъ, принадлежащихъ древней Славянской Исторіи, служатъ доказательствомъ, что сія сложность есть собственное качество языка Славянскаго, а не заимствованное отъ Грековъ. *Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій*, въ переведенной имъ Грамматикѣ Іоанна Дамаскина поставилъ подъ статьею сложныхъ именъ слѣдующія Славянскія: *Доброславль*, *Родославль*, *Добромиръ* или *Драгомиръ;* но сіи имена не вновь были ими составлены; ибо извѣстно, что Далматы издревле имѣли своихъ Кралей, Доброславовъ, Родославовъ и Драгомировъ, такъ какъ Русскіе своихъ Гостомысловъ, Святославовъ и пр. Въ одной изъ древнѣйшихъ рукописей Богемскихъ: *Любуши*, встрѣчаются также, кромѣ прочихъ частей рѣчи сложныхъ, слѣдующія собственныя имена: *Знатославъ*, *Лютоборъ*, *Ратиборъ*, *Стрежиборъ*, *Самородъ*, *Стоглавъ*.

§ 53.

Двойственное число есть также собственная принадлежность языка Славянскаго, а не заимствованная отъ Грековъ, какъ нѣкоторые полагали; ибо оно употреблялось даже у тѣхъ Славянъ, которыми не былъ принятъ переводъ книгъ Библейскихъ Кирилла и Меѳодія. При томъ же въ переводѣ Новаго Завѣта двойственное число часто встрѣчается, между тѣмъ какъ въ Греческомъ Новомъ Завѣтѣ оное нигдѣ не находится. Впрочемъ въ древнихъ памятникахъ Славянскихъ двойственное число нерѣдко смѣшивается съ множественнымъ, какъ и въ древнемъ Греческомъ у Гомера.

§ 54.

Прилагательныя въ древнемъ языкѣ большею частію употреблялись усѣченно и склонялись одинаково съ существительными; на пр. *десять прокаженъ мужъ*; въ Шестодневѣ Іоан. Экзарха: *остромъ умомъ*, *предѣла неймущамъ водамъ*; въ старо-Богемскомъ: *Scerna lesa*, изъ чернаго лѣса; *sira neba*, съ широкаго неба; *sirokima plecema*,

широкими плечьми; въ ново-Сербскомъ *сива сокола.*

§ 55.

Члена не имѣетъ ни одинъ изъ діалектовъ Славянскихъ, а слѣдовательно не было его и въ Славянскомъ, такъ же какъ въ Латинскомъ и самомъ древнемъ Греческомъ. При семъ, не смотря на неопредѣленность склоненія въ древнихъ Славянскихъ рукописяхъ, достойно замѣчанія, что винительный падежъ одушевленныхъ сходствовалъ въ нихъ съ именительнымъ, дательный женскаго съ предложнымъ, въ множественномъ звательный съ именительнымъ, въ двойственномъ именительный съ винительнымъ, родительный съ предложнымъ, на пр. *двою*, *сыну*, дательный съ творительнымъ: *дѣвьма*, *сынома.*

§ 56.

Въ простонародной поэзіи у всѣхъ Славянскихъ племенъ игра словъ часто выражается повтореніемъ одного и того же понятія въ разныхъ видахъ или частяхъ рѣчи, и въ особенности въ видѣ имени и глагола,

на пр. въ простонародномъ Русскомъ: *не вѣкъ вѣковати*, *не годъ годовати*, одну *ноченьку ночевати*; въ Сербскомъ: *века вековати; вечер вечерати*, въ Богемскомъ: *objecati obiet*, обѣщати обѣтъ.

§ 57.

Подобнымъ повторенiемъ одного и того же понятiя въ разныхъ видахъ или частяхъ рѣчи часто выражается превосходная степень не только предмета, но и самаго чувства; на пр. *ранымъ ранешенько*, въ ново-Сербскомъ *порани рано;* о твојој *лепој лепоти*, о твојој *мудрој мудроти;* въ старо-Богемскомъ; *ticho wsieti-chunko*, тихо тихохонько; *dubec duh* (дубочикъ дубъ); *dusu dusicu* (душу душечку).

§ 58.

Кромѣ Церковно-Славянскаго, Русскаго и Латышскаго, во всѣхъ прочихъ нарѣчiяхъ южныхъ и Западныхъ, въ первомъ лицѣ настоящаго и будущаго времени изъяв. накл. вмѣсто *у* и *ю* употребляется *ам*, *ем* и *им*, какъ въ Латинскомъ будущiя *legam* и сослагат. настоящiя *legam*, *amem* и пр. Но въ Фрейзингенскихъ и старо-Богемскихъ памятникахъ первыя лица кончатся на *у* и *ю*,

на пр. *choeu*, хочу; *pieiu*, пою; *pouiu*, пойду. Нѣкоторые глаголы на *у* сохранились даже и въ новомъ Богемскомъ, на пр. *nesu*, несу и пр. Сіи послѣднія формы, какъ соотвѣтствующія Греческимъ и Латинскимъ, вѣроятно суть древнѣйшія. 2-е лице во всѣхъ новыхъ діалектахъ имѣетъ *ши* и усѣченное *шь;* первое соотвѣтствуетъ древней Греческой формѣ *σι*, сохранившейся въ *εσσι*, а послѣднее Латинскому *s*. 3-е лице, кромѣ Церковно-Словенскаго и Русскаго, въ прочихъ діалектахъ не принимаетъ *т;* но, по мнѣнію Добровскаго, окончаніе на *т* существовало нѣкогда и въ Богемскомъ.

§ 59.

Церковно-Словенскія мѣстоименія *ся*, *тя* и *мя* собственно принадлежатъ Болгарскимъ рукописямъ; Добровскій именуетъ ихъ также Молдавскими; во всѣхъ прочихъ нарѣчіяхъ употребляются Латинскія *se*, *te* и *me* или *sie*, *tie* и *mie*. Въ древнемъ Богемскомъ встрѣчаются обѣ сіи формы какъ отдѣльно, такъ и въ сложности съ глаголами, на пр. *poclonisie*, поклонися и *klanechuse*, кланялися.

§ 60.

Повторенiе предлоговъ предъ существительными и ихъ прилагательными, собственными и нарицательными, встрѣчается въ народной поэзiи всѣхъ Славянскихъ дiалектовъ; на пр. въ Сербскомъ: *око града*, *око бела Будима;* въ старо-Богемскомъ: *otkraiini otewsiech*, отъ земель ото всѣхъ. Подобное повторенiе очень часто употребляется въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, въ древнихъ стихотворныхъ и прозаическихъ памятникахъ и даже въ Несторовой лѣтописи.

§ 61.

Присвоенiе существительнымъ именамъ опредѣленныхъ и постоянныхъ епитетовъ и однообразное употребленiе нѣкоторыхъ оборотовъ въ видѣ пословицъ повидимому суть остатки древней Славянской поэзiи или по крайней мѣрѣ особаго пiитическаго способа выраженiй, свойственнаго вообще народамъ близкимъ къ природѣ; на пр. въ старо-Богемскомъ: *krasna diewa* (красна дѣва); *sira zimie* (сыра земля); *biti wcielo* (бить въ чело или челомъ); *lascachomsie*, *milowachô* (мы ласкалися, миловалися); въ Сербскомъ: *јасан месец;*

своју русу косу; младо и зелено; ти не имаш рода ни племени. Всѣ сіи обороты понятны, какъ родные, каждому Русскому.

§ 62.

Вообще народная поэзія, употребляемая народами Славянскаго происхожденія, служитъ доказательствомъ, что духъ Славянъ не оставляетъ ихъ потомковъ, и не смотря на пространства, исторію и политику, полагающія преграду между сими послѣдними, онъ одушевляетъ ихъ одною общею жизнію и какъ бы ведетъ къ одной великой цѣли. Неизлишнимъ почитаемъ указать здѣсь первоначально на формы, изображенія, особые обороты и самыя идеи, свойственныя ихъ лирической народной поэзіи.

§ 63.

Подъ именемъ лирической поэзіи разумѣются здѣсь однѣ народныя пѣсни, простое изліяніе чувствъ, внушаемыхъ природою. Сіи пѣсни какъ у восточныхъ Славянскихъ племенъ, такъ равно у западныхъ и южныхъ, при извѣстномъ расположеніи души начинаются *лирическимъ движеніемъ* и сопровождаются *расказомъ*. Примѣры можно видѣть

въ Богемской *Краледворской рукописи* XII столѣтія, напечатанной Императорскою Россійскою Академіею въ 8 книгѣ ея Извѣстій, съ переводомъ А. С. Шишкова, и въ *Сербскихъ пѣсняхъ*, изданныхъ Вукомъ Стефановичемъ. Заимствуемыя изъ нихъ мѣста какъ въ семъ, такъ и въ слѣдующихъ §§ сравниваются съ однородными имъ мѣстами, встрѣчающимися въ Русскихъ пѣсняхъ. Примѣры Лирическаго начала:

Въ Богемской пѣсни: *Роза.*

»Ахъ ты роза, красна роза!
»Къ чему рано разцвѣла,
»Разцвѣтши померзла,
»Померзши увяла,
»Увядши опала.»

Начало Русской пѣсни:

»Ахъ ты, садъ ли мой садочикъ,
»Къ чему ты рано садъ разцвѣтаешь,
»Разцвѣтавши садъ, засыхаешь,
»Землю листьемъ устилаешь.»

Продолженіе Богемской пѣсни, состоящее изъ расказа:

»Вчера я сидѣла, долго сидѣла,
»До куропѣнья сидѣла;
»Всѣ дранички, лучинки сожгла;
»Уснула, приснилось мнѣ во снѣ,
»Будто у меня бѣдной
»На правой рукѣ съ перста
»Свалился златый перстень,
»Укатился драгой камень,
»Камушка не нашла,
»Милаго не дождалася.»

Продолженіе Русской пѣсни:

»Я вечоръ, вечоръ молоденька
»Долго вечера просидѣла,
»Я до самаго до разсвѣта;
»Всю лучинушку припалила,
»Всѣхъ подруженекъ утомила,
»Все тебя, мой другъ, дожидалась.
— — — — — — —
»Не хорошъ то мнѣ сонъ привидѣлся,
»Ужъ кабы у меня у-младешеньки,

»На правой рукѣ на мизинчикѣ,
»Распаялся мой золотъ перстень,
»Выкатался дорогой камень,
»Расплеталася моя руса коса.»

§ 64.

Въ ново-Славянскихъ пѣсняхъ часто встрѣчается особаго рода сравненіе, состоящее изъ трехъ частей: изъ *подобія*, основываемаго какъ бы на обманѣ чувствъ, изъ *отрицанія* онаго, въ видѣ поправленія, и изъ самаго сравниваемаго предмета, на пр.

Въ Сербской пѣсни: *Растанка.*

»Обвила ее бела роза винова
»Око града око бела Будима;
»То не била бела лоза винова,
»Већ што било двоје млади и драги,
»Они су се у младости састали,
»А сада се у не време растају,
»Једно другом на растанку говори и пр. . . .

Подобная мысль встрѣчается и въ Русской пѣсни, но по особенному свойству Русской Поэзіи, о коемъ будетъ сказано ниже,

она выражается прямымъ отрицаніемъ, безъ поправленія:

»Не березанька со березою совивалася,
»Красна дѣвица со молодчикомъ совыкалася;
»Какъ совыкшись, она разставалася.»

§ 65.

Въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, равно какъ и въ Русскихъ, сравненія прямыя съ отрицательнымъ поправленіемъ очень рѣдки; изъ числа первыхъ въ семъ родѣ можно указать только на одну, начинающуюся: *ой по горамъ снѣги лежать* (*); между нашими народными пѣснями также извѣстна только одна, сохранившаяся въ святочныхъ обрядахъ:

»Скачетъ груздочикъ по ельничку,
»Ищетъ груздочикъ бѣляночку;
»Не груздочикъ скачетъ, дворянскій сынъ;
»Не бѣляночки ищетъ, дворяночки.»

(*) Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ, XCIII.

§ 66.

Въ Новославянскихъ пѣсняхъ достоинъ примѣчанія драматическій способъ выраженія чувствъ, заключающійся въ разговорѣ съ неодушевленными предметами; на пр. въ Сербской пѣсни дѣвица говоритъ:

»Да ја знадем, мој гајтане!
»Да ће тебе младъ носити,
»Свилом (шелкомъ) би те оплетала,
»Златом би те увијала,
»А бисером накитила;
»А да знадем, мој гајтане!
»Да ће тебе стар носити
»Ликом би те оплетала,
»А рогозом поплетала,
»Копривама накитила.»

Подобныя мысли и способъ изложенія находятся въ Русскихъ пѣсняхъ на *Семикъ* и на *Красную горку*; въ одной изъ нихъ дѣвица плететъ вѣнокъ и разговариваетъ съ нимъ о своемъ суженомъ, въ другой она шьетъ ширинку золотомъ, везетъ узду тесменную и спрашиваетъ, кому все сіе доста-

нется, старому или молодому. Сюда же принадлежитъ Богемская пѣсня: *пучокъ цвѣтовъ.*

§ 67.

Большая часть Славянскихъ племенъ, будучи еще чужды утонченной образованности прочихъ Европейскихъ народовъ, не успѣли заразиться и порчею нравовъ, свойственною симъ послѣднимъ. Простодушіе, невинность и привязанность къ древнему Патріархальному образу жизни и къ семейственному быту составляютъ отличительныя качества почти всѣхъ новыхъ Славянъ; сими качествами дышатъ и всѣ ихъ пѣсни, имѣющія содержаніемъ своимъ различныя отношенія и характеристику семейственныхъ лицъ. Самая форма въ опредѣленіи и изложеніи характеристики соблюдается простая, естественная, состоящая въ сравненіяхъ съ окружающею природою и строго слѣдующая порядку восхожденія или нисхожденія; на пр. въ Сербской пѣсни: *Мајка, Сеја и љуба.*

»Умре Іово, жалосна му Мајка!
»Закукаше до при кукавице:
»Іедна кука никад не преспаје,

»Друга кука Іутром и вечером,
»Трећа кука, кад јоі на ум падне;
»Која кука никад не престаје,
»То је јадна Іованова Мајка;
»Која кука Іутром и вечером,
»То је тужна Іованова Сеја;
»Која кука, кад јоі на ум падне,
»То је млада Іованова Љуба.»

Въ Русской пѣсни:

»Что не ласточки, не касаточки
»Кругъ тепла гнѣзда увиваются;
»Увивается тутъ родная матушка;
»Она плачетъ, какъ рѣка льется;
»А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
»Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ;
»Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.»

§ 68.

Упоминаемыя здѣсь птицы и многія другія, по опредѣленности ихъ характера, очень часто вводятся говорящими или дѣйствующими не только въ нашихъ, Сербскихъ и Богемскихъ пѣсняхъ, но даже и въ Новогрече-

скихъ. Достойно замѣчанія, что сія послѣднія во многомъ сходствуютъ съ Новославянскими; онѣ также начинаются часто лирическимъ движеніемъ, сопровождаются разсказомъ и употребляютъ отрицательныя сравненія съ поправленіемъ и самыя идеи, принадлежащія однимъ лишь Славянамъ.

На пр. въ пѣсни *Буковаллъ* слѣдующее сравненіе:

»Не быковъ ли що бьютъ, не звѣрей ли травятъ?
»Нѣтъ що бьютъ не быковъ, не звѣрей травятъ?
»То сражается съ Турками Клефтъ Буковаллъ.»

Прощаніе Клефта съ конемъ также живо напоминаетъ намъ подобное прощаніе молодаго Русскаго воина; первое заключается въ слѣдующихъ стихахъ:

»Не сказывай, другъ, что погибъ я, что умеръ я бѣдный,
»Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ;
»Что стала несчастному черна земля мнѣ женой,
»И тещею камень, а братьями остры кремни.»

Русскій воинъ, умирающій отъ ранъ, говоритъ то же коню своему:

»Ты скажи моей молодой вдовѣ,
»Что женился я на другой женѣ;
»Взялъ въ приданое поле чистое;
»Насъ сосватала сабля острая,
»Положила спать калена стрѣла.»

Сіе разительное сходство Новогреческихъ пѣсней съ Славянскими, какъ справедливо замѣтилъ Г. Гнѣдичь, происходитъ отъ того, что нѣкоторыя племена Славянскія, водворясь еще съ VII вѣка въ областяхъ и на предѣлахъ Греціи, сблизились съ ея жителями, вѣрою и связями семейными.

§ 69.

Сверхъ сего почти у всѣхъ нынѣшнихъ Славянъ есть множество пѣсней *Обрядныхъ*. Въ особенности у Сербовъ, исключительно привязанныхъ къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, для каждой особой работы и на всякой новый случай въ семействѣ есть свои обряды и пѣсни. Изъ нихъ такъ называемыя *Сватовскія* столь близкое имѣютъ сходство съ нашими свадеб-

ными, что часто можно счесть одн копiею другихъ. Многiя сопровождаются припѣвами, уже потерявшими свое значенiе, но вѣроятно имѣющими отношенiе къ языческимъ обрядамъ древнихъ Славянъ: на пр. *Лельо*, *Ладо*, *Радо*, *ой Додо*, *редена* (у насъ: ой Дидо, ой реди). Сюдажъ надлежитъ отнести Лиро-эпическiя стихотворенiя; какъ то Сербскiя и Малороссiйскiя думы и нѣкоторыя наши повѣсти, по видимому назначенныя для пѣнiя, которыя дѣйствительно въ южныхъ Губернiяхъ поются слѣпыми нищими, нашими рапсодами.

§ 70.

Собственно *Эпическая Поэзiя*, принадлежащая Славянскимъ племенамъ, заключается въ повѣстяхъ и сказкахъ. Какъ тѣ, такъ и другiя сходствуютъ между собою въ вымыслахъ, тонѣ расказа и оборотахъ. На пр. въ нашихъ сказкахъ играетъ важную роль конь *Сивка-Бурка*; когда онъ бѣжитъ, земля дрожитъ; изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ; по лѣсу скачетъ, съ лѣсомъ на ровнѣ: у Сербовъ также часто является на сцену *конь Зеленко:*

»По три копље у прјеко скаче!
»По четыри небу у висине;
»Из уста му живи огнь сипа,
»А из носа модар (синій) пламен сучє.»

§ 71.

Расположеніе повѣстей и сказокъ, равно какъ и пѣсней, слѣдуетъ большею частію одинакому порядку, представляющему собою какъ бы условную и неизмѣняемую форму; для примѣра достаточно указать на повѣсти, содержащіяся въ Краледворской рукописи, и въ особенности на повѣсть: *Людиша* и *Люборъ*. Начало ея, содержаніе, характеры лицъ и способъ ихъ дѣйствія точно тѣ же, какіе встрѣчаются во многихъ нашихъ сказкахъ. Самый ея тонъ есть Русскій сказочный или лиро-эпическій, сопровождаемый повтореніями словъ и цѣлыхъ стиховъ, какъ въ слѣдующемъ описаніи пиршества Бояръ:

»Носили яства диковинныя,
»И носили питіе медовое,
»И было пированіе веселое,
»И было пированіе славное.»

§ 72.

Метафоры и сравненія составляютъ главную роскошь Славянской Повѣствовательной Поэзіи, равно какъ и Лирической. Юное воображеніе народа, еще не привыкшаго къ выраженіямъ отвлеченныхъ понятій и мыслей, замѣняетъ оныя цвѣтами, собираемыми въ садахъ природы. Сіи украшенія, сдѣлавшись какъ бы языкомъ Символическимъ, постоянно повторяются въ разныхъ родахъ и разныхъ нарѣчіяхъ.

§ 73.

Между оборотами, имѣющими видъ иносказанія, надобно отличать тѣ, кои въ началѣ своемъ имѣли значеніе собственное, основанное на одномъ лишь общемъ вѣрованіи народа или древнемъ Баснословіи. Сюда можно отнести слѣдующія достопримѣчательныя описанія раздѣленія души съ тѣломъ. Въ *Словѣ о полку Игоря на Половцы:*

«Единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе.»

Въ старо-Богемской пѣсни *Еленъ:*

»Вышибъ изъ юноши душу душечку;
»Лешитъ она въ прошлянутое пригожее горлышко,
»Изъ горлышка къ краснымъ устамъ.»

Въ повѣсти: *Забой*, *Словой* и *Людекъ:*

»Млашъ вышибъ душу
»И пяшь шаговъ несъ ее къ войску.»

Изъ сличенія сихъ мѣстъ явствуетъ, что Славяне воображали душу вещественною, равно какъ и нѣкоторые изъ Философовъ, называвшихъ ее тончайшимъ тѣломъ (corpus tenuissimum). Сіе вѣрованіе остается доселѣ догматомъ простаго народа не только у Славянъ, но и вообще во всей Европѣ.

§ 74.

Между живыми, словесными памятниками Славянскихъ Нарѣчій достойны особеннаго вниманія *пословицы* или *припов҃ѣдки*. Собраніемъ ихъ занимались съ давнихъ временъ многіе ученые въ Богеміи, Сербіи, Иллиріи, Кроатіи, Крайнѣ, Венгріи и Польшѣ. У насъ первый представилъ свои изслѣдованія о Русскихъ пословицахъ *А. С. Шишковъ* въ *разговорахъ о Россійской Словесности*. Руководствуясь его мыслями, *С. Н. Глинка* въ *Рускомъ Вѣстникѣ* 1816 года помѣстилъ свои опыты историческаго и нравственнаго изысканія пословицъ; въ 1822 году *Д. Кня-*

жевичъ издалъ *полное собраніе Рускихъ пословицъ и поговорокъ* съ предисловіемъ и указателемъ содержанія; наконецъ онѣ разобраны въ различныхъ ихъ отношеніяхъ и разсмотрѣны съ полною критикою въ ученыхъ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, изданныхъ въ 1831 году Г. Профессоромъ Московскаго Университета *И. М. Снѣгиревымъ.* Изъ сдѣланнаго имъ сличенія отечественныхъ пословицъ съ прочими Славянскими открывается, что многія изъ нихъ въ разныхъ странахъ Славянскаго народонаселенія удержали не только одинакой смыслъ, но и одинакое буквальное выраженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сіи послѣднія ведутъ начало свое отъ одного источника и можетъ быть еще отъ тѣхъ временъ, когда онѣ замѣняли собою законъ, правила нравственности и всю лѣтопись умственныхъ наблюденій. Вотъ образчики таковыхъ пословицъ; *Малороссійская:* »Не спытавшись броду, не сунься въ воду;» *Богемская:* »Коштовати броду, извѣдывать бродъ. »*Русская:* »И волки сыти и овцы цѣлы;» *Польская:* I wilk syt i koza cała; *Иллирійская:»* I sa vuka i koslichi su sitti.« *Русская:* »Ѣшь пирогъ (въ Кіевѣ: борщъ) съ грыбами, держи языкъ за

зубами;» *Богемская:*» Мійте языкъ за зубы;» *Краинская:* »Jezik mej za zobmi;» *Сербская:* »езыкъ за зубе.» *Русская:* новая метла чисто мететъ;» *Сербская:* »нова метла болѣ мети;» *Краинская:* Nova metla lepo zméta; *Нѣмецкая:* (съ Славянскаго) Neue Besen kehren gut. *Русская:* »одна паршивая овца все стадо портитъ;» *Сербская:* »една шугова овца цело стадо ошуга.» *Русскія:* «въ семьѣ не безъ урода; у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ; на языкѣ медокъ, а на сердцѣ ледокъ; яблочко не далеко отъ яблонки падаетъ;» *Сербскія:* »Нема рода без' урода; у жене е дуга коса, а кратка паметъ; у усты медъ, а у сердцу едъ; ябука не пада далеко отъ свога стебла.»

§ 75.

Изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ легко удостовѣриться въ возможности отыскать слѣды языка и поэзіи нашихъ предковъ Славянъ. Самое положеніе Славянскихъ племенъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго пространствомъ мѣста и состоящихъ съ давняго времени подъ зависимостію отдѣльныхъ, собственныхъ и чуждыхъ, Державъ и подъ вліяніемъ

различныхъ учрежденій, служитъ доказательствомъ глубокой древности всего того, что составляетъ ихъ общую принадлежность и достояніе. Дальнѣйшее изслѣдованіе сего предмета достойно особеннаго вниманія нашихъ Филологовъ.

ГЛАВА IV.

О писменномъ искусствѣ Славянъ.

§ 76.

Славянская азбука изобрѣтена только въ 863 году Философомъ Константиномъ и братомъ его Меѳодіемъ, Ѳессалоникскими жителями; но искусство писменное извѣстно было Славянамъ и прежде сего изобрѣтенія. Изъ лѣтописи Преподобнаго Нестора видно, что Князья Моравскіе Ростиславъ, Святополкъ и Кацелъ просили Императора Михаила о переводѣ Священнаго Писанія на языкъ Славянскій единственно по неудобоpазумѣнію языковъ *Греческаго* и *Латинскаго*, и что Великій Князь Игорь, при заклю-

ченіи мирнаго договора съ Греческимъ Императоромъ Романомъ Лакапинымъ, обязался посылать впредь своихъ пословъ и гостей въ Константинополь съ *грамотами*. Хотя въ сіе время уже много находилось въ Кіевѣ Христіанъ и была церковь Святаго Иліи; но вѣроятно, что служба церковная отправляема была Греческими Священниками по-Гречески и сношенія Русскихъ съ Греками производились на языкѣ Греческомъ или на Славянскомъ Греческими писменами, по примѣру западныхъ народовъ, въ томъ числѣ и Славянъ, употреблявшихъ Латинскія буквы для своего языка.

§ 17.

Латинскіе миссіонеры, занимавшіеся съ VIII вѣка обращеніемъ Славянъ въ Христіанство, запасались проповѣдями, формулами исповѣди и пр. на языкѣ народномъ; они употребляли для сего Латинскія буквы, какъ видно изъ Славянскихъ памятниковъ Фрейзингенскаго монастыря въ Баваріи и извѣстно о Мерзебургскихъ Епископахъ, Бозовѣ, жившемъ до 971 года, и другихъ. Сей способъ писанія сообщенъ былъ миссіонерами

и самимъ Славянамъ. Нерѣшительность и сбивчивость его болѣе всего оказывается въ употребленіи буквъ *з* и *г* для изображенія звуковъ совершенно различныхъ *ж*, *з*, *с*, *ц*, *ч* и *щ*. Отсюда въ послѣдствіи времени произошло различное произношеніе однихъ и тѣхъ же буквъ.

§ 78.

Черноризецъ *Храбръ* въ рукописи своей о *писменахъ*, принадлежащей къ 1348 году, упоминаетъ о собственныхъ Славянскихъ знакахъ, называя ихъ *чертами* и *рѣзами*. По мнѣнію его, сіи знаки служили Славянамъ въ идолопоклонствѣ для чтенія и гаданія (*).

§ 79.

Дитмаръ, Историкъ XI вѣка, также упоминаетъ о надписяхъ идоловъ Славянскихъ. Въ Ліонскомъ музеумѣ, въ числѣ памятниковъ, приписываемыхъ сѣвернымъ народамъ, дѣйст-

---

(*) Черноризецъ *Храбръ* былъ, кажется, родомъ Болгаръ; рукопись его, найденная въ Синод. Москов. Библіотекѣ подъ No 145, напечатана вмѣстѣ съ твореніями Іоанна Эксарха Болгарскаго, изданными К. Ѳ. Калайдовичемъ.

вительно есть четыре идола съ надписями, по представляемымъ ими символамъ принадлежащіе какъ бы Славянамъ. На одномъ, который держитъ воловью голову, написано: CC8TOS; другой имѣетъ руки сложенныя крестомъ, а за плечами полукружіе съ многосложнымъ словомъ: *ΔLΔOVVNVIΓRΠO*; у третьяго на волосахъ: *ΓOVΠhΔT*; у четвертаго, имѣющаго голову барана и ноги сатира или козы, на спинѣ слѣдующее слово: *hΔVmCLVI*, а на поясѣ. *CmVVLΔ*. Соотвѣтствующіе имъ Славянскіе идолы представляемы были: *Радегастъ* (въ городѣ Ретрѣ) съ головою львиною и съ головою буйвола на груди; *Числобогъ* въ видѣ женщины съ луною; *Ипабогъ* покровитель звѣриной ловли. Всѣхъ буквъ въ означенныхъ надписяхъ 16 т. е. такое же число, какъ въ рунахъ и въ древней Финикійской азбукѣ. Онѣ могли быть заимствованы сѣверными народами и Венедами отъ Финикіянъ, пріѣзжавшихъ въ Балтійское море за янтаремъ, или отъ Грековъ и Римлянъ, ибо нѣкоторыя имѣютъ начертаніе Греческое, другія Латинское.

§ 80.

Въ изданной Г-мъ Раковецкимъ на Польскомъ языкѣ книгѣ, подъ названіемъ *Правда Русская*, помѣщенъ между прочимъ отрывокъ одной древней рукописи *о судѣ Чехской Королевы Любуши*. Въ немъ упоминается о *доскахъ правдодатныхъ* (desky prawdodatne), заключавшихъ въ себѣ начертаніе закона вѣкожизненныхъ боговъ и принесенныхъ еще издревле отцами или предками Чеховъ, при поселеніи ихъ въ странѣ Чехской. Сей драгоцѣнный памятникъ, достопримѣчательный по необычайной красотѣ мыслей и живости изображеній, подаренъ былъ какою-то неизвѣстною особою Національному Музеуму. Если бы древность его была доказана ясными историческими доводами; то никакому бы сомнѣнію не подлежало и заключеніе Г. Раковецкаго, Профессора Юнгмана и другихъ ученыхъ, что древніе Славяне принесли съ собою собственное письмо еще изъ отечества своего, Индіи или по крайней мѣрѣ изъ Азіи, вмѣстѣ съ поклоненіемъ упоминаемому въ означенной поэмѣ Пламени Правдозвѣстному (Plamien Prawdozwesten), и что сіе письмо истреблено было

только Христіанскими Священниками, по введеніи Латинскихъ писменъ и новой Вѣры (*).

§ 81.

Самая гибкость и различные тоны Славянскаго языка, встрѣчаемые въ переводѣ Библейскихъ книгъ, въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ остаткахъ древнихъ Чехскихъ стихотвореній, свидѣтельствуютъ какъ о степени гражданской образованности древнихъ Славянъ, такъ и о томъ, что искусство письма извѣстно было имъ еще съ давнихъ временъ и можетъ быть употребляемо было преимущественно при обрядахъ идолопоклонства, при гаданіяхъ и въ поэзіи.

(*) Подлинникъ упоминаемаго здѣсь отрывка *о судѣ Любуши*, съ переводомъ и примѣчаніями А. С. Шишкова, помѣщенъ въ IX книгѣ Извѣстій Россійской Академіи.

ГЛАВА V.

О вліяніи Греческаго языка на Славянскія Восточныя нарѣчія и Латинскаго на Славянскія Западныя.

§ 82.

Подъ Славянскимъ языкомъ разумѣется здѣсь одно изъ его нарѣчій, которымъ первоначально были переведены Ветхій и Новый Завѣтъ и нѣкоторыя Богослужебныя книги. Сей переводъ предпринятъ былъ по желанію Моравскихъ Князей и для Моравскихъ Славянъ; но сходство его текста съ языкомъ, употребляемымъ нынѣ въ Сербіи, подало поводъ одному изъ ученыхъ нашихъ Филологовъ къ заключенію, что Церковное нарѣчіе есть Сербское. Почтенный защитникъ сего мнѣнія между прочимъ основываетъ оное на

томъ, что первые переводчики Новаго Завѣта, Философъ Константинъ, въ монашествѣ Кириллъ, и братъ его Меѳодій, родились между Сербами и возросли въ Солунѣ, Ѳессалійскомъ городѣ, посреди Сербовъ (*).

§ 83.

Въ собственномъ смыслѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Полевой, *Церковный Славянскій* языкъ *никогда* и *нигдѣ* не былъ народнымъ, разговорнымъ, но составленъ или, такъ сказать, изобрѣтенъ Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, по образцу древняго Сербскаго языка, преобразованнаго по Греческимъ формамъ и измѣненнаго введеніемъ въ него вновь выдуманныхъ словъ и оборотовъ (**). Впрочемъ сіе мнѣніе не противорѣчитъ предыдущему; ибо первые перелагатели Священныхъ книгъ во многихъ случаяхъ вѣроятно и не могли иначе выразить новыя идеи и мысли, какъ вводя въ употребленіе старыя, забытыя и даже чуждыя слова, или производя отъ из-

---

(*) См. Труды Общества Любителей Россійской Словесности, часть VII, о Славянскомъ и въ особенности Церковномъ языкѣ, М. Т. Каченовскаго.

(**) См. томъ I Исторіи Русскаго народа. стр. 338.

вѣстныхъ реченій новыя, дотолѣ неизвѣстныя.

§ 84.

Константинъ и Меѳодій составили Священную азбуку изъ буквъ Греческихъ, присовокупивъ къ нимъ буквы Ш, Б, и Ь, какъ думаетъ Фришъ, изъ языка Еврейскаго и нѣсколько новыхъ, ими изобрѣтенныхъ, для изображенія звуковъ свойственныхъ Славянамъ, именно: Ж, Ц, Щ, Ъ, Ы, Ѣ, Ю, Я, Ѫ. Нѣкоторыя изъ буквъ Греческаго алфавита, какъ кажется, введены были въ Славянскій для различія только падежей и прочихъ частей рѣчи, имѣющихъ при одинакомъ произношеніи различное значеніе на пр. именительные *воинъ*, *Пророкъ*, *отрокъ* и пр. въ родительномъ множественнаго имѣютъ ѡ, вѡинъ, Прорѡкъ, отрѡкъ; творительный единственнаго числа *праздникомъ*, дательный множ. числа *праздникѡмъ*, міра (mundi), мира (pacis) и мѵра (unguenti); ѧзыкъ народъ, ѧзы́къ lingua.

§ 85.

Сія азбука, называемая *Кирилловою*, донынѣ употребляется съ нѣкоторыми перемѣнами въ Россіи, Валахіи, Молдавіи, Болгаріи,

Сербіи и пр. Она сначала была также въ употребленіи въ Богеміи, Моравіи, Силезіи и Польшѣ; нынѣ въ первыхъ трехъ, равно въ Лаузицѣ и Кассубіи, употребляются писмена Нѣмецкія; въ Илиріи, Крайнѣ, Венгріи и Польшѣ Латинскія. Славяне Далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ *Глаголитской* или буквицы. Изобрѣтеніе ея приписывали Святому Іерониму, жившему еще въ IV и V вѣкѣ, но безъ всякаго основанія; ибо памятники, писанные глаголитскими буквами, не простираются далѣе XIII вѣка.

§ 86.

Не имѣя писменныхъ памятниковъ языка Славянскаго до перевода на оный Священнаго Писанія, мы не можемъ опредѣлить въ точности степени измѣненій его отъ сего перевода; однако же не льзя не согласиться, что сіи измѣненія должны быть значительны; ибо переводчики заимствовали у Грековъ не только обороты и выраженія, но и характеръ языка Греческаго, сохранивши сочиненіе, а не рѣдко и самое количество словъ подлинника.

Примѣчаніе. Сюда относятся:

1) Дательный самостоятельный Славянскаго языка, соотвѣтствующій самостоятельному родительному Греческаго и творительному Латинскаго: *не сущу Царю*, ἐκ ὄντος βασιλέως; или *дню же бывшу*, ἡμέρας δὲ γενομένης, die exorto (Дѣян. 16. 35)

2) Именительный падежъ средняго рода прилагательнаго имени, поставляемый съ родительнымъ падежемъ множ. числа существительнаго; на пр. *высокая древесъ падоша*.

3) Существительное, употребляемое вмѣсто прилагательнаго: *человѣкъ грѣха* и пр.

4) Положительная степень вмѣсто сравнительной: *благо есть уповати на Бога, нежели уповати на Князи*.

5) Винительный падежъ вмѣсто именительнаго; на пр. *желаше видѣти Іисуса, кто есть*.

6) Нарѣчіе въ значеніи существительнаго; на пр. *ино есть вчера, ино днесь*.

7) Мѣстоименіе возносительное, поставляемое впереди существительнаго; на пр. *у него же бы обитати намъ Мнасона нѣкоего*.

8) Согласованіе мѣстоименія возносительнаго съ послѣдующимъ существительнымъ; на пр. *въ дому, яже есть церковь.*

Къ Греческимъ оборотамъ принадлежатъ также употребленіе дѣепричастія вмѣсто нарѣчія, неокончательнаго наклоненія вмѣсто подчинительнаго, дѣепричастія съ глаголомъ существительнымъ вмѣсто глаголовъ дѣйствительныхъ, среднихъ и пр.

Посредствомъ Греческаго языка вошли въ Славянскія церковныя книги и нѣкоторые обороты Еврейскіе, на пр. употребленіе прошедшаго времени вмѣсто будущаго и т. п.

§ 87.

По принятіи Христіанской Вѣры Великимъ Княземъ Владиміромъ принять былъ и помянутый переводъ Св. Писанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошли въ Русскій языкъ собственныя имена Греческія, отчасти Латинскія и Еврейскія; введены въ употребленіе Греческія слова для означенія лицъ, принадлежащихъ Церкви, и предметовъ, относящихся къ Богослуженію. Наконецъ появились новые роды Духовной поэзіи, достойные особеннаго вниманія, хотя до сихъ поръ Литераторами не опре-

дѣленные. Изъ нихъ особенно достопримѣчательны: *Канонъ* и *Акаоистъ*.

§ 88.

Канонъ есть родъ Лирическаго хора, заключающаго девять пѣсней или ирмосовъ, въ ознаменованіе девяти хоровъ или чиновъ Ангельскихъ. Въ первой пѣсни прославляется чудо, совершившееся при переходѣ Израильтянъ чрезъ Чермное море; четыре послѣдующія содержатъ исполненіе сего ветхозавѣтнаго первообраза; седьмая и осьмая посвящены воспоминаніямъ о избавленіи трехъ отроковъ отъ Халдейской пещи, девятая торжеству Святой Дѣвы Маріи.

§ 89.

Акаѳистъ есть Лирическое пѣснопѣніе въ честь Спасителя или Божіей Матери и Святыхъ угодниковъ. Онъ состоитъ изъ 13 кондаковъ и 12 икосовъ, оканчивающихся всякой разъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же стиховъ.

§ 90.

Сіи и нѣкоторыя другія пѣсни духовныя исполнены пламенныхъ чувствъ, смѣ-

лыхъ оборотовъ и роскошныхъ троповъ, заимствованныхъ изъ Восточной и въ особенности Еврейской поэзіи.

§ 91.

По введеніи въ употребленіе переводовъ Священнаго Писанія и Богослужебныхъ книгъ образовался въ Россіи особый языкъ *Церковный*, съ геніемъ Греческаго и съ формами одного изъ Славянскихъ нарѣчій, чуждыми для нарѣчія древняго Русскаго. Онъ оставался долгое время исключительно языкомъ книжнымъ въ Россіи; тѣмъ болѣе, что Русскія лѣтописи, нравственныя сочиненія и прочіе памятники нашей древней литературы писаны были почти всѣ духовными лицами.

§ 92.

Въ Несторовой лѣтописи и въ книгѣ *Житій Святыхъ*, въ описаніи дѣлъ Константина и Меѳодія 15 Мая, сказано, что сіи Святители въ четыре года утвердили всю землю Славянскую въ истинной Вѣрѣ, и переведя Евангеліе, Апостолъ и Литургіаріонъ, совершали Божественную службу на языкѣ Славянскомъ; и Папа Адріанъ II, одобривъ

ихъ дѣло, предалъ анаѳемѣ хулителей сего нововведенія, доказывавшихъ незаконность онаго тѣмъ, что на крестѣ Спасителя не было иныхъ надписей, кромѣ Еврейской, Еллинской и Латинской. Но когда одинъ изъ преемниковъ его, Папа Іоаннъ XIII, Буллою 968 года запретилъ торжественно употребленіе Славянскаго языка при Богослуженіи: то Моравскіе Христіане, приставши къ Римскому исповѣданію, начали вмѣстѣ съ Поляками писать Латинскими буквами; и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изобрѣтена была азбука Кириллова, вскорѣ не осталось никакихъ слѣдовъ ея.

§ 93.

Какъ Славяно-Руссы и прочія Славянскія племена, сохранившія Православную Восточную Вѣру, удержали названія Греческія въ языкѣ Церковномъ: такъ Богемцы, Моравы и Поляки, родные намъ по происхожденію, но отдѣлившіеся отъ насъ исповѣданіемъ Вѣры Латинской, приняли въ свой языкъ слова Латинскія, для означенія частей Церкви, лицъ къ ней принадлежащихъ и предметовъ относящихся *къ Богослуженію.* Въ языкъ судебный вкрались выраженія Каноническаго пра-

ва, Папскихъ декретовъ и булларій; во многихъ изъ дѣловыхъ бумагъ фразы Польскія пополамъ перемѣшаны съ Латинскими; наконецъ и въ произведеніяхъ Словесности отразились словосочиненіе и формы языка Латинскаго.

ГЛАВА VI.

Объ отношеніяхъ Русскаго языка къ языку Славяноцерковному и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ.

§ 94.

Знаменитый Филологъ Добровскій въ своемъ сочиненіи о древнемъ языкѣ Славянскомъ, всѣ его нарѣчія раздѣляетъ на два разряда: *къ первому* относитъ 1) Русское, 2) древнее Славянское, 3) Иллирійское или Сербское, 4) Кроатское, 5) Вендское въ Карніоліи, Стиріи и Каринтіи; *ко второму:* 1) Словакское, 2) Богемское, 3) Сорабское или Вендское въ верхнемъ Лаузицѣ, 4) Сорабское въ нижнемъ Лаузицѣ и 5) Польское.

§ 95.

Отличительныя качества сихъ двухъ разрядовъ, по его мнѣнію, суть слѣдующія:

Въ первомъ:	Во второмъ:
1) раз. разум.	роз. розум.
2) из. издати.	вы. выдати.
3) вставочное л:	
Корабль	Корабь.
Земля	Земя.
Поставлен.	Поставен.
4)	Вставочное д:
Сало, крило,	Садло, кридло.
Правило,	Правидло.
Молитися,	Модлитисе.
5) Пещи, мощи,	Пеци, моци.
Пещ., мощ.,	Пец. моц.
(печи, мочи).	
6) Звѣзда, цвѣт.,	Гвѣзда, квѣт.
7) Тъ, (той).	Тен.
8) Пепел.	Попел.
9) Птица.	Птак.
Студенец.	Студница.
10) десница.	Правица.

Сіе раздѣленіе въ общихъ отношеніяхъ кажется довольно правильнымъ, но въ частности подлежитъ многимъ исключеніямъ; ибо и въ Русскомъ языкѣ, особливо простонародномъ, говорится: *розыскъ*, *корабь*, *на земи*, *птаха*, и пр.

§ 96.

Собственно Славянскія нарѣчія отличаются между собою А) начертаніемъ буквъ и произшедшимъ отъ того измѣненіемъ въ произношеніи; В) правописаніемъ; С) формою склоненій и спряженій; D) отчасти и самымъ словосочиненіемъ.

А).

§ 97.

Иллирійцы, Далматы, Кроаты, Карніолы, Поляки и Богемцы, не находя въ употребляемыхъ ими алфавитахъ Нѣмецкомъ и Латинскомъ количества соотвѣтствующихъ Славянамъ звуковъ, изобрѣли для означенія оныхъ особое сочетаніе буквъ. На пр. вмѣсто *щ* у Поляковъ употребляется szcz, у Кроатовъ *sch*; Иллирійцы и Богемцы вмѣсто *щ* произносятъ и пишутъ *шт*, (sht, sst), какъ

и Русскіе крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссійскихъ Губерній.

§ 98.

Польскій звукъ *dz*, соотвѣтствующій употребляемому въ другихъ нарѣчіяхъ *дж*, подобно сему послѣднему, въ Русскомъ языкѣ не терпимъ; на пр. dzien, день; dzwon, звонъ. Равнымъ образомъ и Славянское *жд* въ Русскомъ всегда раздробляется, такъ что въ одномъ случаѣ произносится только первая буква *ж*, а въ другомъ послѣдняя *д*; на пр. *виждꙋ*, *виждь*, по-Русски *вижу*, *видить*, *видь*, по-Польски *видзь*. *Дз* и *дж* суть звуки Азіатскіе, встрѣчаемые въ языкахъ Персидскомъ, Индостанскомъ, Китайскомъ, Монгольскомъ и пр.

§ 99.

Сложный звукъ *rz*, произносимый почти какъ *рш*, употребляется у Поляковъ и Богемцевъ во всѣхъ словахъ, когда послѣ *р* слѣдуютъ *ь* или гласныя *и*, *ѣ*, *я*, *ю*. На пр. *Rzécz*, *Rżeka*, рѣчь, рѣка.

§ 100.

Сербы или совсѣмъ отбрасываютъ *х*

или перемѣняютъ сей звукъ на *в;* на пр. вмѣсто *худъ, ходити, муха, сухъ,* говорятъ и пишутъ *удъ, одити, мува, сувъ.*

В).

§ 101.

Вмѣсто *а* очень часто употреблялось во многихъ нарѣчіяхъ *я;* на пр. вмѣсто *азъ, юноша, часъ,* писали *язъ, юноша, чясъ.*

Въ древнихъ рукописяхъ, а равно и во многихъ новыхъ Славянскихъ, вмѣсто *я* нерѣдко встрѣчается *ѫ*, на пр. вѣрѫ, правѫ.

Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ вмѣсто *ѣ* говорятъ и пишутъ іе; Поляки перемѣнили *іе* на *іа, biały* вмѣсто *бѣлый.*

§ 102.

Если слово состоитъ изъ трехъ согласныхъ буквъ и средняя есть *л* или *р*, то Славянское *а* у Поляковъ и Русскихъ измѣмѣняется на *о;* на пр.

Славян.	Польск.	Русское.
Гладъ,	Głod,	Голодъ.
Гласъ,	Głos,	Голосъ.
Градъ,	Grod,	Городъ.

§ 103.

Русскіе и всѣ южные Славяне въ словахъ, начинающихся предлогомъ *раз*, большею частію удерживаютъ *а;* но Поляки и Богемцы перемѣнили сію гласную на *о*: rozum, разумъ и пр.

§ 104.

О и *е*, въ разныхъ нарѣчіяхъ часто употребляются одно вмѣсто другаго; посему слова, начинающіяся съ *е*, въ Русскомъ языкѣ измѣняютъ сію гласную на *о;* на пр. *одинъ*, *озеро*, вмѣсто *единъ*, *езеро.*

§ 105.

Слова односложныя и двусложныя, заключающія въ срединѣ слога букву *л* или *р*, и употреблявшіяся въ древнемъ слогѣ церковномъ и свѣтскомъ безъ гласной, нынѣ въ нашемъ языкѣ для благозвучія и легкости произношенія большею частію употребляютъ *о* предъ *л* и *е* предъ *р;* на пр. *волна*, *полнъ*, *волкъ*, *слеза*, вмѣсто *влна*, *плнъ*, *влкъ*, *слза.*

§ 106.

Сербы и Далматы среднюю букву *л* измѣнили въ произношеніи на *в*: *дугъ* (долгъ), *вукъ* (влкъ). Богемцы произносятъ подобные слоги или безъ гласной *l*, или къ *l* присовокупляютъ *u*: *pluk* (плкъ), *dluh* (длгъ, долгъ), *chlum* (хлмъ, холмъ). Поляки въ подобныхъ слогахъ предъ *l* употребляютъ *e* или *i*: *wełna*, *pełny*, *wilk*.

§ 107.

Въ книгахъ, писанныхъ глаголитскими буквами, равно и въ Сербскихъ, также можетъ быть для благозвучія и смягченія выговора, во многихъ словахъ вставляется *а*, особливо при стеченіи согласныхъ: *данась*, *магла*, *маститель*, *богатаство*, *канамъ*, вмѣсто днесь, мгла, мститель, богатство, къ намъ.

§ 108.

Послѣ *б*, *в*, *п* и *м* предъ *я*, *ю* и *ь*, въ Русскомъ языкѣ, какъ и въ Славяно-Церковномъ, часто удерживается придаточное *л*; *люблю*, любить; *ловлю*, ловить; *вопль*, *земля*; равнымъ образомъ и въ страдательномъ при-

частіи, кончащемся на *енъ*, предъ симъ слогомъ послѣ помянутыхъ, такъ называемыхъ, *губныхъ* (Labiales) согласныхъ ставится *л*; *посрамленъ*, *избавленъ*; но въ Богемскомъ, Польскомъ и Лаузицкомъ нарѣчіяхъ, какъ было замѣчено выше, придаточное *л* никогда не употребляется.

§ 109.

Напротивъ того въ именахъ существительныхъ, кончащихся на *ло*, Богемцы и Поляки предъ симъ слогомъ пишутъ и произносятъ *d*, *sadlo*, *kadidlo*, вмѣсто сало, кадило.

Въ словахъ сложныхъ, начинающихся предлогами *об*, въ Рускомъ, какъ и въ Славяноцерковномъ, послѣ *б* исключается *в*: *облзать*, *облакъ*, вмѣсто обвязать, обвлакъ.

C).

§ 110.

Русская форма склоненій очень сходна съ Славянскою, исключая приращенія нѣкоторыхъ существительныхъ въ дательномъ единственнаго числа на *ови* и *еви* и въ нѣкоторыхъ падежахъ множественнаго числа на *ове*, *овы*, *овомъ*, *овѣхъ*. Поляки удержали сіе

окончаніе въ именахъ мужескаго рода, оканчивающихся согласною буквою; равнымъ образомъ и звательный падежъ сихъ именъ въ единственномъ числѣ оканчивается у нихъ, какъ въ Славянскомъ, на *u*, *iu*, *e*, *ie*.

§ 111.

Имена знатныхъ особъ, равно животныхъ и вещей неодушевленныхъ, если сіи послѣднія олицетворяются, въ именительномъ множественнаго числа кончатся въ Польскомъ на owie; имена лицъ низшаго класса на i или y; прочія же, и въ особенности кончащіяся на b′ c′ n′, p′ s′, w′, z, удерживаютъ окончаніе Славянское на *ie; ludzie*, людіе.

§ 112.

ą и *ią* суть окончанія винительныхъ и творительныхъ падежей женскаго рода перваго склоненія единственнаго числа. Онѣ произносятся, какъ *o* и *io* или какъ Французское (nasal) *on* и *ion*, и въ винительномъ падежѣ, какъ кажется, образовались по закону общей тоники изъ Славянскаго *ѫ* и *ю*, а въ творительномъ изъ *ею*, *ою*, и *іею*; ибо *ю* составлено изъ *i* и *o*, а можетъ быть и произносилось прежде, какъ *io*.

§ 113.

Имена прилагательныя въ косвенныхъ падежахъ образованы изъ усѣченнаго именительнаго и изъ соотвѣтствующихъ имъ падежей мѣстоименія личнаго 3-го лица; на пр. ед. ч. и. miły милый; р. mił*ego*; д. mił*emu*; т. и п. mił*ym*. Винительный личный, какъ родительный. Множ. ч. р. mił*ych*; вин. лич. также; д. mił*ym*; т. mił*emy*, личный mił*ymi*; пр. mił*ych*.

§ 114.

Мѣстоименія прилагательныя бываютъ или полныя или сокращенныя: Р. moiego, mego: д. moiemu, memu, и т. п.

Самое личное мѣстоименіе 3-го лица *on* въ род. имѣетъ niego, go и iego, въ дат. niemu, mu и iemu и пр.

Подобнымъ образомъ склоняются въ Польскомъ языкѣ имена существительныя, усѣченныя изъ Латинскихъ кончащихся на ius: И. Wirgili (Wirgilius), Antoni (Antonius); р. Wirg*iliego*, Anto*niego*.

§ 115.

Окончанія неопредѣленныхъ наклоненій глаголовъ. ać, ąć, eć, ięć, óć, oć, śc, źć, dz и

пр. образовались изъ Славянскихъ *щ*, *ч* и *ст* и соотвѣтствуютъ Русскимъ *т*, *чи*, *тъся*, произносимому въ разговорѣ какъ *ц*; ąc есть окончаніе герундія, образовавшееся изъ Славянскаго *ще* и соотвѣтствующее Русскому *чи*.

§ 116.

Глаголы 1-го спряженія въ языкѣ Польскомъ удержали форму неправильныхъ Славянскихъ, кончащихся въ 1-мъ лицѣ един. ч. на *м*; на пр.

Славян.	Русское:	Польское:
Ед. 1. Имамъ,	дамъ,	czytam (читаю),
2. Имаши,	дашь,	czytasz,
3. Иматъ,	дастъ,	czyta.
Мн. 3. Имамы,		czytamy,
2. Имате,		czytacie,
3. Имутъ,		czytaią.
Ед. 1. Вѣмъ,		Rozumiem,
2. Вѣси,		Rozumiesz,
3. Вѣстъ,		Rozumie.
Мн. 1. Вѣмы,		Rozumiemy,
2. Вѣсте,		———iecie,
3. Вѣдятъ,		———ieią.

§ 117.

Окончанія 1-го и 2-го лица *am* и *sz* единственнаго числа или составлены по формамъ настоящаго времени страдательныхъ и среднихъ глаголовъ Греческихъ, или образованы по прошедшему несовершенному времени Латинскому *citabam*, *citabas*. То же можно сказать и о прошедшемъ времени Польскихъ глаголовъ, которое въ мужескомъ родѣ сходствуетъ съ Латинскою формою несовершеннопрошедшаго времени сослагательнаго наклоненія, а въ женскомъ съ несовершеннопрошедшимъ изъявительнаго:

czytał*em* (citarem) я читалъ,
czytałe*s* (citares) ты читалъ,
czytał*am*, я читала, czytał*as* ты читала.

Въ множественномъ числѣ прошедшаго времени Поляки удержали форму языка Славянскаго Церковнаго:

Czytaliśmy, читали есмы,
Czytaliscie, читали есте.

§ 118.

Славянскій языкъ, какъ кажется, совсѣмъ не имѣлъ особаго глагола существительнаго;

ибо въ Церковномъ его нарѣчіи и въ Русскомъ 1-е лице единственнаго составилось изъ множественнаго Греческаго: *есмь* отъ *ἐσμὲν*, подобно Французскому въ простонародіи употребляемому: je *sommes;* а у Поляковъ изъ 3-го лица единственнаго, которое служитъ темою и для прочихъ лицъ: ед. ч. 1. ies*tem*, 2. ies*teś*, 3. iest. мн. ч. 1. ies*teśmy*, 2. ieste-*ście*, 3-е лице *są*, произносимое какъ *son*, соотвѣтствуетъ Латинскому *sunt* и Славянскому *суть;* такъ что изъ Латинскаго сочетанія согласныхъ *nt*, какъ несвойственнаго Славянскому, Поляки вообще въ 3-мъ лицѣ множ. числа удержали одно *n*, ą (on), а Русскіе одно *t*.

§ 119.

Глаголы возвратные, взаимные и общіе, оканчивающіеся въ Русскомъ языкѣ на *ся*, въ Польскомъ иногда принимаютъ сіе мѣстоимѣніе въ концѣ, иногда напереди, отдѣляясь отъ него нѣсколькими частями рѣчи, какъ въ словосочиненіи древнихъ Русскихъ памятниковъ.

D).

Словосочиненіе въ Славянскихъ нарѣчіяхъ

вообще есть свободное или такъ называемое *естественное*, но въ Восточныхъ оно приноровлено болѣе къ Греческому, а въ Западныхъ, носитъ на себѣ отпечатокъ Латинскаго. Въ немъ глаголъ иногда ставится въ концѣ, иногда въ началѣ предложенія; слова зависимыя отъ своего управляющаго и существительныя отъ прилагательныхъ отдѣляются другими частями рѣчи, не нарушая ни мало ясности смысла, опредѣляемаго формами склоненій и спряженій.

ГЛАВА VII.

О вліяніи языковъ иноплеменыхъ на Русскій.

§ 120.

Заря просвѣщенія, просіявшая въ Россія со введеніемъ Христіанской Вѣры, незапно помрачилась страшною тучей, возставшею съ востока и покрывшею весь небосклонъ сѣвера. Монголы въ продолженіи двухъ вѣковъ своего владычества, руководствуясь хитрою политикою, старались покровительствовать Русскому духовенству, единственному сословію, занимавшемуся въ то время науками; но служители церкви, помня святость

своего сана и важность соединенныхъ съ онымъ обязанностей, не переставали быть Россіянами. Различіе религій, любовь къ отечеству, ненависть Русскихъ къ имени Татаръ и отдаленность сихъ двухъ народовъ, которые отдѣлялись одинъ отъ другаго пространными степями, предохранили и Русскій языкъ отъ вліянія Татарскаго. Вкравшіяся въ него слова Татарскія и Монгольскія, коихъ вообще весьма мало, не изгнали и не замѣнили нашихъ отечественныхъ.

§ 121.

Гораздо ощутительнѣе было вліяніе языка Польскаго, начавшееся со времени отторженія Литовцами отъ Россіи южныхъ ея Княжествъ и Бѣлоруссіи и по водвореніи въ сихъ краяхъ владычества Двора Римскаго, которое быстро распространялось и утверждалось на югѣ и западѣ властію Правительства, вельможъ и шляхты. Римско-Католическія монашескія общества, бывшія дѣятельнѣйшимъ орудіемъ политики Двора Римскаго или справедливѣе духовнымъ его воинствомъ, покушались поколебать Восточную Грекороссійскую Церковь въ самомъ ея осно-

ванія, дабы симъ расторгнуть послѣдній оплотъ православія. Посреди Русскихъ приходовъ воздвигались великолѣпные костелы; въ Вильнѣ открыто было Іезуитами училище для Русскаго юношества. Дѣти православные возвращались изъ онаго въ домы съ искаженными понятіями о вѣрѣ отцевъ своихъ, съ чуждымъ сердцемъ, съ новымъ языкомъ.

§ 122.

Между тѣмъ престолъ Патріарховъ Константинопольскихъ былъ сокрушенъ и Православіе въ Литвѣ и Подоліи оставалось безъ защиты. Пользуясь симъ положеніемъ Восточной Церкви, Папа Климентъ VIII и Король Казимиръ III употребили для соединенія ея съ Западною и обольщенія и угрозы, приписывая паденіе Восточной Имперіи мщенію Десницы Божіей, каравшей ересь и отступленіе отъ постановленій Флорентійскаго Собора. Малодушные вѣрили, что имъ надлежало избрать или плѣнъ Магомета или иго Двора Римскаго, уже тяготѣвшее на Европѣ; они предпочли послѣднее.

§ 123.

Такъ приготовлена была плачевная эпоха

присоединенія нѣсколькихъ Русскихъ Епископовъ къ Римской Церкви, совершившагося въ 1595 году въ Римѣ. Обнародованныя въ слѣдующемъ 1596 году о семъ мнимомъ соединеніи Церквей постановленія Берестскаго Собора *) и прочіе современные имъ акты южныхъ Россіянъ и Бѣлоруссовъ служатъ доказательствомъ, до какой степени древній Русскій языкъ измѣнился при Правительствѣ Литовскомъ въ отторженномъ отъ Россіи краѣ, и чего надобно было ожидать ему отъ рѣшительнаго вліянія Уніи. Смѣсь Русскихъ словъ и оборотовъ съ Польскими, введеніе новой формы въ нѣкоторыхъ склоненіяхъ и частое употребленіе Польскихъ союзовъ для соединенія предложеній составляли отличительной его характеръ того времени. Самыя формы глаголовъ въ нѣкоторыхъ временахъ приняты были Польскія, съ тѣмъ только различіемъ, что въ множественномъ числѣ прошедшаго времени 1-е лице, оканчивающееся въ Польскомъ на *смы* (есмы), въ Русскомъ кончится на *смо*, по образцу Кроатовъ, Карніоловъ и нѣкоторыхъ другихъ южныхъ Славянъ.

---

*) Выписка изъ сего акта прилагается при семъ на особо литографированномъ листѣ.

§ 124.

Изъ сей смѣси словъ и оборотовъ Славянскихъ, Русскихъ, Польскихъ и частію Латинскихъ образовалось особое нарѣчіе, извѣстное подъ именемъ *Бѣлорусскаго* или *Литовскорусскаго*, на которомъ Духовные Греческаго исповѣданія, жившіе въ Бѣлоруссіи и Польшѣ, писали Богословскія и другія сочиненія до конца XVII столѣтія.

§ 125.

По распространеніи владычества Поляковъ въ Малороссіи, языкъ ихъ сдѣлался господствующимъ во всей южной Россіи. На немъ издаваемы были законы; имъ говорила Шляхта; правила его были преподаваемы и въ училищахъ.

§ 126.

Въ Малороссійскомъ нарѣчіи надобно отличать свойства, 1) образовавшіяся въ немъ временемъ и мѣстомъ и 2) заимствованныя имъ изъ Польскаго.

Независимо отъ сего послѣдняго *и* произносилось и произносится у Малороссіянъ, какъ *ы*, на пр. лыстъ, сыній.

л въ срединѣ и въ концѣ реченій очень часто перемѣняется на *в*, на пр. *сказавъ*, *Повковныкъ*, *молывся*.

О въ односложныхъ словахъ произносится, какъ *і*, на пр. *сімъ*, *Бігъ*, *стілъ*.

Ф произносится какъ *хв*; *ѣ* какъ *і*; *я* какъ *ья*.

Ѳ удержало произношеніе Греческое или приближающееся къ Греческому посредствомъ тройной буквы *хвт*; *хвтеологія*, *рыхвтма*.

Сюда же относятся особое склоненіе прилагательныхъ и особое образованіе именъ уменьшительныхъ и увеличительныхъ; на пр. им. *гарный*, — *ная*, *на*, — *нѣе*, *не*; множ. им. *гарныі*; *дужый*, *дуженный*; *гарный*, *гарнесенькій*, *гарнесесенькій*; *малый*, *малесенькій*, *малесесенькій* или *мацюпесесенькій*.

§ 127.

Въ спряженіяхъ глаголовъ большею частію сохранена форма Русская, но 1-е, 2-е и 3-е лица ед. числа прошедшихъ временъ кончатся всегда вмѣсто *лъ* на *въ*, а первыя лица множ. числа настоящихъ и будущихъ кончатся на *мо*, какъ бы по образцу Бѣлорускому или глаголитскому.

§ 128.

Изъ Польскаго и другихъ нарѣчій южныхъ Славянскихъ заимствованы звуки *дз* и *дж* на пр. *дзвинъ*, *дзънь* и пр.

Окончанія надежей на *ові*, *еві* и *ове* или остались отъ языка Славянскаго, или перешли изъ Польскаго. То же можно сказать о звательномъ надежѣ на *ю* и *е*.

Въ уравненіи прилагательныхъ превосходная степень дѣлается также иногда чрезъ прибавленіе къ положительной Польскаго слога: *най*.

§ 129.

Наконецъ владычество языка Польскаго распространилось и на Великороссійскій. Писатели, родившіеся и образовавшіеся въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, перенесли къ намъ слова и обороты, къ которымъ они привыкли съ младенчества. Увлекаясь существомъ истины и силою доводовъ, основанныхъ на правилахъ Логики и Реторики, слухъ Великороссіянъ терпѣливо сносилъ чуждое произношеніе и мало вразумительныя реченія. Самыя Грамматики и Реторики, служившія руководствомъ симъ писателямъ, сочинясмы

были въ Богеміи и Польшѣ, и вообще сочиненія духовныя и нравственныя до XVIII столѣтія большею частію печатались въ Прагѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Почаевѣ, Львовѣ, и слѣдовательно подъ вліяніемъ Богемскаго и Польскаго Правительствъ.

§ 130.

Хотя сіе вліяніе примѣтно ослабѣвало по присоединеніи Малой Россіи къ Великой; и духовные писатели употребляли усилія къ установленію правилъ языка господствующаго; но средства и способы, избранные ими для достиженія сей важной цѣли, были различны. Димитрій Туптало и Стефанъ Яворскій старались въ сочиненіяхъ своихъ наблюдать чистый слогъ Славянскій; всѣ же прочіе, не исключая и знаменитаго Оратора нашего Ѳеофана, принявъ въ основаніе книжный языкъ Славянскій, и можетъ быть желая въ то же время приблизиться къ употребительному въ общежитіи, пестрили его простонародными Русскими, Малороссійскими и чужестранными словами.

§ 131.

Самъ Великій Преобразователь Отечества

Петръ Первый, вводя въ Россію науки, художества и Европейскіе обычаи, не могъ изобрѣсти соотвѣтственныхъ имъ выраженій; Русскій языкъ былъ для нихъ бѣденъ и невольнымъ образомъ даровалъ право гражданства словамъ Голландскимъ, Англійскимъ, Французскимъ, Нѣмецкимъ и Латинскимъ для означенія предметовъ вновь сотворенныхъ флота, войска, судилищъ и разныхъ отраслей правленія, промышленности, торговли, учености.

Въ такомъ состояніи находился Русскій языкъ до начала XVIII столѣтія; и объ очищеніи его начали помышлять не прежде, какъ только въ Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны.

ГЛАВА VIII.

Исторія Русской Грамматики.

§ 132.

Русской Грамматикѣ предшествовала Славянская. Хотя языкъ Славянскій въ гражданскомъ отношеніи никогда не имѣлъ своего золотаго вѣка; но будучи предназначенъ служить органомъ Божественнаго откровенія и духовнаго витійства, онъ издревле обращалъ на себя вниманіе мужей ученыхъ. Однообразіе грамматическихъ формъ, встрѣчаемое въ самыхъ древнѣйшихъ спискахъ Славянской Библіи доказываетъ, что и первые прелагатели оной, ученые Греки Кириллъ и Меѳодій, при самомъ началѣ своего труда уже руководствовались не однимъ произвольнымъ употребленіемъ, но и нѣкоторою опредѣленною

системою, основанною на собственныхъ ихъ наблюденіяхъ свойствъ сего языка.

§ 133.

Древнѣйшая изъ Грамматикъ Славянскихъ, доселѣ намъ извѣстныхъ, есть переводъ Грамматики Св. Іоанна Дамаскина, приписываемый *Іоанну*, *Экзарху Болгарскому*, жившему въ X вѣкѣ. До насъ дошло одно только начало сего драгоцѣннаго творенія; но переводчикъ онаго, какъ открывается, былъ изобрѣтателемъ и большей части нашей грамматической терминологіи: ибо въ семъ отрывкѣ встрѣчаются названія частей рѣчи тѣ же самыя, какія остаются въ употребленіи доселѣ, какъ то: *имя, причастіе, мѣстоименіе, предлогъ, союзъ, нарѣчіе* (ἐπίῤῥημα, adverbium); сіе послѣднее такъ названо потому, что глаголъ въ ней именуется *рѣчью* (ῥῆμα, verbum); падежи въ сей Грамматикѣ суть слѣдующіе: *правый* (именительный), *родный*, *виновный*, *дательный*, *звательный* и пр. Мнимый членъ (іже, яже, еже), совсѣмъ не свойственный языку Славянскому, названъ въ семъ переводѣ *различіемъ*.

§ 134.

Не излишнимъ считаемъ замѣтить, что въ переводѣ сей Грамматики почти вездѣ ставятся примѣры, свойственныя лишь языку Славянскому. Вообще какъ въ семъ, такъ и въ другихъ трудахъ своихъ Іоаннъ не рабски подражалъ образцамъ Греческимъ. Касательно мнимаго члена или *различія* онъ именно дѣлаетъ оговорку, что Славянскій языкъ можетъ обойтися и безъ сей части рѣчи. Въ одномъ изъ филологическихъ его отрывковъ онъ входитъ въ разсужденіе *о Синонимахъ*, а въ предисловіи къ Православному Исповѣданію Вѣры или Богословіи Дамаскина, имъ же переведенной на Славянскій языкъ, онъ признаетъ необходимость нѣкоторыхъ отступленій въ переводѣ отъ подлинника, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда слово на Греческомъ языкѣ мужескаго рода, а на Славянскомъ женскаго и на оборотъ. Сіи и другія дѣлаемыя Іоанномъ замѣчанія, свидѣтельствуя о достаточной образованности и просвѣщеніи его между современниками, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ему право стоять на

ряду съ первыми образователями языка Славянскаго (*).

§ 135.

Первая изъ печатныхъ на Славянскомъ языкѣ Грамматикъ вышла въ свѣтъ во Львовѣ въ 1591 году, составленная студентами (спудейми) Львовской школы. Она есть переводъ Греческой Грамматики съ подлиннымъ текстомъ, но переводчикамъ ея, какъ примѣтно, уже извѣстна была терминологія Іоанна, Экзарха Болгарскаго.

§ 136.

Первая, собственно Славянская Грамматика, сочиненная Корецкимъ Протоіереемъ *Лаврентіемъ Зизаніемъ*, напечатана въ 1596 году въ Вильнѣ. Сія Грамматика раздѣлена на *Просодію*, *Этимологію*, *Каноны Орографіи* и науку о *метрѣ*. Сочинитель, пользо-

(*) Въ одномъ изъ списковъ его Грамматики XVII вѣка въ заключеніи сказано, что она взята была изъ газофилакіи Князя Острожскаго, Констан. Константиновича и напечатана въ Вильнѣ въ друкарни дому Мамоничовъ въ 1586 году; но сіе рѣдкое изданіе нынѣ совсѣмъ неизвѣстно.

вавшійся Греческими образцами, также поставилъ въ число частей рѣчи *различіе* или мнимый членъ, но не упоминаетъ о междометіи. Одинъ и тотъ же падежъ для члена называется у него *виновнымъ*, а для имени *винительнымъ;* падежей шесть; предложный ему неизвѣстенъ. *Склоненій* десять, *залоговъ* пять: *дѣлательный*, *страдательный*, *средній*, *посредственный* и *общій;* спряженія названы *супружествами;* супружествъ два, къ первому принадлежатъ глаголы на *аю*, *ѣю*, *яю;* ко второму на *у*, *ю* и *ью*. Образовъ (modi, наклоненія) четыре: *изъявительный* или *указательный*, *желательный* *имѣти* (optativus), *молитвенный* и *неопредѣленный* или *необавный*. Изъ временъ неопредѣленное названо *протяженнымъ*, многократное *пресовершеннымъ*.

§ 137.

Вторая Славянская Грамматика составлена *Мелетіемъ* *Смотрицкимъ*, бывшимъ Іеромонахомъ въ Виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ, а послѣ того Уніатскимъ Епископомъ въ Полоцкѣ. Первое изданіе ея напечатано въ Эвю близъ Вильны въ 1619, второе

въ Вильнѣ въ 1629, третье въ Москвѣ въ 1648 съ предисловіемъ Максима Грека, монаха Святогоркаго; четвертое, исправленное справщикомъ Духовной Типографіи Θеодоромъ Поликарповымъ, въ Москвѣ въ 1721 году, по указу Петра Великаго. Въ первыхъ трехъ изданіяхъ, такъ какъ и въ Грамматикѣ Зизаніевой, восемь частей рѣчи; въ числѣ ихъ есть и *различіе*, но нѣтъ *междометія*; въ послѣднемъ напротивъ различіе замѣнено междометіемъ. Грамматика Смотрицкаго раздѣлена на четыре части; *Орθографію*, *Этимологію*, *Синтаксисъ* и *Просодію*.

§ 138.

Принявъ въ образецъ Греческую Грамматику, авторъ въ первой части своего творенія раздѣляетъ гласныя буквы на *долгія*, *краткія* и *двовременныя*; изъ согласныхъ одни названы полгласными, *яко болѣе гласятъ*, другія безгласными, *зане менѣе гласятъ*. Въ словахъ Греческихъ онъ совѣтуетъ соблюдать правописаніе Греческое, въ Латинскихъ Латинское, въ Еврейскихъ Еврейское, на пр. *ὀδυσσεύ*, діаїта (*διαῖτα*), Василсій (*Βασίλειος*), Кáесарь (Caesar).

Въ Этимологіи, заключающей восемь частей рѣчи, прилагательному имени дано девять видовъ; *разсудительная*, т. е. сравнительная степень составляется изъ именительнаго падежа положительной степени, со включеніемъ въ послѣдній слогъ буквы *ш* и съ перемѣною слога *ый* на *ій;* какъ то правый, правшій; простый, простшій. А *превосходительная* степень дѣлается изъ разсудительной, со включеніемъ между послѣднимъ и предпослѣднимъ слогомъ *ѣй*, на пр. правѣйшій, простѣйшій. Къ четыремъ извѣстнымъ родамъ именъ авторъ прибавляетъ еще три: *всякій*, на пр. той, тоя, тое, исполнь; *недоумѣнный*, той или тая неясыть; *преобщій*, объемлющій оба пола: той орелъ, тая ластовица. Къ падежамъ прибавленъ *сказательный* или *предложный*, котораго не было въ прежнихъ Грамматикахъ. Склоненій поставлено пять; имена Греческія удерживаютъ окончаніе падежей Греческое; на пр. И. Сѵнтаξїс; Р. Сѵнтаξїос; Д. Сѵнтáξї; Т. Сѵнтáξїω.—Латинскія имена въ косвенныхъ падежахъ также имѣютъ окончаніе Латинское. на пр. ἀѵтóрιтас, Р. Д. и Сказательный ἀѵторїтáтı. Авторъ симъ не довольствуется; онъ хочетъ,

что бы Латинскія имена склонялись и въ двойственномъ числѣ, какъ то: И. В. и З. ἀυτοριτάτѣ; Р. и С. ἀυτοριτάτιю; Д. ἀυτοριτάтема; Т. ἀυτοριτάтма.

§ 139.

Спряженій въ Грамматикѣ Смотрицкаго два, изъ коихъ первое во 2-мъ лицѣ кончится на *еши*, а второе на *иши*. Глаголы между прочимъ раздѣлены на два вида: *совершенный*, чту, и *учащательный*, читаю. Сему послѣднему дано особое время мимошедшее, которое по словамъ Автора, составляется отъ перваго лица прошедшаго, растворяемаго азомъ, какъ то: читахъ, читаахъ: біяхъ, біяахъ; требовахъ, требоваахъ. Въ образованіи будущаго онъ смѣшиваетъ глаголы простые съ сложными; на пр. чту, прочту и пр.

§ 140.

Въ Синтаксисѣ Смотрицкій слѣдуетъ очень часто Грамматикѣ Греческой, хотя и самъ признается, что языкъ Славянскій имѣетъ свои особыя свойства, независимыя отъ Греческаго. Четвертую часть Грамматики, Просодію считаетъ онъ полезною потому, что знаменитый Латинскій Стихотворецъ

Овидій, по свидѣтельству достовѣрнаго Хронографа Стрійковскаго, писалъ прекрасные стихи на языкѣ Славянскомъ; но предлагаемыя имъ правила для стопосложенія Славянскаго всѣ заимствованы изъ Просодіи Греческой. Слоги у него раздѣляются на долгіе, краткіе и общіе по мнимому естеству гласныхъ и согласныхъ, положенія, приращенія и окончанія. Изъ стопъ онъ принимаетъ между прочимъ совсѣмъ не свойственныя языку Славянскому: *спондей* — —, *вакхій* ◡ — —, *палимвакхій* — — ◡, *триврахій* ◡ ◡ ◡ *тримакръ* — — —. Вообще Просодія Смотрицкаго служитъ доказательствомъ, что онъ совсѣмъ не вникалъ въ свойства языка Славянскаго; но вышеозначенныя и многія другія сдѣланныя имъ открытія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ даютъ почетное мѣсто его Грамматикѣ въ Исторіи образованія нашего языка; тѣмъ болѣе, что она служила почти единственнымъ руководствомъ въ Россіи до половины XVIII столѣтія (*).

(*) Грамматика, составленная при Новгородской школѣ Иноліакономъ Ѳеодоромъ Максимовымъ и напечатанная въ С. Петербургѣ по Указу Петра Великаго въ 1723

§ 141.

Сверхъ сихъ Грамматикъ есть еще единственная въ своемъ родѣ критическая, написанная въ 1665 году на Сербскомъ и сличенная съ языками Русскимъ, Польскимъ, Кроатскимъ и нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ. Сочинитель ея есть нѣкто Сербъ, Священникъ Латинской церкви, не извѣстно по какому случаю зашедшій въ Россію и жившій въ Сибири *дльа ради гриховъ по отлученіу отъ чловичскаго общенја и совита.* Достопримѣчательно, что онъ въ семъ трудѣ своемъ встрѣчается съ такими мнѣніями, кои предложены въ наше время извѣстными нашими Филологами Г. Г. Болдыревымъ и Востоковымъ.

году, есть не что иное, какъ сокращеніе Грамматики Смотрицкаго. Подробное и критическое обозрѣніе сихъ Грамматикъ можно видѣть въ *Историческомъ взглядѣ на Грамматику Славянскихъ нарѣчій*, помѣщенномъ въ девятой части Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности. Сочинителю сей статьи наша Литература обязана многими археологическими изысканіями писменныхъ памятниковъ языка и самымъ основаніемъ Критической Исторіи Русской Словесности.

На пр. онъ говоритъ: «всякое прилагательное имѣетъ два отличія: *простое* и *изрядное*. Простыя прилагательныя знаменуютъ просто каково есть что́, на пр. *великъ*, *а*, *о*; а изрядныя показываютъ вещь на изрядъ и дѣлаются чрезъ сложеніе простыхъ съ слогами *ій*, *ая*, *ое*, на пр. *великій*, *ая*, *ое*. Глаголы раздѣляетъ онъ на *однократные*, *многократные* и *неопредѣленные*, производя отъ сихъ послѣднихъ два первые. Далѣе замѣчаетъ, что нѣкоторые глаголы въ сложеніи съ предлогами имѣютъ два знаменованія: *многократное* и *однократное*, на пр. *завожу*, *обхожу*. Онъ между прочимъ утверждаетъ рѣшительно, что въ Русскомъ языкѣ будущее время однократныхъ глаголовъ совершенно одинаково съ настоящимъ, на пр. *дамъ*, *реку*, *приду* и пр. Наконецъ онъ говоритъ, что нашъ языкъ для составленія сложныхъ формъ глагола имѣетъ четыре помогающихъ: *есмь* (јесем), *буду*, *хощу*, *имѣю* (јмају). Сія Грамматика хранится между рукописями Московской Духовной Типографіи (См. примѣчаніе 107 на Іоанна Эксарха Болгарскаго).

§ 142.

Къ разряду сочиненій о Славянской Грамматикѣ должно отнести также *Правила Словенской Орѳографіи*, сочиненныя въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и отысканныя К. Ѳ. Калайдовичемъ въ концѣ одного Сборника XVII вѣка, въ Библіотекѣ Графа Толстаго (*). Достоинъ примѣчанія образъ мыслей о правописаніи и о причинахъ, на коихъ основывали оное наши предки. На пр. подъ буквою *А* Сочинитель говоритъ: «Святыхъ Аггл҃ъ и Святыхъ Ап҃лъ и Священныхъ Архіеп҃копъ покрыто пиши, сія рѣчь подъ взметомъ: понеже что покрыто пишется, то свято; аггеловъ же сопротивника и апостоловъ небогодохновенныхъ и архіепископовъ несвященныхъ отнюдь не покрывай, но складомъ пиши: понеже вражебно Божеству и человѣческому естеству. Врага и сопротивника и антихриста складомъ пиши. Смотри о сихъ въ весь алфавитъ сей прилежно, о

(*) Онѣ помѣщены въ приложеніяхъ къ книгѣ о Іоаннѣ Эксархѣ подъ No XIV.

Калиграфе, и не неради о сихъ.»—Подъ буквою s. »злó ѹ всяку и злóє и злы́хъ пиши зѣлóмъ и единственнаго разума съ множественнымъ и съ двойнымъ не смѣшай; ихъ же Богъ разума Свѣтемъ раздѣли, ты невѣдѣнія тмою не мрачи.»—«Тебѣ сія о сихъ пишемъ и глаголемъ, о Калиграфе; Господа ради не смѣшай, несмѣсная.» — Въ примѣчаніяхъ на буквы Ф и Ѳ сочинитель погрѣшаетъ; ибо учитъ писать: *Феодоръ*, *Феофанъ*, *Феофилъ*, *Ѳилиппъ*, *Ѳилосоѳъ* и пр.» Подъ буквою Ѱ говоритъ:» ѱалóмъ пиши псями: ѱломъ, ѱамы, а покоемъ: *песъ*, *пси*, *псы*, *псомъ*, и смотри прилежно о сихъ и не неради.»—Въ единственномъ числѣ учитъ писать ѧ съ варіею и безъ варіи просто ѧ, въ двойственномъ двойное ѡ: ѡ *двоихъ*, *двои люди* и пр. Единственное *аа*, яко ангельскаа, *іа*, яко ангельскіа, *ки*, яко азбуки, *къ*, яко азбучникъ, *ца*, яко агница и пр. Въ множественномъ *ая* ангельская, *ыя* ангельскыя, *кы* азбукы, *къ* азбучникъ, *ця* агниця, въ единственномъ благословенныа, блажащіа; въ множ. благословенныя, блажащыя и пр.

§ 143.

Въ началѣ XVIII столѣтія ученые Филологи начинали обращать вниманіе и на установленіе правилъ языка Русскаго, независимо отъ Славянскаго. Извѣстный своимъ трудолюбіемъ и просвѣщеніемъ Профессоръ *Тредьяковскій* въ рѣчи, произнесенной имъ *въ Россійскомъ собраніи* при Академіи Наукъ (Марта 14 дня 1735.) доказывалъ необходимость изданія исправной Грамматики языка Русскаго. Въ книгѣ своей: *Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и Россійскимъ объ ортографіи старинной и новой*, онъ между прочимъ предлагалъ оканчивать прилагательныя имена множественнаго числа въ мужескомъ родѣ на *ыі*, въ женскомъ на *ые*, въ среднемъ на, *ыя*. Кажется сіе предположеніе его основано на аналогіи склоненія именъ прилагательныхъ Латинскихъ (exigui, exiguae, exigua); но какъ не утвержденное употребленіемъ правописанія языка Церковнаго, оно оставлено безъ вниманія.

§ 144.

Слава преобразованія языка принадлежитъ генію *Ломоносова*, давшему законы

Русскаго слова и утвердившему оные изящными образцами своихъ твореній. Грамматика его, изданная въ первой разъ въ 1755 году и составившая эпоху въ Исторіи нашей Словесности, служила руководствомъ всѣмъ нашимъ писателямъ до начала XIX столѣтія. Ясность изложенія составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ его системы. Онъ ввелъ новыя формы склоненій и спряженій, хотя и не совсѣмъ согласныя съ законами Грамматики общей, но большею частію основанныя на образцахъ предшествовавшихъ ему писателей Кантемира, Ѳеофана и Гедеона. Слѣдуя правописанію сихъ ученыхъ мужей и другихъ нѣкоторыхъ имъ современныхъ, онъ перемѣнилъ окончаніе множественнаго числа именъ прилагательныхъ Славянскихъ *ыи*, *ыя* и *ая*, на *ые* и *ыя;* неокончательнымъ наклоненіямъ глаголовъ и вторымъ лицамъ настоящаго и будущаго времени единственнаго числа вмѣсто полныхъ формъ *ти* и *ши*, онъ далъ усѣченныя *ть* и *шь*. Раздѣленіе спряженій по окончаніямъ вторыхъ лицъ заимствовано имъ изъ Смотрицкаго; къ сожалѣнію, Ломоносовъ не обратилъ вниманія на свойства изложенныхъ симъ Грамматикомъ

сугубыхъ глаголовъ, т. е. *совершеннаго* и *учащательнаго.*

§ 145.

Въ 1788 году появились *Начальныя Основанія Россійской Грамматики*, *Г-на Соколова.* Они составлены по порученію знаменитой любительницы просвѣщенія, Директора Императорской Академіи Наукъ, Княгини Е. Р. Дашковой, въ пользу обучавшагося въ Академической Гимназіи юношества. Въ главныхъ основаніяхъ сего сочиненія Авторъ слѣдовалъ методѣ Ломоносова, строго держась и его системы спряженій, въ коей глаголы простые слиты съ сложными; въ слѣдствіе чего прибавлены имъ къ спряженіямъ подробныя росписи простымъ глаголамъ, кои, принявъ къ прошедшему несовершенному времени предлогъ, образуютъ *прошедшее совершенное*, а принявъ сей предлогъ къ настоящему времени, обращаютъ оное *въ будущее совершенное.* Въ порядкѣ расположенія статей Грамматики сдѣланы Г. Соколовымъ нѣкоторыя отступленія отъ образца своего; на пр. мѣстоименія поставлены имъ напереди глаголовъ; общія наставленія о человѣческомъ сло-

вѣ, составляющія первую часть Грамматики Ломоносова, совсѣмъ опущены, какъ не нужныя для первоначальнаго ученія дѣтей. Прочія статьи также со тщаніемъ разобраны и умножены новыми, весьма полезными правилами, какъ плодами собственныхъ наблюденій автора, такъ и извлеченными имъ изъ разсужденій Россійской Академіи, въ коей онъ еще въ то время имѣлъ случай присутствовать. Къ чести сего заслуженнаго нашего Филолога, должно присовокупить, что Начальныя Основанія его Грамматики, по простотѣ и ясности изложенія, долгое время принимаемы были въ нашихъ училищахъ за единственное руководство; а его Краткая Грамматика, составленная имъ въ 1809 году по порученію Главнаго Правленія Училищъ, остается и доселѣ въ употребленіи.

§ 146.

Наблюденія Россійской Академіи надъ отечественнымъ языкомъ, при сочиненіи изданнаго ею Словаря, открыли ей путь къ составленію и изданію въ свѣтъ въ 1802 году новой Россійской Грамматики. Главнѣйшее вниманіе Академіи обращено было на уста-

новленіе общихъ и единообразныхъ правилъ для спряженія глаголовъ, которые не только иностранцамъ, но и природнымъ Россіянамъ причиняли всегда большое затрудненіе. Въ прежнихъ Грамматикахъ они раздѣлялись на два спряженія, различавшіяся между собою окончаніемъ втораго лица единственнаго числа настоящаго времени. Но какъ многіе глаголы въ прочихъ временахъ и наклоненіяхъ никакого не имѣли сходства съ своими образцами; то для отвращенія сего неудобства Академія почла за нужное раздѣлить ихъ по неокончательнымъ наклоненіямъ на четыре спряженія, причисливъ къ неправильнымъ всѣ тѣ, кои въ неокончательномъ наклоненіи кончатся на *чь* или съ предыдущею согласною буквою на *ть*, какъ то: *влечь*, *течь*, *несть*, *грызть* и пр. Она находила сіе раздѣленіе удобнѣйшимъ прежняго между прочимъ и потому, что отъ неокончательныхъ наклоненій, по ея мнѣнію, весьма легко и почти безъ всякаго исключенія могутъ быть произведены всѣ прошедшія времена изъявительнаго наклоненія и всѣ причастія и дѣепричастія временъ прошедшихъ.

§ 147.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ Филологовъ, не издавая полныхъ Грамматикъ, занимались съ успѣхомъ исправленіемъ разныхъ отдѣльныхъ ея частей. Пальма первенства принадлежитъ здѣсь Нестору нашей Словесности *А. С. Шишкову*. Всѣмъ извѣстны его сочиненія 1) *о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка* (С. П. Б. 1802 года, вт. изданіе, 1813, тр. 1818 г.); 2) *Прибавленіе къ сочиненію о старомъ и новомъ слогѣ* (С. П. Б. 1804); 3) *Разговоры о Словесности* (С. П. Б. 1811 г.) и 4) *Прибавленіе къ разговорамъ о Словесности* (С. П. Б. 1811). *Ученыя извѣстія Россійской Академіи*, коей онъ есть Президентомъ, также украшены многими весьма любопытными изслѣдованіями его о языкѣ Славянскомъ. Въ нихъ раскрыты многіе драгоцѣнные матеріалы для науки о словопроизводствѣ и показаны средства обогащенія нашего языка изъ собственныхъ рудниковъ его. Достойно замѣчанія, что всѣ подобныя изслѣдованія его, не смотря на сухость заключающихся въ нихъ предметовъ, почти всегда одушевлены пла-

менною любовію къ языку отечественному, достойною всякаго уваженія и подражанія. Покойный *Г. Подшиваловъ* оставилъ ученое и весьма любопытное разсужденіе *о Русскихъ буквахъ*, помѣщенное въ V части Трудовъ Московскаго Общества Люб. Рос. Словесности. Г. *Борнъ* въ краткомъ руководствѣ своемъ къ Россійской Словесности (С. П. Б. 1808) привелъ въ лучшую систему склоненія, расположивъ оныя по давно забытой меθодѣ Шлецера. Г. *Болдыревъ* въ одномъ изъ разсужденій своихъ, помѣщенныхъ въ Трудахъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, предложилъ средства исправить ошибки въ глаголѣ. Сей ученый Критикъ доказалъ, что всѣ недостатки, находящіеся въ глаголѣ, происходятъ отъ того, что Грамматики назначили для него больше временъ, нежели онъ имѣетъ; и что самое важное средство поправить сіи ошибки состоитъ въ томъ, чтобы правильно отдѣлить одинъ глаголъ отъ другаго, сыскать подлинное число временъ и составить изъ нихъ спряженіе, которое было бы всеобщимъ. Отдѣляя излишнія времена, не свойственныя одному и тому же глаголу, сочинитель от-

крылъ въ нихъ основанія разныхъ глаголовъ, какъ то: *неопредѣленнаго, однократнаго, совершеннаго, учащательнаго.* Сія мысль, изложенная Г. Болдыревымъ, въ бытность его въ Германіи, въ особомъ разсужденіи, представленномъ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ въ Веймарѣ, послужила руководствомъ Г. *Фатеру* къ основанію новой системы Русскихъ глаголовъ въ его практической Грамматикѣ Русскаго языка.

§ 148.

Въ 1827 году явилась пространная Русская Грамматика, плодъ долголѣтнихъ наблюденій языка и занятій на Литературномъ поприщѣ, Г. *Греча.* Она раздѣлена на общую и частную. Въ первой Сочинитель руководствовался грамматическими сочиненіями Русскихъ и чуземныхъ писателей, въ послѣдней воспользовался системою склоненій Шлецера и теоріею спряженій Г. Болдырева. Склоненій постановлено три: *первое для* именъ существительныхъ окончанія мужескаго; *второе для* именъ окончанія средняго; *третіе для* именъ окончанія женскаго. Спряже-

нія правильныхъ глаголовъ три, которыя отличаются между собою неокончательными наклоненіями. *Видовъ* для простыхъ глаголовъ четыре: *неопредѣленный*, носить; 2) *опредѣленный*, нести; 3) *многократный*, нашивать; 4) *однократный*, толкнуть. Видовъ для глаголовъ предложныхъ два: 1) *несовершенный*, а) неопредѣленный: вынашивать; б) опредѣленный: выносить; 2) *совершенный*, а) неопредѣленный: выносить; б) опредѣленный: вынесть; в) однократный: оттолкнуть. Трудъ Г. Греча достоинъ благодарности Любителей языка Русскаго; цѣль его похвальная; онъ старался запутанную систему Русской Грамматики сдѣлать простѣйшею, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и вынужденъ былъ прибѣгать къ частымъ изъятіямъ или исключеніямъ изъ правилъ, принятыхъ имъ въ основаніе.

§ 149.

Въ 1831 году Русская Литература обогатилась новымъ, весьма замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ: *Сокращенною* и *Полною* Грамматикою *А. Х. Востокова*. Послѣдняя, изложенная по начертанію первой, напечатана на иждивеніи Россійской Академіи и въ

1833 году удостоена Академіею Наукъ полной преміи, при распредѣленіи наградъ, учрежденныхъ Каммергеромъ П. Н. Демидовымъ. Авторъ сихъ твореній уже давно славится, какъ отечественный Поэтъ и какъ основательный и глубокій знатокъ Русскаго языка и всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій. О полной его Грамматикѣ Академія Наукъ отозвалась, что хотя она и не приспособлена къ употребленію въ училищахъ, но содержитъ въ себѣ столь богатое сокровище важныхъ изысканій и остроумныхъ наблюденій о механизмѣ отечественнаго слова, что даже послѣ пространнаго Грамматическаго творенія Н. И. Греча, предшествовавшаго ей нѣсколькими годами, сохраняетъ еще свое неоспоримое достоинство.

§ 150.

Сокращенная Грамматика Г. Востокова, служившая основаніемъ упомянутой пространной, подробно разобрана извѣстнымъ нашимъ еллинистомъ и знатокомъ отечественнаго языка *И. И. Мартыновымъ* въ изданной имъ въ 1832 году книгѣ подъ именемъ *Свода* сего творенія и Начальныхъ Правилъ

Русской Грамматики Г. Греча. Критикъ слѣдить нашихъ Грамматиковъ не на каждомъ шагу, но только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ различнымъ образомъ, и гдѣ, по его мнѣнію, въ коемъ даетъ и отчетъ, говорятъ недостаточно или не такъ, какъ бы слѣдовало. Мы укажемъ здѣсь на одни важнѣйшія мѣста свода. «Въ § 9 своей Грамматики Г. Востоковъ всѣ слова Русскаго языка, входящія въ составъ рѣчи заключаетъ въ осьми разрядахъ; но, вопреки прежнему порядку, имени прилагательному даетъ особое мѣсто, а причастіе совсѣмъ исключаетъ изъ числа частей рѣчи; Г. Гречъ также отдѣляетъ имя прилагательное отъ существительнаго, причастіе оставляетъ на своемъ мѣстѣ, а дѣепричастіе относитъ къ нарѣчію.» На сіе Критикъ замѣчаетъ, что если бы имя существительное и прилагательное принадлежали къ разнымъ разрядамъ, то надлежало бы и *мѣстоименія* существительныя поставить въ одинъ разрядъ, а прилагательныя въ другой. Причастія не льзя отнесть къ прилагательнымъ потому, что ихъ отличительный признакъ есть, перемѣняясь въ окончаніяхъ по родамъ,

означать время и управлять другими словами; равнымъ образомъ и дѣепричастіе имѣетъ свойство управлять рѣчью, подобно глаголу и причастію, и самое названіе свое получило отъ того, что оно (причаствуетъ) участвуетъ въ дѣйствіи. «§§ 24—28. Г. Востоковъ числа склоненій не назначилъ, но раздѣливъ существительныя имена, по склоненію ихъ, на правильныя (или одинаково склоняемыя) и неправильныя (или разносклоняемыя) положилъ для первыхъ, по сходству ихъ окончаній въ падежахъ, *два общихъ и семь частныхъ различій* въ склоненіи. Общія различія состоятъ въ творительномъ падежѣ числа единственнаго, частныя въ родительномъ числа множественнаго. Къ симъ послѣднимъ прибавлены отмѣны, и всѣ онѣ, какъ различія такъ и отмѣны, показаны въ таблицѣ, заключающей въ себѣ 24 примѣра.» Критикъ замѣчаетъ, что хотя правила Г. Востокова для желающихъ углубляться въ причины перемѣнъ въ окончаніяхъ падежей имѣютъ свое достоинство, но стараясь подвести все подъ сіи правила, при ссылкахъ на таблицу, заключающую въ себѣ различія и отмѣны, онъ сдѣлалъ изученіе склоненій для дѣтей затрудни-

тельнымъ Г. Гречъ, раздѣливъ имена существительныя, по ихъ окончаніямъ, на три склоненія, отнесъ къ 1-му склоненію окончанія существительныхъ именъ мужескаго рода: *ъ, й, ь;* ко второму, средняго рода: *о, е, мя;* къ третьему женскаго: *а, я, ь;* къ симъ общимъ правиламъ онъ приложилъ 74 примѣра съ измѣненіемъ ихъ въ обоихъ числахъ но всѣмъ падежамъ.» Критикъ, выставивъ и здѣсь нѣкоторыя несообразности и противорѣчія въ правилахъ и примѣрахъ, сознается однако же, что сей способъ склоненія проще и основательнѣе, нежели первый. Вообще, по замѣчаніямъ его, Г. Востоковъ говоритъ съ малолѣтными учениками языкомъ книжнымъ, ученымъ, а Г. Гречъ употребляетъ съ ними языкъ разговорный, простый и приспособленный къ ихъ понятіямъ. Первый изъ сихъ Грамматиковъ, теряясь въ тонкихъ и ученыхъ изысканіяхъ, часто становится темнымъ даже и для совершеннолѣтнихъ любителей языка; совсѣмъ тѣмъ встрѣчаются у него многія мысли очень счастливо придуманныя и изложенныя; къ симъ послѣднимъ принадлежитъ между прочимъ раздѣленіе мѣстоименій въ § 52 на два склоненія, изъ коихъ къ

первому отнесены личныя 1-го и 2-го лица *я*, *ты* и возвратное *себя*, а ко второму мѣстоименіе 3-го лица и всѣ прочія. Равнымъ образомъ его раздѣленіе глаголовъ на два спряженія и опредѣленіе ихъ различія по вторымъ лицамъ единственнаго числа *ешь* и *ишь*, и третьимъ лицамъ числа множ. *утъ* или *ютъ* и *атъ* или *ятъ*, совершенно согласуются съ свойствомъ языка Русскаго, образованнаго, какъ извѣстно, по формамъ языковъ древнихъ. Къ неправильнымъ глаголамъ отнесены имъ не одни односложные глаголы, но и многосложные, на пр. *хотѣть*, *итти*, *ѣхать* и пр. Раздробленіе неправильныхъ и сложныхъ глаголовъ сдѣлано имъ также весьма удовлетворительно. О производствѣ наклоненій Г. Востоковъ ничего не говоритъ рѣшительно, но судя по приложеннымъ имъ примѣрамъ, можно заключить, что не отъ неопредѣленнаго наклоненія происходитъ изъявительное, а отъ изъявительнаго неопредѣленное. Г. Гречъ раздѣляетъ спряженія по неокончательному наклоненію и вмѣстѣ по образованію 1-го лица настоящаго времени, сказавъ притомъ, что неокончательное наклоненіе въ глаголахъ есть то же, что имени-

тельный падежъ въ именахъ и мѣстоименіяхъ; оное есть окончаніе *прямое*, отъ коего происходятъ всѣ прочія, *косвенныя*. Г. Критикъ возражаетъ противъ сего положенія *во-первыхъ* самымъ противорѣчіемъ Грамматика, который (на стр. 51) повелительное наклоненіе производитъ отъ 2-го лица времени настоящаго, а не отъ неокончательнаго наклоненія; *вовторыхъ* опредѣленіемъ наклоненія неокончательнаго, которое не означая ни лица, ни числа предметовъ и управляясь другими наклоненіями, не можетъ быть прямымъ, такъ какъ и другія, выражая прямо и опредѣлительно дѣйствіе или состояніе предметовъ, не могутъ назваться косвенными. *Въ третьихъ* сходствомъ Русскаго языка съ древними, кои не отъ неокончательнаго или неопредѣленнаго производятъ изъявительное и повелительное, а отъ изъявительнаго всѣ прочія; на пр. отъ *amas* и *doces*, amare и docere, отъ amavi и docui, amavisse и docuisse; или какъ въ Греческомъ, *βοάω*, *βοῶ* вою и *τιμάω-ῶ* почитаю, *βοᾶν*, *βοῖν* выть и *τιμάειν*, *τιμᾷν* почитать. *Въ четвертыхъ* самою перемѣняемостію буквъ; на пр. буква *ж* не переходитъ ни въ какую другую согласную,

а на оную перемѣняются *г* и *з*; какъже отъ неокончательнаго наклоненія, *бѣжать*, *низать*, произвести первое лице: *бѣгу*, *нижу* и пр. Къ симъ возраженіямъ Критика можно присовокупить, что, по началамъ Общей Грамматики, неокончательныя наклоненія принадлежатъ къ разряду словъ отвлеченныхъ, а слѣдовательно и образованіе ихъ должно быть отнесено ко второму періоду развитія человѣческаго слова.

§ 151.

Къ своду Грамматикъ *И. И. Мартыновъ* приложилъ собственныя сочиненія: 1) О словорасположеніи вообще, и свойственномъ Русскому языку въ частности; 2) Игру согласныхъ буквъ въ словопроизводствѣ; 3) Опытъ разбора Грамматическаго и 4) Опытъ разбора Стихотворческаго и Риторическаго. Книга сія есть приношеніе учащимъ и учащимся, исполненное остроумныхъ замѣчаній и основательныхъ сужденій, свидѣтельствующихъ о проницательности Автора, о его опытности и свѣдѣніяхъ какъ въ древнихъ языкахъ, такъ и отечественномъ.

ГЛАВА IX.

Объ отличительныхъ чертахъ языка Русскаго.

§ 152.

Русскій языкъ нашего времени въ собственномъ смыслѣ составился изъ трехъ нарѣчій: Славянскаго, Русскаго народнаго и Русскаго книжнаго. Духовные наши Ораторы XVII вѣка, образовавшіеся по Латинскимъ методамъ, хотѣли присвоить ему способъ словосочиненія Латинскій, который принятъ былъ за образецъ и Ломоносовымъ; но послѣдующіе писатели, не обративъ вниманія на сродство его съ древними языками, усиливались дать ему формы языковъ современныхъ, чуждыхъ для него какъ по происхожденію, такъ и по качествамъ.

§ 153.

Сліяніе помянутыхъ трехъ нарѣчій даетъ нашей Лексикографіи, Фразеологіи и Синонимикѣ неистощимые запасы. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ почти ни одинъ не заключаетъ въ себѣ болѣе 30,000 словъ; между тѣмъ какъ въ Русскомъ число ихъ простирается до 80,000. Чего же надобно ожидать отъ будущаго его образованія, отъ его естественной способности къ составленію или къ сложности и производству словъ? Разныя его областныя нарѣчія также моглибы всѣ бытьнаправлены къ одной цѣли, подобно ручьямъ, впадающимъ въ одно неизмѣримое море, если бы обращено было вниманіе и на изданіе областныхъ словарей (glossarium).

§ 154.

Богатство его въ количествѣ словъ физическихъ, выражающихъ предметы чувственные, простирается до роскоши. Онъ имѣетъ слова для выраженія всѣхъ цвѣтовъ, тѣней и постепенностей одного и того же предмета, его частей, качествъ и дѣйствій. Причины сего изобилія надобно искать только въ одной древности народа, имъ обладающаго. Сла-

вяне наши предки отдѣлены отъ насъ множе-ствомъ столѣтій; они видѣли Имперіи Рим-скую и Греческую, были почти во всѣхъ краяхъ Европы и наблюдали природу во всѣхъ различныхъ ея видахъ; посему и языкъ ихъ постепенно дѣлался сокровищницею всѣхъ стяжанныхъ ими свѣдѣній и понятій.

§ 155.

Достойны замѣчанія слова *уменьшитель-ныя и увеличительныя*, производимыя отъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчій. Почти всѣ имена собственныя и на-рицательныя физическія имѣютъ по четыре, шести и даже восьми уменьшительныхъ и одно увеличительное, которыя иногда озна-чаютъ различную степень величины, иногда же употребляются для выраженія одной уч-тивости, ласки, нѣжности или презрѣнія.

§ 156.

Русскій языкъ, подобно Греческому, изо-билуетъ словами сложными и очень способенъ къ составленію новыхъ словъ изъ двухъ или трехъ уже извѣстныхъ. Онъ можетъ имѣть почти всѣ слова техническія для всѣхъ отра-

слей наукъ; но вѣроятно большая часть изъ нихъ еще долго не будетъ введена въ употребленіе, изъ уваженія къ классическому языку Греческому.

§ 157.

Русскія имена прилагательныя почти всѣ раздѣляются на *полныя* и *усѣченныя*. Сіи послѣднія принадлежатъ собственно языку Славянскому и употребляются только въ поэзіи и простонародномъ слогѣ; въ обыкновенномъ же Русскомъ стилѣ они занимаютъ мѣсто сказуемаго, никогда не склоняются и имѣютъ всѣ качества нарѣчія. Они бываютъ трехъ родовъ: мужескаго, женскаго и средняго; но средній родъ безъ всякой перемѣны переходитъ въ нарѣчіе. На пр. *свѣтелъ*, *свѣтла*, *свѣтло*. Сравнительная степень одна и та же, какъ въ именахъ прилагательныхъ, такъ и въ нарѣчіи.

§ 158.

Склоненіе прилагательныхъ полныхъ довольно странно; ибо во всѣхъ трехъ родахъ и во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго, они прибавляютъ къ своему усѣченному на-

дежи личнаго мѣстоименія третьяго лица. На пр. *синяго*, *синему*, *синимъ;* вмѣсто *синь-его*, *синь-ему*, *синь-имъ*.

§ 159.

Каждое изъ сихъ прилагательныхъ имѣетъ свою сравнительную степень; т. е. усѣченныя сравнительную степень несклоняемую, ту же самую, которая принадлежитъ нарѣчію и ставится только вмѣсто сказуемаго; на пр. *хорошъ*, *лучше;* а полныя прилагательныя и сравнительную степень имѣютъ полную; на пр. *хорошій*, *лучшій*, *чистый*, *чистѣйшій*. Обѣ сіи степени имѣютъ совершенно различныя качества; и послѣдняя несправедливо въ Грамматикахъ называется превосходною.

§ 160.

Въ собственномъ смыслѣ превосходной степени нѣтъ ни въ Славянскомъ языкѣ ни въ Русскомъ: въ первомъ въ замѣну ея присовокуплялись прилагательное *все* и предлогъ *пре* къ полному окончанію положительной степени; на пр. *всеблагій*, *преблагословенный*. Иногда выражалась превосходная степень, по образцу языка Еврейскаго, повтореніемъ одного и того

же имени прилагательнаго въ разныхъ падежахъ, на пр. *святая святыхъ.* Сей оборотъ употреблялся также въ именахъ существительныхъ, въ глаголахъ, а въ народномъ языкѣ и въ нарѣчіяхъ; на пр. праздникомъ праздникъ; терпя потерпѣхъ; ранымъ ранешенько. Частица *наи*, присовокупляемая къ сравнительной степени для образованія превосходной, въ языкъ Русской заимствована, кажется, изъ Польскаго нарѣчія.

§ 161.

Къ странностямъ Русскаго языка принадлежитъ между прочимъ и то, что всѣ времена прошедшія изъявительнаго наклоненія, подобно именамъ прилагательнымъ, имѣютъ три рода: *мужескій, женскій* и *средній!* но вѣроятно сіи измѣненія въ началѣ не что иное были, какъ причастія сокращенныя прошедшаго времени; потому что сіи времена спрягались прежде съ глаголомъ вспомогательнымъ *быть.* Есть еще и нынѣ много прилагательныхъ и причастій, которыя удерживаютъ одно и то же окончаніе — сокращенное; на пр. *спѣлъ, спѣла, спѣло* и *зрѣлъ, зрѣла, зрѣло*, суть прилагательныя и вмѣ-

стѣ несовершенныя прошедшія времена изъявительнаго наклоненія.

§ 162.

Почти всѣ Русскія причастія имѣютъ два окончанія. На пр. *сущій, сый, писавшій писавый;* а дѣепричастія суть не что иное какъ сокращенныя причастія. Надобно замѣтить, что причастія и дѣепричастія въ собственномъ смыслѣ имѣютъ одно и то же окончаніе, измѣнившееся только отъ различнаго произношенія конечной согласной въ разныхъ нарѣчіяхъ; на пр. *читающій, читаючи.* Равнымъ образомъ одинъ и тотъ же слогъ, прибавленный къ 3-му лицу мн. числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія образуетъ причастіе настоящее, а прибавленный къ един. числу муж. рода прошедшихъ временъ, составляетъ причастіе прошедшее; на пр. *играющій, игравшій;* ибо слово *игравъ* въ Малороссійскомъ нарѣчіи значитъ то же, что *игралъ.*

§ 163.

Самая занимательная часть Русской Грамматики есть образованіе глаголовъ сложныхъ, которые, смотря по различнымъ предлогамъ,

измѣняютъ значеніе и выражаютъ всѣ постепенности и оттѣнки одного и того же дѣйствія; т. е. начало, продолженіе, конецъ, учащеніе и разныя другія измѣненія; на пр. *поигрываю*, *наигрываю*, *заигрываю*, *разыгрываю*, *доигрываю*, *подыгрываю*.

§ 164.

Спряженіе сихъ глаголовъ отличается особенною странностію, составляя съ спряженіемъ первообразныхъ или простыхъ глаголовъ правильный кругъ. Настоящее ихъ время обыкновенно происходитъ отъ многократнаго; на пр. *игрывалъ*, *поигрываю*. Но то же самое многократное, составленное съ предлогомъ, обращается въ прошедшее несовершенное; на пр. *поигрывалъ*. Предлогъ, поставленный передъ прошедшимъ несовершеннымъ, производитъ прошедшее время; на пр. *поигралъ*. Наконецъ настоящее время простаго глагола въ сложности переходитъ въ будущее опредѣленное: *поиграю*. Слѣдовательно спряженіе сложнаго глагола, восходя по временамъ, нисходитъ и оканчивается тамъ, гдѣ начинается спряженіе его первообразнаго; на пр.

Простые.	*Сложные.*
Настоящее:	*Будущее:*
играю.	разыграю.
Несовершенное:	*Совершенное:*
игралъ.	разыгралъ.
Многократное:	*Несовершенное:*
игрывалъ	разыгрывалъ.

Настоящее:

разыгрываю.

§ 165.

Что касается до словосочиненія Русскаго, оно свободно, какъ и во всѣхъ языкахъ древнихъ, по причинѣ измѣненія окончаній въ падежахъ и лицахъ. Смыслъ остается почти всегда яснымъ, хотя бы управляемое стояло напереди своего предмета и прилагательное отдѣлялось отъ существительнаго другими частями рѣчи. Сія свобода расположенія словъ имѣетъ особенную цѣну и важность въ стилѣ Ораторскомъ и въ такъ называемой *поэзіи стиха*, о коей много писано, и которая одолжена началомъ своимъ естественному порядку раждающихся въ душѣ ощущеній и понятій.

§ 166.

Въ Русскомъ словосочиненіи, въ собственномъ смыслѣ, для двухъ словъ и оборотовъ есть двѣ формы расположенія, для трехъ шесть формъ, для четырехъ двадцать четыре и т. д. Измѣненія ихъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

a + b + c.
a + c + b.
c + a + b.

---

b + a + c.
b + c + a
c + b + a.

---

a + b + c + d	b + a + c + d
a + b + d + c	b + a + d + c
a + d + b + c	b + d + a + c
d + a + b + c	d + b + a + c
———	———
c + a + b + d	a + c + b + d
c + a + d + b	a + c + d + b
c + d + a + b	a + d + c + b
d + c + a + b	d + a + c + b.

b + c + a + d
b + c + d + a
b + d + c + a
d + b + c + a.

---

c + b + a + d
c + b + d + a
c + d + b + a
d + c + b + a.

§ 167.

Впрочемъ не всякое предложеніе можетъ измѣняться по всѣмъ симъ формамъ. Выборъ ихъ опредѣляется силою чувства, вкусомъ, Логикою и самымъ свойствомъ реченій, составляющихъ предложеніе. О *порядкѣ словъ, Логическомъ и Ораторскомъ*, помѣщено въ Трудахъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности нѣсколько ученыхъ разсужденій *И. И. Давыдова*, основанныхъ на наблюденіяхъ языка, отношенія вещей къ образу мыслей и взаимной связи предметовъ между собою.

ГЛАВА X.

О Русской Лексикографіи.

§ 168.

Словари или Лексиконы бываютъ разныхъ родовъ: одни содержатъ простое толкованіе словъ, другіе заключаютъ ихъ корни и отрасли. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ Русскихъ Словарей есть *Краткій Лексиконъ языковъ Славянскаго и Русскаго*, приложенный къ *Славянской азбукѣ*, изданной вышепомянутымъ Грамматикомъ *Лаврентіемъ Зизаніемъ* въ Вильнѣ въ 1596 г.

§ 169.

Вскорѣ послѣ сего изданъ былъ *Памвоюго Берындою* Славянскій Словарь подъ за-

главіемъ: *Лексиконъ Славяно-Россійскій*, *именъ толкованіе съ приложеніемъ именъ Еврейскаго, Латинскаго и отъ иныхъ языковъ* и пр. Сей Лексиконъ напечатанъ въ Кіевопечерской Лаврѣ въ 1627 году.

§ 170.

Епифаній Славинецкій, Іеромонахъ Кіевопечерскаго монастыря, бывъ призванъ Бояриномъ Ртищевымъ въ Преображенскую пустынь для перевода духовныхъ книгъ на языкъ Славянскій, сочинилъ 1. *Полный Лексиконъ Греко-Славяно-Латинскій* въ 2 томахъ, и 2, *Филологическій Лексиконъ* или сводъ разныхъ мѣстъ изъ Греческихъ Святыхъ Отцевъ, объясняющій смыслъ терминовъ Священнаго Писанія. Первый хранится въ рукописи въ Синодальной Библіотекѣ; списокъ послѣдняго находится въ рукахъ нѣкоторыхъ Любителей Словесности.

§ 171.

Въ 1704 году, по указу Петра I-го, изданъ былъ справщикомъ Московской Типографіи Ѳедоромъ Поликарповымъ *Лексиконъ треязычный, реченій Славенскихъ, Еллиногреческихъ и Латинскихъ сокровище*, распо-

ложенное по Славенскому алфавиту. Издатель въ оправданіе свое, для чего онъ издаетъ Лексиконъ на сихъ трехъ-языкахъ, говоритъ въ предисловіи, что на Греческомъ и Латинскомъ начертана была надпись Креста Христова, а Славенскій поставленъ съ ними на ряду потому, что онъ есть благоплоднѣйшій отецъ многихъ языковъ и потому, что онъ воспріялъ свое начало отъ *славы.* Далѣе въ увѣщательномъ извѣщеніи доказываетъ пользу знанія языковъ слѣдующими словами Спасителя: «знаменія же вѣровавшимъ сія послѣдуютъ, именемъ моимъ бѣсы ижденутъ, языки возглаголютъ новы.»

§ 172.

Эрнестъ Абтъ Гликъ, Лифляндскій Пасторъ, въ домѣ коего воспитывалась Императрица Екатерина I, по порученію Петра Великаго, завелъ въ Москвѣ Гимназію и для употребленія въ классахъ оной издалъ многія учебныя книги, между прочимъ Преддверіе (вестибулъ) или Словарь къ познанію Русскаго, Нѣмецкаго, Латинскаго и Французскаго языковъ.

§ 173.

Съ учрежденіемъ въ Москвѣ Университета начинается новый періодъ Исторіи языка Русскаго во всѣхъ отношеніяхъ его систематическаго образованія. Въ семъ вертоградѣ наукъ воспитались наши Писатели, Критики, Грамматики. Находившееся при немъ *Вольное Россійское собраніе*, имѣвшее главною цѣлію исправленіе и обогащеніе отечественнаго языка, между прочими трудами своими занималось и составленіемъ Русскаго Словаря. *Россійскій Церковный Словарь*, сочиненный Протоіереемъ *Петромъ Алексѣевымъ*, также былъ разсмотрѣнъ и одобренъ симъ собраніемъ.

§ 174.

Почти въ то же время явились въ свѣтъ *Сравнительные Словари* всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей Особы. Въ сихъ Словаряхъ предложено болѣе 200 словъ, выражающихъ главные предметы общежитія, на 200 языкахъ и нарѣчіяхъ, изъ коихъ въ основаніе принятъ языкъ Русскій. Сей исполинскій подвигъ могъ быть совершенъ одною только Повелительницею

различныхъ племенъ и народовъ, населяющихъ разныя части свѣта и говорящихъ разными языками.

§ 175.

Въ 1784 году изданы Россійскою Академіею *Аналогическія таблицы Славяно-Россійскаго Словаря;* и наконецъ появился словопроизводный *Словарь Россійской Академіи*, составившій епоху Русской Лексикографіи. Изданіемъ сего труда Академія воздвигла себѣ безсмертный памятникъ; но первые опыты въ системѣ словопроизводства, еще неутвержденнаго законами Грамматики, не могли быть безъ недостатковъ. По сему Президентъ оной Академіи А. С. Шишковъ еще въ 1815 году представлялъ ей о необходимости сдѣлать въ помянутомъ Словарѣ многія перемѣны; излишества его сократить, недостатки дополнить, погрѣшности исправить, и словомъ: сочинить новый Словарь въ обширнѣйшемъ объемѣ, внося въ него всѣ слова, находимыя въ Священныхъ Писаніяхъ, въ Лѣтописяхъ, въ Законахъ, въ преданіяхъ, въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, самыя старинныя, хотя бы не употребительныя, но

чистыя Славянскія, а равно и изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій такія, коими бы можно было замѣнить употребляемыя нами слова иностранныя. Для руководства къ исполненію сего многосложнаго предпріятія составлены самимъ Президентомъ подробныя правила, помѣщенныя въ 1-й книгѣ Ученыхъ Извѣстій Россійской Академіи, а для образчика имъ же составленъ и изданъ (для немногихъ, въ числѣ 50 экземпляровъ) въ 1833 году *Опытъ словопроизводнаго Словаря*, содержащій въ себѣ дерево, стоящее на корнѣ *МР*, съ означеніемъ 24 колѣнъ и 920 вѣтвей. Взаимныя отношенія сихъ колѣнъ къ корню и вѣтвей къ колѣнамъ связываются единствомъ господствующихъ въ нихъ коренной мысли и коренныхъ звуковъ. Постепенное ихъ развитіе, согласуясь съ началами психическими, въ то же время оправдывается общими законами измѣненія звуковъ, а равно и частными, свойственными исключительно языку Славянскому. Желательно, что бы сей единственный въ своемъ родѣ опытъ, внушенный однимъ лишь чистымъ усердіемъ къ пользѣ языка отечественнаго, нашелъ между просвѣщенными

любителями Словесности ревностныхъ себѣ послѣдователей.

§ 176.

Московское Общество Любителей Россійской Словесности, желая по возможности споспѣшествовать усовершенствованію Этимологіи, также предпринимало изданіе новаго словопроизводнаго Словаря, который бы заключалъ въ себѣ сокровище одного только Русскаго языка, представлялъ расположеніе словъ по самому точному и правильному производству и между прочимъ служилъ къ усовершенствованію правилъ Грамматики. Планъ сего Словаря, по порученію Общества, начертанъ былъ дѣйствительными членами онаго И. И. *Давыдовымъ* и А. В. *Болдыревымъ*. По сему плану понятіе причины, или понятіе, предшествовавшее другому въ умѣ человѣка, признано коренными словомъ; глаголы предположено ставить вмѣсто изъявительнаго наклоненія въ неопредѣленномъ, дабы симъ выразить дѣйствіе или состояніе безъ всякаго отношенія къ лицу и времени. Въ Трудахъ общества уже показаны были и об-

разчики сего полезнаго предначертанія; но дальнѣйшіе успѣхи онаго остаются для публики неизвѣстными.

§ 177.

Вообще при составленіи Словаря словопроизводнаго и при установленіи правилъ Этимологіи надлежитъ принять въ основаніе постепенное развитіе душевныхъ способностей. Исторія народовъ и наблюденіе собственной нашей природы доказываютъ, что сіе развитіе имѣетъ два главные періода; въ первомъ господствуютъ чувства и воображеніе, во второмъ открываются дѣйствія разума. На семъ основаніи и постепенный ходъ каждаго языка можетъ раздѣлиться только на два періода; въ первомъ онъ объемлетъ систему предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, во второмъ распространяетъ сферу отвлеченныхъ понятій. Хотя каждый изъ сихъ періодовъ имѣетъ свои подраздѣленія и изъятія, но, вообще разсматриваемые, они содержатся одинъ къ другому, какъ корень къ своимъ отраслямъ.

§ 178.

Въ заключеніе слѣдовало бы представить

хотя вкратцѣ Исторію *Русской Фразеологіи* и *Синонимики*, начавъ съ Іоанна, Эксарха Болгарскаго, писателя IX вѣка, который первый изъ Славянъ обратилъ вниманіе на сію отрасль Грамматики. Въ одномъ изъ филологическихъ его отрывковъ (листъ 30 Іоан. Эксар. Булгар. К. Калайдовича) сказано: «много-«именна же (Синонимы) суть, елика убо уста-«вомъ пріобщаются, именомъ же разнствуютъ; «сирѣчь егда тажде вещь·мнозѣми нарицает-«ся именами, якоже мечь, мечицъ, бръдунь «(въ другомъ спискѣ бредунь), сабля, кордъ, «ножь; вся бо сія имена единъ предѣлъ пріем-«летъ рекша желѣза обоюдникъ, еже есть же-«лѣзо обоюду наострено.» Первый же краткій Словарь Русскихъ сослововъ, составленный *Фонъ-Визинымъ*, появился только въ 1783 году въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова. *А. С. Шишковъ* между прочими своими произведеніями сообщилъ намъ удовлетворительное разсужденіе и о синонимахъ. Г. Г. *Княжевичъ*, *Саларевъ* и *П. Ѳ. Калайдовичъ* также занимались разборомъ соименныхъ словъ; послѣднимъ изданъ былъ въ 1818 году особый Словарь, составленный изъ

всѣхъ прежнихъ трудовъ по части Синонимики. Надобно признаться, что сія богатая руда Русскаго слова ожидаетъ еще рукъ трудолюбиваго и ученаго Художника.

Конецъ второй части.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ

И

ОПЫТНЫЯ

ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ IV ЧАСТЯХЪ,

сочиненіе А. Глаголева.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.
С. Петербургъ, 24 Октября, 1832 года.

Цензоръ Ст. Сов. *Никита Бутырскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ III.

Теорія словесности, выводимая изъ началъ Психологіи.

страни.

Глава I. Общія понятія о Словесности................ 1.

——II. О способностяхъ души...................... 4.

——III. О талантахъ Художника, Стихотворца и вообще Писателя.............................. 15.

——IV. О началѣ искусствъ....................... 23.

——V. Объ Изящныхъ Искусствахъ вообще......... 33.

——VI. Объ Эстетическихъ силахъ................ 39.

——VII. О различныхъ степеняхъ Словесности.... 57.

——VIII. О главныхъ формахъ Поэзіи............. 63.

——IX. О постепенномъ происхожденіи вымысловъ Піитическихъ................................ 67.

——X. Объ основаніи Ораторскаго искусства....... 71.

——XI. О тройственности цѣли и предметовъ красорѣчія, выводимой изъ трехъ силъ Ума....... 79.

страп.

Глава XII. О соотвѣтствіи трехъ родовъ Краснорѣчія тремъ главнымъ дѣйствіямъ Ума............ 83.
——XIII. Объ Ораторскомъ изобрѣтеніи и расположеніи........ .... 87.
——XIV. О главныхъ условіяхъ Ораторскаго выраженія: повѣствованіи и драмѣ.................. 95.
——XV. Объ отношеніяхъ Ораторскаго слога къ способамъ выраженія прозаическому и стихотворному...................................... 99.
——XVI. О внутреннемъ составѣ слога періодическаго и объ отличіи его отъ отрывистаго..... 103.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ IV.

Планъ Исторіи Русской Литературы.

страни.

Глава I. Введеніе.................................. 1.

——II. О памятникахъ языка Великороссійскаго.... 8.

——III. О методахъ Греческихъ и Латинскихъ Риторовъ, служившихъ руководствомъ въ Россіи по части Прозаическаго Искусства................ 31.

——IV. О достопримѣчательнѣйшихъ Русскихъ Риторикахъ..................................... 38.

——V. О характеристикѣ Русскихъ Прозаиковъ и о настоящемъ состояніи Русской Прозы...... 50.

——VI. О характерѣ Русской народной Поэзіи...... 90.

——VII. О разныхъ теоріяхъ Русскаго стихосложенія и Поэзіи.................................. 103.

——VIII. О характеристикѣ Русскихъ Поэтовъ и о настоящемъ состояніи Поэзіи въ Россіи..... 113.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ

И

ОПЫТНЫЯ

ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ III.

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ, ВЫВОДИМАЯ ИЗЪ ПСИХОЛОГІИ.

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ, ВЫВОДИМАЯ ИЗЪ НАЧАЛЪ ПСИХОЛОГІИ.

ГЛАВА I.

Общія понятія о Словесности.

§ 1.

Наука о Словесности до сихъ поръ имѣла одинакую судьбу съ Философіею. Не смотря на различіе народовъ и вѣковъ, ознаменованныхъ успѣхами просвѣщенія, послѣдователи Философіи всѣ вообще могутъ быть раздѣлены только на двѣ главныя секты: одни изъ нихъ въ познаніи вещей и явленій руководствовались внѣшними чувствами, другіе весь источникъ свѣдѣній полагали въ чистомъ умѣ. Честь новыхъ открытій въ области Любомудрія принадлежитъ нашему времени; Фихте первый, подобно Копернику, нашелъ въ сферѣ человѣческихъ познаній средоточіе, выражаемое имъ словомъ *Я*, и вокругъ сего

умственнаго солнца заставилъ обращаться всѣ познаваемые предметы.

§ 2.

Исторія Словесности доказываетъ, что и законодатели сего искусства занимались по большой части или выборомъ словъ, ихъ строеніемъ и украшеніями или изобрѣтеніемъ предметовъ, ихъ расположеніемъ и общими мѣстами. Основанная Баумгартеномъ Эстетика такое же имѣла вліяніе на Краснорѣчіе, какъ изобрѣтенная Кантомъ Критика ума на Философскія науки. Соображаясь съ ходомъ сихъ послѣднихъ, надлежитъ и въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о Краснорѣчіи и Стихотворствѣ искать причины разнообразнаго явленія ихъ произведеній въ самомъ движеніи мыслящей силы, оныя одушевляющей.

§ 3.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Философовъ покушались положить мыслящую или познающую силу души въ основаніе всѣхъ умозрѣній о строеніи Вселенной. Основавъ такимъ образомъ свою систему на одномъ аналогическомъ началѣ, они не минуемо должны были уклониться отъ истины. Но изъ оши-

бочныхъ слѣдствій, выводимыхъ ими по одной аналогіи, несправедливо было бы заключить о неправильности помянутаго начала въ изслѣдованіяхъ о Краснорѣчіи и Стихотворствѣ; ибо въ системѣ міра душа человѣка есть одна частица, одно отраженіе творца, сила познающая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страдательная; въ системѣ Словесныхъ искусствъ она сама есть изобрѣтатель и распорядитель, сила въ одно и тоже время познающая и дѣйствующая. И такъ, прежде нежели приступимъ къ изложенію правилъ самой Теоріи Словесности, надлежитъ обратиться къ общимъ законамъ Психологіи.

ГЛАВА II.

О способностяхъ души.

§ 4.

Древніе Философы называли душу гармоніею, потому что она при всѣхъ безпрерывныхъ измѣненіяхъ всегда остается неизмѣняемою. Разнообразныя способности, полученныя ею отъ природы, по видимому совершенно противуположны однѣ другимъ; но въ сущности своей онѣ не что иное суть, какъ различные способы или образы, подъ которыми является одна и та же сила мышленія или ума. Надобно лишь обратиться намъ къ тому первому мгновенію, въ которое душа, пробуждаясь отъ бездѣйствія и усыпленія,

начинаетъ познавать себя и предметы, ее окружающіе; и мы увидимъ, что сіе пробужденіе, составляющее первоначальное дѣйствіе мыслящей силы, служитъ основаніемъ и всѣхъ послѣдующихъ ея дѣйствій.

§ 5.

Сіе *самопознаніе* души начинается только съ того мгновенія, когда въ быстромъ своемъ стремленіи къ безпредѣльному, стремленіи свойственномъ ея природѣ, она находитъ первую преграду вещественную; т. е. встрѣчаетъ первый внѣшній предметъ.

Примѣчаніе. Вообразимъ, вмѣстѣ съ Боннетомъ, пробужденіе перваго человѣка, бросающаго первой взглядъ вокругъ себя. Сводъ неба, зелень деревъ и травы, разнообразіе цвѣтовъ и прозрачность водъ, все привлекало его вниманіе. Сначала онъ думалъ, что сіи предметы находились въ немъ и составляли часть его самаго; но какое было его изумленіе, когда онъ обратилъ свой взоръ къ свѣтилу дня и, не будучи въ состояніи сносить блеска лучей его, принужденъ былъ закрыть свои вѣжди! окруженный мракомъ, онъ воображалъ,

что лишился уже навсегда своего бытія вмѣстѣ съ потерею свѣта. Открывъ же глаза, увѣрился, что онъ можетъ, по своему произволу, терять и снова находить, разрушать и снова созидать всѣ сіи предметы, составляющіе часть его самаго. Увлекаемый неизвѣстнымъ ему чувствомъ любопытства, онъ встаетъ съ травы, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ; и новое положеніе раждаетъ въ немъ новое изумленіе. Ему казалось, что онъ убѣгалъ отъ самаго себя, что онъ привелъ въ замѣшательство и безпорядокъ все его окружающее. Онъ положилъ руку на голову; осязалъ ею чело, лице, грудь и заключилъ, что рука есть главный органъ его состава: но простирая ее къ горизонту и висящему на немъ огненному свѣтилу, онъ ловилъ только одну пустоту. Такимъ образомъ, переходя отъ изумленія къ изумленію и отъ одного опыта къ другому, онъ заключилъ наконецъ, что все его окружающее не принадлежитъ къ нему и что онъ есть существо отдѣльное отъ прочихъ предметовъ.

§ 6.

Во время упоминаемаго первоначальна-

го дѣйствія, душа представляетъ собою весь міръ умственный; а во внѣшнемъ предметѣ предполагается или, такъ сказать, сосредоточивается весь міръ вещественный. Соединеніе сихъ двухъ противоположностей есть первое и главное условіе всѣхъ дѣйствій ума; оно безпрестанно въ нихъ повторяется; и причомъ въ такой связи, что внѣшнее или чувственное (objectum) переходитъ въ умственное (subjectum), а умственное въ свою очередь занимаетъ мѣсто внѣшности и т. д. На пр. замокъ, на который я смотрю, переходитъ непосредственно въ представленіе; представленіе становится предметомъ воображенія; образъ или идея замка можетъ входить въ составъ картины, какъ часть въ составъ цѣлаго, творимаго геніемъ, или можетъ быть предметомъ разума, изъ особыхъ представленій составляющаго виды, изъ видовъ роды. Вотъ почему каждый низшій родъ, въ отношеніи къ высшему, перемѣняется въ видъ; и каждый высшій видъ, въ отношеніи къ низшему, дѣлается родомъ.

§ 7.

Самая первая способность, посредствомъ

которой душа наша входить въ сообщеніе съ предметами внѣшними и какъ бы переносить ихъ внутрь самой себя, называется *Силою представленія* или впечатлѣнія. Внѣшніе предметы, дѣйствующіе на чувства, занимаютъ насъ или внутреннимъ своимъ достоинствомъ или наружною прелестью или особливымъ отношеніемъ къ нашей волѣ; посему и впечатлѣнія, производимыя ими въ душѣ бываютъ различны. Все совершенное, прекрасное и полезное, имѣетъ вліяніе на благо души и открываетъ ей съ перваго мгновенія дѣйствіе свободное и независимое; напротивъ того все несовершенное, безобразное и вредное, чуждо ея природѣ и стѣсняетъ ея умственныя силы. Въ первомъ случаѣ раждаются въ ней ощущенія пріятныя, въ послѣднемъ непріятныя.

§ 8.

Иногда вліяніе внѣшнихъ предметовъ потрясаетъ всю глубину души и приводитъ въ смятеніе самую мыслящую ея способность; въ подобномъ случаѣ она становится игралищемъ собственныхъ волненій, не имѣя власти и силы удержать стремленія ихъ въ долж-

ныхъ предѣлахъ. Сіи волненія обыкновенно называются *страстями*, т. е. страданіемъ (passiones, *παθήματα*): ибо душа въ такомъ состояніи не дѣйствуетъ, но терпитъ и страждетъ, будучи вся, такъ сказать, помрачена тѣнію грубаго вещества (*).

§ 9.

Изъ сего явствуетъ, что *Чувствительность*, или способность приходить въ раздраженіе отъ впечатлѣнія предметовъ, занимаетъ мѣсто средняго термина между силою представленія и волею; а воля въ семъ первомъ дѣйствіи души есть одно только не правильное и ложное слѣдствіе сильныхъ впечатлѣній.

(*) Зенонъ, по толкованію Цицерона, опредѣляетъ сильную страсть (*πάθος*) смятеніемъ, не подчиненнымъ власти здраваго ума и противнымъ естеству самой души или духа. Прочіе Стоики и самой Кантъ несправедливо смѣшивали страсти или смятеніе души съ ея влеченіями и отвращеніями. Ибо страсть есть одно только побужденіе къ желаніямъ.

§. 10.

Но когда душа, освобождаясь отъ насилія страстей, воспринимаетъ свойственную ей дѣятельность, и начинаетъ снова обозрѣвать предметы, приведшіе ее въ волненіе: тогда она не страждетъ, но дѣйствуетъ; и ея дѣйствіе называется *Внутреннимъ воззрѣніемъ*, а движенія *чувствами*. Къ симъ послѣднимъ относятся всѣ благородныя и высокія чувствованія вѣры, человѣколюбія, мужества и любви къ отечеству. Самыя желанія или стремленія *Воли*, раждающіяся непосредственно отъ подобныхъ чувствъ, не противоборствуютъ здравому уму и занимаютъ мѣсто правильнаго или покрайней мѣрѣ правдоподобнаго умозаключенія (*).

(*) Сама природа, говоритъ Цицеронъ, влечетъ насъ къ тому, что кажется добромъ и имѣетъ вліяніе на наше благо. Влеченіе сего рода, управляемое благоразуміемъ, собственно называется *волею*. По словамъ Стоиковъ, воля всегда подчинена уму и есть достояніе одного только мудраго; между тѣмъ какъ сильное влеченіе, не управляемое умомъ, въ собственномъ смыслѣ называется необузданнымъ вожделѣніемъ, свойственнымъ вообще всякому неблагоразумному. Tusculan. quaest. L. IV. C. 6.

§ 11.

Внутреннее чувство или воззрѣніе отличается отъ *Воображенія* тѣмъ, что первое созерцаетъ предметы присутствующіе, а послѣднее представляетъ образы лицъ или вещей отсутствующихъ. Слѣдовательно посредствомъ Воображенія душа бываетъ въ непосредственномъ сношеніи съ собою, хотя занимается представленіемъ внѣшнихъ предметовъ.

§ 12.

Часто Воображеніе отъ одного предмета переходитъ ко многимъ другимъ, имѣющимъ съ нимъ какое нибудь отношеніе; и въ особенности когда первый встрѣтившійся намъ предметъ составляетъ часть другихъ прежнихъ, или когда другіе предметы вмѣстѣ съ нимъ и въ одно время сдѣлались намъ извѣстными. Способность соединять такимъ образомъ различныя идеи называется *Мечтательностію;* а облекать оныя въ образъ чувственный или одушевлять вещество жизнію есть также дѣло воображенія, но воображенія быстраго, живаго, пламеннаго, иначе называемаго *Фантазіею.*

§ 13.

Прежде нежели приступимъ къ разбору другихъ способностей, замѣтимъ слѣдующія условія дѣйствій души. *Сила представленія*, *Внутреннее воззрѣніе* и *Воображеніе* столь тѣсно между собою соединены, что въ строгомъ смыслѣ, онѣ суть только три мгновенія одного и тогоже дѣйствія. Ибо посредствомъ представленія умъ нашъ обозрѣваетъ отдѣльно и порознь каждую часть встрѣтившагося ему предмета; посредствомъ Внутренняго воззрѣнія беретъ онъ только части однородныя или имѣющія тѣсную связь; а посредствомъ Воображенія сіи отвлеченныя части приводитъ къ единству или къ извѣстному образу. Сіи три мгновенія перваго дѣйствія души повторяются во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ; равно какъ и тѣсная связь между Силою представленія, Чувствительностію и Волею, замѣчаемая въ первомъ мгновеніи, удерживается во всѣхъ мгновеніяхъ каждаго дѣйствія, и притомъ всегда въ одинакомъ послѣдовательномъ порядкѣ; т. е. за представленіемъ непосредственно слѣдуетъ чувство, за чувствомъ желаніе или отвращеніе.

§ 14.

И такъ, вопреки мнѣнію Канта, нѣтъ особеннаго ума практическаго, такъ какъ нѣтъ особеннаго эстетическаго и теоретическаго; но одинъ является во всѣхъ трехъ мгновеніяхъ; одинъ и тотъ же умъ познаетъ, чувствуетъ и желаетъ. Но поелику внѣшніе предметы, какъ выше замѣчено, принадлежатъ или къ совершеннымъ или къ прекраснымъ или къ нравственнымъ; то и познанія наши и чувства и желанія имѣютъ предметомъ только *истину*, *изящность* и *добро*.

§ 15.

Сверхъ сего надобно замѣтить, что сила помянутыхъ трехъ способностей открывается въ обратномъ порядкѣ. Чѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ чувствительность и воля; тѣмъ слабѣе бываетъ способность умозрительная; и на оборотъ, чѣмъ большую свободу и власть получаетъ способность умозрительная, тѣмъ болѣе ослабѣваютъ чувствительность и воля. А посему на самой низшей степени, тамъ, гдѣ душа наша входитъ въ непосредственное сообщеніе со внѣшними предметами, всѣ ея

способности бываютъ подчинены однимъ только чувственнымъ влеченіямъ: напротивъ того, восходя на высшую степень свободнаго своего дѣйствія, она управляется однимъ только умомъ чистымъ, отвлеченнымъ.

ГЛАВА III.

О талантахъ Художника, Стихотворца и вообще Писателя.

§ 16.

Мы сказали, что способность представленія обозрѣваетъ отдѣльно всѣ части предмета; Внутреннее воззрѣніе беретъ только тѣ изъ частей, которыя имѣютъ между собою тѣсную связь; а Воображеніе приводитъ ихъ къ единству или къ идеи. Сіи три силы или три мгновенія перваго дѣйствія души, отражаясь въ послѣдующихъ ея дѣйствіяхъ, образуютъ наконецъ три главные таланта Стихотворца или Художника: *Воображеніе живое*, *Вкусъ и Геній.* Живое воображеніе или мечтательность, переходя отъ однихъ предметовъ къ другимъ безъ цѣли и плана, представляетъ Художнику все, что онъ преж-

де видѣлъ, слышалъ или читалъ; на противъ того Вкусъ выбираетъ изъ всей безпредѣльной области представленій однѣ только черты или предметы прекрасные и занимательные; а Геній сіи избранныя части приводитъ къ одному цѣлому, или, что̀ все равно, учреждаетъ между ними число, мѣру, гармонію.

§ 17.

Какъ тѣсная связь между Силою представленія, Чувствительностію и Волею, замѣчаемая въ первомъ мгновеніи перваго дѣйствія, повторяется во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ: то и каждый изъ означенныхъ трехъ талантовъ художника долженъ имѣть другіе ему подчиненные. Художникъ, переходя силою живаго воображенія отъ однихъ предметовъ къ другимъ, въ то же время чувствуетъ, что одни ему нравятся, другіе не нравятся; къ однимъ имѣетъ внутреннее влеченіе, къ другимъ отвращеніе. Слѣдовательно вмѣстѣ съ Воображеніемъ открываются уже въ немъ Чувствительность и Воля.

§ 18.

То же самое бываетъ и въ дѣйствіяхъ *Вкуса*. Ибо отдѣляя прекрасное отъ обыкновеннаго, онъ въ то же время плѣняется тѣмъ, что находитъ прекраснымъ. Вотъ что и подало Эстетикамъ поводъ видѣть въ немъ силу и теоретическую и практическую, или опредѣлять его способностію находить красоты въ природѣ и въ искусствахъ, и находя ими наслаждаться (*).

§ 19.

За наслажденіями Вкуса слѣдуетъ *особенное расположеніе къ дѣятельности*; оно здѣсь то же значитъ, что проявленіе воли, приводящей въ движеніе всѣ высшія силы Художника или Поэта, принимающія непосредственное участіе въ производимыхъ имъ твореніяхъ.

§ 20.

Человѣкъ при всемъ могуществѣ своего духа ничего не можетъ сотворить изъ ничего, какъ и ничего не можетъ обратить въ

(*) Англичанинъ Гутчесонъ, затрудняясь въ объясненіи сего внутренняго чувства изящности, свойственнаго одному только Вкусу, назвалъ его шестымъ чувствомъ и поставилъ наряду съ пятью внѣшними органами.

ничто. Въ чемъ же заключается актъ творенія, совершаемый Поэтомъ?—Онъ начинается сближеніемъ частей, разсѣянныхъ въ природѣ, и сліяніемъ ихъ въ одно цѣлое, стройное, пластическое. Въ собственномъ смыслѣ сіе сближеніе есть дѣло *Фантазіи*, одной изъ первыхъ служебныхъ силъ Генія; она, составляя цѣлое, въ то же время одушевляетъ оное жизнію или облекаетъ идеи въ формы. Такимъ образомъ Фантазія приготовляетъ высшую творческую силу или *Геній* Художника къ выспреннему созерцанію. Во время сего созерцанія раскрываются предъ умственными его очами видѣнія, первообразы. Согласіе внутренней связи видѣній составляетъ первообразъ или *идею* піитической *истины;* Гармонія ихъ формъ образуетъ *идею красоты;* изъ сліянія видѣній или идей и формъ и производимыхъ ими ощущеній возникаетъ *идея блага* или *добра*. Чѣмъ яснѣе Геній постигаетъ сіи первообразы; тѣмъ ближе бываетъ къ совершенству составляемый имъ въ продолженіи сего дѣйствія общій первообразъ, обыкновенно называемый *Идеаломъ*.

§ 21.

Непосредственно за симъ Художникъ ,

обозрѣвая свой идеалъ, невольно увлекается чувствомъ самодовольства; онъ забываетъ все его окружающее, и ничего болѣе не видитъ кромѣ своего созданія; однимъ словомъ: онъ въ *Восторгѣ*. Плѣнясь красотами творенія, обрѣтающагося только въ его душѣ, онъ усиливается дать ему бытіе внѣшнее; стремится къ осуществленію его и не можетъ противиться *порывамъ своей творческой воли*. Это есть минута вдохновенія, въ которую, какъ говорится, Поэтъ видитъ присутствіе Аполлона: ecce Apollo!

§ 22.

Изъ сего явствуетъ, что Геній соотвѣтствуетъ силѣ созерцательной, Восторгъ занимаетъ мѣсто высшей чувствительности, а порывы суть то же, что непреодолимое желаніе или стремленіе выразить себя посредствомъ образа, тона или слова.

§ 23.

Единство, замѣчаемое въ составленіи идей и идеаловъ, еще болѣе открывается въ дѣйствіяхъ *Разума*. Природа представляетъ намъ предметы безпрестанно противорѣчащіе и противоположные; но душа не въ состояніи

обнять противоположностей въ одно и то же время, и не можетъ утверждать и отрицать объ однихъ и тѣхъ же предметахъ: посему разумъ старается во первыхъ ставить ихъ въ рядъ и сравнивать; потомъ отвлекаетъ отъ нихъ качества всѣмъ имъ общія, и наконецъ приводитъ оныя къ единству, называемому *видомъ*. Такимъ же образомъ поступаетъ онъ въ составленіи *родовъ;* такъ что, начиная отъ предметовъ недѣлимыхъ, онъ можетъ восходить постепенно до самыхъ высшихъ и отвлеченныхъ понятій, извѣстныхъ подъ именемъ *категорій*. На пр. роза, цвѣтъ, растеніе и проч.

§ 24.

Сверхъ сего надлежитъ замѣтить, что душа наша не можетъ представить ни какого предмета безъ его качества или принадлежности. На пр. съ именемъ *Платона* сливается мысль, что онъ Философъ, что онъ безсмертенъ или *смертенъ*. Способность соединять такимъ образомъ два понятія, называется *Разсудкомъ*, а самое дѣйствіе *сужденіемъ*. Но мы не можемъ соединять двухъ понятій, не сравнивая ихъ съ третьимъ; и

это есть такое условіе природы, которому душа слѣдуетъ безусловно. На пр. *почему Платонъ смертенъ? потому что онъ человѣкъ.* Понятіе о человѣкѣ заключаетъ въ себѣ причину соединенія двухъ первыхъ понятій, и подразумѣвается даже и въ то время, когда мы не выражаемъ его словомъ. Сего рода понятіе къ подлежащему сужденія въ такомъ же находится отношеніи, какъ видъ къ недѣлимому; а къ сказуемому такъ же содержится, какъ видъ къ роду или частное къ общему; другими словами: оно есть сказуемое подлежащаго и подлежащее сказуемаго; посему и называется среднимъ терминомъ. На пр. *человѣкъ смертенъ; Платонъ человѣкъ; слѣдовательно Платонъ смертенъ.* Способность переходить такимъ образомъ отъ рода посредствомъ вида къ недѣлимому и отъ понятія особаго посредствомъ частнаго къ общему, называется *Умомъ*, а самое дѣйствіе *умозаключеніемъ.*

§ 25.

Изъ сказаннаго видно, что идея предполагаетъ уже видъ или родъ; понятіе вида есть сокращенное или скрытое сужденіе; ибо оно есть слѣдствіе или заключеніе предъиду-

щихъ сужденій. Самое сужденіе не что иное значитъ, какъ сокращенное или скрытое умозаключеніе. Слѣдовательно въ умозаключеніи сосредоточиваются всѣ дѣйствія души. Если же умозаключеніе скрывается въ сужденіи, сужденіе въ понятіяхъ, понятія въ идеяхъ: то изъ сего слѣдуетъ, что и всѣ способности души не что иное суть, какъ различныя явленія одного и того же ума; — ума, составляющаго первое достоинство человѣка, искру Верховной Премудрости и, какъ говоритъ Державинъ, начальную черту Божества.

ГЛАВА IV.

О началѣ искуствъ.

§ 26.

Изящныя искусства, которыя у Грековъ почитались родными сестрами, дышутъ и живутъ одни другими. Неподражаемый рѣзецъ ваятеля въ Аполлонѣ Бельведерскомъ оживотворилъ Поэзію; танцы нашихъ Вестрисовъ приводятъ въ движеніе Живопись и Ваяніе; искусство Мельпомены объемлетъ Поэзію, Мимику, Живопись, Ваяніе и Музыку. Сія тѣсная связь ихъ замѣчена не только новѣйшими Филологами, но и многими древними; Извѣстно изреченіе Цицерона: Etenim omnes artes, quae ad humanitatem pertinent, habent quoddam *commune vinculum*, et *quasi cognatione* quadam inter se continentur (*).

(*) Pro A. Licinio Archia Poëta. N 1.

§ 27.

Если же всѣ искусства имѣють столь близкое сродство между собою; то они должны имѣть и одно начало. Никто не сомнѣвается въ сей истинѣ, хотя до сихъ поръ никто не поднялъ завѣсы, ее покрывающей. Аристотель основалъ всѣ Изящныя искусства на подражаніи Изящной Природѣ. Не смотря на предложенныя Нѣмцами возраженія, подражаніе простирается почти на всѣ отрасли Изящныхъ искусствъ; но оно есть одно только ихъ качество или одинъ способъ представленія, подобно прочимъ эстетическимъ силамъ.

§ 28.

Сульцеръ и его послѣдователи покушались основать Изящныя искусства на склонности къ изящному, или на врожденномъ чувствѣ окружать себя предметами прекрасными. Сіе чувство свойственно равно и образованнымъ и дикимъ народамъ, и, открываясь въ человѣкѣ съ его младенчества, сопутствуетъ ему до гроба; но оно могло быть толь-

ко виною происхожденія искусствъ и побужденіемъ къ усовершенствованію оныхъ, и не можетъ служить имъ началомъ существеннымъ или философскимъ, опредѣляющимъ основу положительныхъ правилъ.

§ 29.

Новѣйшія Эстетики остановились на трехъ идеяхъ: *истины*, *красоты* и *добра*. Сіи идеи не суть новое открытіе, но похищеніе изъ древней Философіи; Платонъ называетъ ихъ первообразами правды, красоты и гармоніи *αὐτοδίκαιον*, *αὐτόκαλον*, *αὐθόμοιον*. Цицеронъ такъ же упоминаетъ объ нихъ въ IV главѣ 1 книги сочиненія *о должностяхъ*; но почему три идеи, а не болѣе и не менѣе, сей вопросъ остается въ эстетикахъ не разрѣшеннымъ. Хотя въ предъидущей главѣ доказано развитіе ихъ изъ самой сущности души; однако изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ могли быть приняты въ основаніе Изящныхъ искусствъ. Для разрѣшенія сего недоразумѣнія прежде всего надлежитъ обратить вниманіе на собственную природу человѣка. Онъ есть персть оживотворенная духомъ, духъ обле-

ченный въ тѣло; или, какъ говоритъ Державинъ, конечная степень вещества и начальная черта самаго Бога. Но Изящныя искусства въ собственномъ смыслѣ суть не что иное, какъ отраженіе человѣка; слѣдовательно и основанія ихъ надобно искать въ первоначальномъ дѣйствіи души или въ соединеніи умственной природы съ вещественной.

§ 30.

Подъ *умственною природою* разумѣются всѣ силы и дѣйствія души, а подъ именемъ *вещественной* всякое вещество, лишенное движенія и жизни. Способъ же соединенія сихъ противуположностей объясняется самымъ свойствомъ человѣка и его непреоборимымъ стремленіемъ выражать себя въ своихъ умственныхъ произведеніяхъ. Ибо душа человѣка такимъ образомъ устроена, что она ничего не можетъ вообразить неопредѣленнаго безъ границъ, вѣчнаго безъ времени, духовнаго безъ вещественнаго.

§ 31.

Отъ сего врожденнаго чувства соединять природу вещественную съ жизнію неминуемо раждаются *вымыслы*, главная и суще-

ственная принадлежность Изящныхъ искусствъ. Вымыслы сіи превращаются въ химеры, если они не бываютъ подчиняемы законамъ Генія и Вкуса. Чтобы соблюсти сіи законы, Художникъ обязанъ представлять предметы не въ дѣйствительномъ видѣ, но въ возможномъ. И для того онъ выбираетъ всѣ лучшія, однородныя части изъ вещественнаго міра, и составляетъ изъ нихъ одно цѣлое совершенное; или беретъ всѣ сильныя черты и качества изъ умственнаго міра, чтобы составить изъ нихъ одно существо или одинъ характеръ совершенный. Наконецъ оживотворяя первое приличными силами духовными и облекая послѣднее въ приличный вещественный образъ, онъ творитъ одно цѣлое совершеннѣйшее, называемое обыкновенно *идеаломъ*. Идеалъ заключаетъ въ себѣ всѣ помянутыя идеи; но онъ въ такомъ же отношеніи находится къ тремъ идеямъ, въ какомъ полное умозаключеніе къ тремъ своимъ терминамъ.

§ 32.

И такъ Изящная Природа не что иное есть, какъ осуществленіе или овеществореніе идеаловъ. Надобно замѣтить главное условіе,

наблюдаемое Геніемъ въ подобныхъ твореніяхъ. Части заимствуемыя изъ видимыхъ предметовъ, составляютъ одну цѣлую форму; сіе цѣлое дѣлается частію идеала, который также есть одна только часть въ составѣ изящнаго творенія. Изъ сего видно, что все частное принадлежитъ, по своему началу, къ вещественной природѣ, и все цѣлое представляетъ въ себѣ природу умственную, соединенную съ вещественною.

§ 33.

Отъ различія сего соединенія происходитъ различіе между самыми Изящными искусствами и ихъ отраслями; на пр. въ Поезіи и Краснорѣчіи видны и Геній и Умъ во всемъ ихъ дѣйствіи. Пантеонъ и Церковь Св. Петра въ Римѣ возбуждаютъ благоговѣніе по тому, что огромные и смѣлые своды ихъ кажутся самымъ небомъ, простертымъ надъ шатромъ Творца вселенной; храмъ, посвященный Дружбѣ или Музамъ, нравится намъ по тому, что онъ одушевленъ только идеями существъ воображаемыхъ. Наконецъ зодчество простыхъ домовъ помрачаетъ, такъ сказать, мысль Художника своими грубыми матеріа-

лами; такъ какъ и сочиненіе прозаическое въ отвлеченномъ слогѣ уже исторгается изъ міра вещественнаго, а слѣдовательно и изъ предѣловъ предписанныхъ Изящнымъ искусствамъ.

§ 34.

Какъ цѣлое, составленное изъ частей, дѣлается частію другаго цѣлаго, а сіе подчиняется третьему; такъ точно и въ составѣ идеаловъ можно восходить дотолѣ, пока найденъ будетъ послѣдній или общій. Выше замѣчено, что и сей идеалъ есть, только часть изящнаго произведенія; со всѣмъ тѣмъ онъ уже не принадлежитъ къ природѣ вещественной, которая объемлетъ въ себѣ все частное. Геній Художника такимъ же образомъ нисходитъ отъ высшаго идеала къ веществу, какъ Умъ въ обратномъ дѣйствіи отъ рода къ виду или предмету недѣлимому.

§ 35.

Дабы не ввести въ искушеніе идеалистовъ, увлекаемыхъ ученіемъ Нѣмецкихъ Философовъ, находимъ нужнымъ замѣтить; что излагаемое здѣсь начало образованія идеаловъ не противорѣчитъ такъ называемому *идеали-*

зированію. Оно находится въ такомъ лишь отношеніи къ послѣднему, какъ анализисъ къ синтезису. Въ семъ легко удостовѣриться, наблюдая за постепеннымъ ходомъ раскрытія различныхъ силъ души. Ибо какъ Умъ не во время дѣйствія своего составляетъ частныя и общія понятія, служащія ему основаніемъ, но дѣйствуетъ уже на основаніи готовыхъ понятій, хранящихся въ памяти; такъ точно и Геній не самъ непосредственно занимается выборомъ частей изъ вещественной природы для составленія своего идеала, какъ составлялъ Зевксисъ свою Елену; но пользуясь формами и идеями, уже образованными Фантазіею, очищенными Вкусомъ и носимыми въ душѣ, онъ лишь отыскиваетъ и учреждаетъ между ними надлежащую гармонію.

§ 36.

Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ сущность нашей души; тѣмъ болѣе будемъ удивляться премудрому и въ многообразіи единообразному ея устроенію. Ибо всѣ безчисленныя ея дѣйствія не что иное суть, какъ повторенія одного первоначальнаго дѣйствія. Какъ сіе послѣднее состоитъ въ ощущеніи

впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ; то и каждый идеалъ рождаетъ непосредственно новыя ощущенія или чувства. Въ семъ отношеніи всѣ идеалы занимаютъ мѣсто внѣшнихъ предметовъ (objectum); и всѣ движенія или чувства относятся къ міру внутреннему (subjectum). Симъ раздѣленіемъ объясняется сущность многихъ отраслей Поэзіи, прочихъ Изящныхъ искусствъ и въ особенности Музыки, которая есть также плодъ воображенія и имѣетъ свои идеалы.

Примѣчаніе. Для поясненія сей мысли предположимъ, что развалины древняго монастыря, заросшія мохомъ и покрытыя травою, тронули душу артиста путешественника. Уже онъ ихъ оставилъ и отъ нихъ удалился; но воображеніе представило ему снова сіи предметы и онъ снова былъ тронутъ. Съ одной стороны видитъ онъ опустѣвшія жилища отшельниковъ, съ другой одичавшую внутренность храма, остатки колоннъ, одну полуразвалившуюся стѣну и нѣсколько гробницъ. Новыя чувства родили въ душѣ художника новыя мысли. Онъ окружилъ всю сію картину мракомъ ночи; небо покрыто

тонкими облаками, изъ за нихъ выглядываетъ изрѣдка луна; и слабыя лучи ея, скользя чрезъ монастырскія ворота, падаютъ на помостъ храма. На одной недавно сооруженной гробницѣ теплится лампада; передъ гробницею стоитъ блѣдная, не движимая дѣвушка, съ падающими по плечамъ власами и съ поникшею на грудь главою. Вокругъ царствуетъ мертвая, ничѣмъ не прерываемая тишина; вдругъ раздается вблизи тихой, умирающій голосъ флейты, столь же печальный и меланхолическій, какъ душа артиста; и вотъ начало томной и мрачной Ноктюрны.

ГЛАВА V.

Объ Изящныхъ Искусствахъ вообще.

§ 37.

Искусство есть раскрытіе силъ тѣлесныхъ или душевныхъ, образованныхъ ученіемъ и опытомъ для какого либо опредѣленнаго рода занятій. Тамъ, гдѣ преимущественно раскрывается способность тѣлесная, Искусства бываютъ *Механическія;* гдѣ же господствуютъ Вкусъ и Геній, Искусства называются *Изящными.* Первыя имѣютъ цѣлію удовлетвореніе потребностей или распространеніе удобностей житейскихъ; послѣднія въ собственномъ смыслѣ суть также потребности, но потребности высшія, распространяющія кругъ нашихъ духовныхъ наслажденій.

§ 38.

И такъ Механическія Искусства объемлютъ разные виды ремеслъ и рукодѣлій; а къ Изящнымъ, называемымъ иначе Свободными, относится вся область воображенія, или всѣ произведенія Живописи, Ваянія, Зодчества, Музыки, Театральнаго искусства, Танцованія, Поэзіи и Краснорѣчія.

§ 39.

Нѣтъ сомнѣнія, что и для механическаго искусства нуженъ проницательный Умъ, а часто и великій Геній; но Умъ и Геній въ подобномъ случаѣ занимаются одною отвлеченною частію механизма, и представляютъ собою одну только дѣйствующую причину, совершенно отличную отъ ихъ изобрѣтеній: напротивъ того въ изящныхъ произведеніяхъ видны не только мыслящая сила души, но часто всѣ ея движенія и чувства.

§ 40.

Образъ, *тонъ* и *слово* суть единственные способы, посредствомъ коихъ Изящныя Искусства бываютъ въ сообщеніи съ душою;

посему онѣ раздѣляются вообще 1) *на Образовательныя*, состоящія изъ чертежей и фигуръ; 2) *на Музыкальныя*, выражаемыя тономъ и ладомъ; и 3) *на Словесныя*, занимающія среднее мѣсто между первыми и вторыми и принимающія въ пособіе тѣлодвиженія, мѣру и тоны, особливо въ Ораторскихъ рѣчахъ, въ Поэзіи и Декламаціи.

§ 41.

Изящныя Искусства употребляютъ обыкновенно для выраженія своихъ произведеній или *естественные* или *произвольные* знаки. Первые, имѣющіе самую близкую связь съ означаемою вещію, не что иное суть, какъ языкъ самой Природы, общій всѣмъ народамъ, понятный во всѣхъ странахъ и неизмѣняемый временемъ. Въ Китаѣ, въ Египтѣ и Лапландіи, вездѣ поймутъ картину, представляющую солнце, небо усѣянное звѣздами, сраженіе и т. п. Равнымъ образомъ печальная музыка будетъ возбуждать печальное чувство какъ въ дикаряхъ, такъ и въ людяхъ образованныхъ. Сначала самое письмо состояло изъ знаковъ естественныхъ, которыми выражаемы были цѣлыя понятія и даже цѣлыя мы-

сли; но когда почувствовали неудобства, соединенныя съ симъ способомъ выраженія, тогда ввели въ употребленіе отдѣльныя фигуры для каждаго слова, и наконецъ отдѣльныя буквы для означенія каждаго звука. Такимъ образомъ произошли знаки произвольные или условные; къ нимъ, кромѣ словъ и буквъ, относятся музыкальныя ноты, хореографія и всѣ аллегоріи, встрѣчающіяся въ Образовательныхъ Искусствахъ.

§ 42.

Знаки, употребляемые Изящными Искусствами, раздѣляются еще на *совмѣстные*, заключающіеся въ пространствѣ, и на *послѣдовательные*, содержащіеся во времени. Живопись, Зодчество и Ваяніе ограничиваютъ время пространствомъ; между тѣмъ какъ Поэзія, Краснорѣчіе, Музыка и Искусства Сценическія заключаютъ неопредѣленное пространство въ опредѣленное время. Живописецъ и Ваятель ловятъ одно только мгновеніе какого либо дѣйствія, предоставляя собственному нашему воображенію дополнять всѣ предшествовавшія и послѣдовавшія обстоятельства: напротивъ того Стихо-

творецъ и Музыкантъ представляютъ картины и чувства въ послѣдовательномъ порядкѣ, имѣющемъ начало, продолженіе и конецъ.

§ 43.

Цѣль Изящныхъ Искусствъ есть *очарованіе* или такое состояніе души, въ которомъ она забываетъ все ее окружающее, и вымыслы художника принимаетъ за дѣйствительную природу. Нѣтъ сомнѣнія, что *для* достиженія сей цѣли вымышляемые предметы должны имѣть всѣ качества занимательности, возбуждая къ себѣ участіе ближайшимъ отношеніемъ своимъ къ природѣ человѣка и рѣзкимъ выраженіемъ души и жизни.

§ 44.

Изящныя Искусства, будучи распространителями гражданской и нравственной образованности, пріучаютъ къ людскости, укрощаютъ страсти, и, какъ говоритъ Овидій, смягчаютъ самые нравы: artes emolliunt mores. Древніе столько увѣрены были въ пользѣ Изящныхъ Искусствъ, что почитали ихъ необходимымъ пособіемъ при самомъ воспитаніи дѣтей. Вообще они служатъ главнымъ

средствомъ къ образованію вкуса; а вкусъ образованный имѣетъ вліяніе на самую нашу нравственность: ибо привыкши находить порядокъ, гармонію и благородство въ изящныхъ произведеніяхъ, мы не можемъ терпѣть ничего низкаго въ нашихъ чувствахъ и поступкахъ.

§ 45.

Многіе называютъ Изящныя Искусства предметами роскоши; мы назовемъ ихъ роскошью ума человѣческаго, излишнею и можетъ быть вредною для людей обыкновенныхъ, полезною и необходимою для душъ благородныхъ. Человѣкъ имѣетъ врожденное стремленіе къ возможнымъ совершенствамъ; что же можетъ удовлетворить сему влеченію природы, кромѣ Изящныхъ Искусствъ? Если бы мы могли пріучить движенія нашей души къ совершенной гармоніи; или умѣли присвоить себѣ формы, чувства и характеры, представляемые высокою Живописью, Ваяніемъ и Поэзіею, по всей вѣроятности мы были бы и на землѣ существами болѣе совершенными.

ГЛАВА VI.

Объ Эстетическихъ силахъ.

А. О силахъ постоянныхъ.

---

§ 46.

Способы, посредствомъ которыхъ Изящныя Искусства дѣйствуютъ на душу, называются *силами Эстетическими*. Онѣ раздѣляются на *постоянныя* и *случайныя*. Первыя основываются на неизмѣняемыхъ законахъ Природы, начертанныхъ въ душѣ самаго Художника; послѣднія зависятъ отъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ. Законы Природы требуютъ, чтобы *многоразличіе*, *согласованіе* и *единство*, какъ главнѣйшія условія дѣйствій Генія, отражались и во всѣхъ его произведеніяхъ. Сіи три силы служатъ

основанiемъ силлогизма художественнаго, какъ понятiя рода, вида и недѣлимаго въ Логикѣ.

§ 47.

И такъ изящное произведенiе не иначе можетъ быть составлено, какъ изъ многихъ различныхъ частей; и идеалъ, образованный по одному частному предмету, въ собственномъ смыслѣ есть ложное заключенiе Художника, соотвѣтствующее заключенiю софизма отъ вида къ роду или отъ одной части къ цѣлому. Доказательствомъ служитъ Исторiя Греческой Комедiи, которая, доколѣ выводила на сцену извѣстныя лица, чужда была правильности, благородства и приличiя; усовершенствованiе ея начинается только въ томъ перiодѣ, когда Аѳинскiй Сенатъ, запретивъ личности, обратилъ ее на пороки господствующiе, общiе цѣлому народу и вѣку.

§ 48.

И такъ *разнообразiе* или многоразличiе составляетъ необходимое качество изящныхъ произведенiй, согласно древнему изрѣче-

вію: *varietas delectat*. Примѣръ разнообразія представляютъ намъ вожди Гомеровы, изъ коихъ каждый имѣетъ свой характеръ, отличительныя черты и особенной образъ дѣйствія.

§ 49.

Для изящныхъ произведеній не довольно одного разнообразія; надобно, чтобы въ нихъ была и *противоположность*. Она открывается въ борснін стихій, характеровъ, движеній; цѣль ея торжество одной силы надъ другою. Такъ живописцы ставятъ краски темныя подлѣ яркихъ (clair-obscur) для того, чтобы дать болѣе блеска дѣйствію свѣта.

§ 50.

Предметы разнообразные и противоположные безпрестанно встрѣчаются въ природѣ; но свойство души таково, что она не въ состояніи обнять противоположностей однимъ созерцаніемъ и въ одно время: посему Вкусъ Художника сперва отъ многоразличныхъ предметовъ отвлекаетъ только такія части или черты, которыя имѣютъ между собою близкое соотношеніе, потомъ приво-

дить сіи части въ одно цѣлое. Отсюда происходятъ *порядокъ* и *единство*.

§ 51.

Порядокъ бываетъ или въ *пространствѣ* или *во времени*; посему и соотношеніе частей означаетъ или совмѣстность (симметрія) въ Образовательныхъ Искусствахъ или соразмѣрность (Евметрія) въ Искусствахъ Тоническихъ. Стройное расположеніе частей художественнаго произведенія дѣлаетъ его *яснымъ*; слѣдовательно и темнота происходитъ преимущественно отъ запутанности и замѣшательства въ расположеніи.

§ 52.

Творческое Воображеніе Художника слѣдуетъ тому же *закону единства*, по которому дѣйствуетъ умъ, совокупляющій виды въ роды и подчиняющій частное общему. Сей законъ отражается въ каждомъ изящномъ произведеніи, такъ что нѣкоторые изъ Эстетиковъ самую изящность называли единствомъ въ многоразличіи. Иногда части предмета (objectum) повидимому не имѣютъ между собою никакого отношенія, но взаим-

ная связь ихъ опредѣляется чувствомъ Художника (subjetum), какъ въ порывахъ и безпорядкѣ лирическихъ стихотвореній, или точкою зрѣнія, заключающею въ себѣ фокусъ линій и лучей предмета, и служащею основаніемъ вообще произведеній Перспективной Живописи.

§ 53.

Согласіе идеи предмета съ его принадлежностями и качествами въ Искусствахъ называется *истиною*; согласіе чувствъ, раждаемыхъ созерцаніемъ сей идеи или образа, составляетъ *доблесть* или *нравственность*. Если идея и чувства облечены бываютъ въ стройныя и соразмѣрныя наружныя формы, то произведеніе становится *прекраснымъ* или *изящнымъ*. И такъ прекрасное состоитъ не въ одной истинѣ, взятой отдѣльно, какъ думалъ Буало, но въ истинѣ соединенной съ доблестію. По мнѣнію Платона, есть двѣ богини красоты: одна владычествуетъ надъ красотою тѣлесною, другая надъ духовною; къ сей превосходной аллегоріи можно прибавить, что въ изящномъ произведеніи обѣ сіи

богини должны проявляться въ одинакой степени совершенства.

B. О силахъ случайныхъ.

I. О высокомъ.

§ 54.

Идеи предметовъ и чувства, составляющія доблесть, бываютъ или безконечныя или ограниченныя. Стремленіе ума въ безконечное или представленіе предмета, не имѣющаго границъ, мѣры, числа, и не могущаго вмѣститься въ предѣлахъ нашего воображенія, называется *высокимъ въ предметѣ*. Сіе высокое предполагаетъ необыкновенное усиліе природы, приводящее нашу душу въ содроганіе и возбуждающее въ ней особенное благоговѣніе. Обширность Африканскихъ степей, ихъ безплодіе и мрачное однообразіе производятъ сильное волненіе въ душѣ Европейца. Небо усѣянное звѣздами и простертое надъ главою въ видѣ шатра, не проницаемый мракъ и глубокая тишина ночи, когда въ безпредѣльномъ пространствѣ теряются и зрѣніе и слухъ и мысль, также томятъ душу неизъяснимымъ движеніемъ.

§ 55.

Чтобы быть пораженну величіемъ предмета, надобно находиться въ уединеніи и имѣть присутствіе духа; надобно, чтобы душа наша, ни чѣмъ не развлекаемая, ощущала тихій и священный трепетъ, а не страхъ и ужасъ, которые препятствуютъ впечатлѣнію высокихъ предметовъ. Высокіе предметы чрезвычайною своею силою заставляютъ насъ чувствовать всю нашу слабость и въ то же время невольно восхищаютъ насъ выше обыкновенной нашей сферы. Само собою разумѣется, что таковые предметы рѣдки; иначе они не могли бы возбуждать въ насъ ни трепета, ни благоговѣнія.

§ 56.

Высокое въ чувствахъ есть сильное стремленіе или внезапный порывъ души въ безконечное; оно предполагаетъ героизмъ духа, не измѣняемаго никакимъ переворотомъ счастія. Когда побѣдоносный Александръ спросилъ принесеннаго къ нему на щитахъ и покрытаго ранами Царя Пора: какъ съ то-

бою поступить? «какъ съ Царемъ», отвѣтствовалъ плѣнникъ.»

§ 57.

Высокое употребляется въ высокомъ стилѣ ваянія, въ картинахъ, называемыхъ поэмами, въ Ораторіяхъ, въ Трагедіяхъ и въ Ораторскихъ рѣчахъ. Иногда состоитъ оно въ мысляхъ, иногда въ одномъ только счастливомъ оборотѣ или выраженіи. На пр. «Свѣтильникъ мудреца освѣщаетъ вселенную.»

§ 58.

Высокое не можетъ долго продолжаться вопервыхъ потому, что самыя мысли высокія рѣдки, во вторыхъ самая душа наша не можетъ перенести сильнаго и продолжительнаго потрясенія. И такъ излишнее накопленіе выоокихъ чувствъ и мыслей, какъ противное нашей природѣ, не можетъ производить надлежащаго дѣйствія надъ нами: ибо въ такомъ случаѣ высокое неминуемо превращается въ напыщенность.

§ 59.

Изъ древнихъ о высокомъ писалъ Лон-

гинъ, вельможа Царицы Зеновіи. Хотя онъ былъ и язычникъ, однако не могъ безъ восторга читать того мѣста въ Священномъ Писаніи, гдѣ творецъ однимъ словомъ своимъ повелѣваетъ свѣту вытти изъ мрака:» Рече Богъ: да будетъ свѣтъ и бысть.» Впрочемъ Лонгинъ высокое смѣшалъ съ возвышеннымъ слогомъ,—два предмета совершенно между собою различные.

II. О прекрасномъ.

§ 60.

Значеніе слова *прекрасный* сдѣлалось слишкомъ обыкновеннымъ чрезъ частое онаго употребленіе; но въ смыслѣ эстетическомъ принимаемое, оно значитъ совершенство наружныхъ формъ, одушевленныхъ жизнію, проявленіе мысли или жизни въ стройныхъ формахъ, въ гармоніи. Прекрасное сравниваютъ съ линіею волнистою, разумѣя подъ прямою линіею единообразіе и слишкомъ строгую правильность. И такъ принадлежности красоты суть округлость, жизнь и цвѣтъ.

§ 61.

Есть три рода или три степени прекраснаго: *великолѣпіе*, *красота* и *прелесть*.

Великолѣпіе, производя въ насъ высшую степень пріятнаго восторга, не что иное есть, какъ сліяніе высокаго съ красотою, на пр. Ніагарскій водопадъ, принадлежитъ къ высокимъ предметамъ Природы, но осыпанный лучами солнца и украшенный радугами, онъ является во всемъ великолѣпіи.

§ 62.

Красота своими совершенствами внѣшними должна возбуждать въ зрителѣ пріятное чувство. Мы уже сказали, что къ симъ совершенствамъ относятся круглыя формы, жизнь и цвѣтъ или краски. По сему лице въ портретѣ, сколько бы правильно ни было, не можетъ еще назваться прекраснымъ, когда въ чертахъ своихъ не выражаетъ ни какихъ движеній души. Впрочемъ красота никогда не должна быть представляема въ сильныхъ движеніяхъ или страстяхъ: ибо никакое лице не способно во время страстей столь скоро принимать измѣненіе въ чертахъ, какъ лице прекрасное; примѣромъ служатъ самыя Фуріи, которымъ древніе Художники всегда давали правильныя черты лица.

§ 63.

Прелесть или Грація есть красота въ движеніи. У древнихъ было три Граціи или три Хариты, которыя изображались всегда пляшущими. Одна статуя Кановы представляетъ Гебу, летящую на Олимпъ; тѣло ея нѣсколько наклонилось впередъ, правая рука съ чашею простерта вверхъ, платье обвилось вокругъ стройнаго стана; и сія Геба есть торжество стиля Грацій въ Ваяніи.

§ 64.

Слогъ въ словесности бываетъ прекраснымъ, когда онъ украшенъ тропами и фигурами; но картины въ Поэзіи Анакреона, представляющаго своею волшебною кистію Игры, Смѣхи и хороводы, принадлежатъ къ слогу Грацій.

III. О чудесномъ.

§ 65.

Чудесное обыкновенно раздѣляютъ на два рода: на *сверхъ-естественное* и *естественное*. *Сверхъ-естественное Чудесное* есть явленіе безконечной силы въ опредѣленной естественной формѣ. Моисей ударяетъ

жезломъ въ море—и оно разступается; Iисусъ Навинъ повелѣваетъ остановиться солнцу—и оно остановилось. Тщетно гордый умъ будетъ искать поясненія сихъ великихъ происшествій въ обыкновенномъ ходѣ. Природы; ибо они совершились непостижимою силою Творца, страшнаго чудесами.

§ 66.

Чудесное естественное есть явленіе естественной причины въ неопредѣленной формѣ; оно предполаетъ стеченіе такихъ обстоятельствъ, которыя по нашему понятію, вмѣстѣ не должны быть. На пр. Кутузовъ, по гласу Государя и Отечества, является среди войска, ожидающаго его съ нетерпѣніемъ; вдругъ надъ главою вождя, посѣдѣвшаго въ браняхъ, паритъ орелъ, предвѣстникъ побѣды, и въ рядахъ дружинъ раздаются радостные клики.

§ 67.

Чудесное измѣняется по временамъ, по народамъ и по степени ихъ образованности. Источниками Чудеснаго у Грековъ и Римлянъ были Героическія времена и Миѳологія. Для насъ ихъ божества сдѣлались одними

Аллегорическими лицами; и не иначе могутъ занимать наше воображенiе, какъ въ такомъ случаѣ, когда представляютъ какую нибудь добродѣтель, качество душевное или идеалъ нравственный.

§ 68.

Чудесное употребляется во многихъ родахъ Поэзiи, но преимущественно въ Поэмѣ, выводящей на сцену боговъ, людей и Тартаръ. При употребленiи Чудеснаго надобно соблюдать вѣроятность, т. е. чтобы оно находилось на своемъ мѣстѣ, имѣло достаточныя причины и при первомъ взглядѣ казалось намъ какъ бы естественнымъ.

§ 89.

Чудесное, употребляемое въ Романахъ, при началѣ кажется намъ сверхъ-естественнымъ и даже невѣроятнымъ, а при концѣ повѣствованiя самымъ естественнымъ и обыкновеннымъ. Иногда вѣроятность зависитъ отъ одного только обстоятельства, отъ самаго простаго объясненiя нашихъ недоумѣнiй.

О трогательномъ.

§ 70.

Къ *трогательному* принадлежатъ всѣ тихія движенія сердца, пріятныя и непріятныя. Къ движеніямъ, трогающимъ нашу душу, относятся мечты бѣдняка о будущемъ счастіи, выраженіе признательности, великодушія и другихъ благородныхъ чувствъ. Человѣкъ есть игралище фортуны, и вся жизнь его представляетъ одну цѣпь трогательныхъ приключеній; но ничто не трогаетъ столь сильно нашего сердца, какъ картины, напоминающія о превратности счастія. Велизарій, щитъ Юстиніанова трона, ужасъ враговъ и слава отечества, лишенъ зрѣнія и не имѣетъ пристанища. Сердца рабовъ для него закрылись; одинъ лишь слабый малютка, держа въ рукахъ пернатый шлемъ его, жалобно взываетъ къ проходящимъ: date Belisario obolum!

«Подайте мальчику на хлѣбъ;
Онъ Велизарія питаетъ.»

О страстномъ.

§ 71.

Сильныя движенія души называются *страстями*. Когда страсти овладѣютъ сердцемъ; тогда воображеніе оставляетъ полетъ свой и умъ теряетъ свою силу; страсти берутъ въ плѣнъ всѣ способности души. Вотъ почему Ораторы, Стихотворцы и Художники прибѣгаютъ къ нимъ, какъ къ вѣрнѣйшему средству для убѣжденія. Сильныя страсти очень часто сопровождаемы бываютъ высокими чувствами; и оживленный ими слогъ перемѣняетъ тонъ свой и почти всегда бываетъ высокимъ. Ужасъ, отчаяніе и ярость составляютъ душу Трагедій; но рѣдко употребляемы бываютъ въ Живописи и Ваяніи; можетъ быть потому, что глазъ есть строгой судія и не можетъ долго смотрѣть на лица, обезображенныя сими страстями.

О новости.

§ 72.

Душа наша требуетъ безпрестанной дѣятельности; и въ семъ отношеніи ничто столько не удовлетворяетъ ей, какъ *новость*.

Врожденная склонность къ новостямъ оставила слѣды свои и въ Художествахъ. Музыкантъ старается очаровать своихъ слушателей новою гармоніею или новыми преодолѣнными трудностями; Поэтъ ищетъ новыхъ предметовъ, смѣлыхъ сравненій и оборотовъ. Новость тѣмъ болѣе намъ нравится, чѣмъ менѣе ее мы ожидали; ибо есть новости неожиданныя и даже необыкновенныя.

§ 73.

Нѣтъ ничего блистательнѣе Новости въ Искусствахъ; но она проходитъ почти столь же быстро, какъ цѣнность моды. Такова была участь многихъ Романовъ и большой части Балладъ. Посему Художникъ и Писатель должны употреблять только такія новости, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ человѣку и могутъ занимать его во всѣ времена.

О ПРОСТОСЕРДЕЧІИ.

§ 74.

Простосердечіе есть откровенность въ мысляхъ и чувствахъ. Оно составляетъ почти обыкновенный характеръ дѣтей и боль-

шей части поселянъ, которые также суть дѣти природы. Иногда заключаетъ оно въ себѣ остроуміе, ненарочно сказанное, и чуждое всякой хитрости и намѣренія. Одинъ отецъ спросилъ своего сына: кто сотворилъ міръ? малютка отвѣчалъ: «не знаю.» «Я уже сказалъ тебѣ, чтобы ты не говорилъ *не знаю*, закричалъ отецъ грознымъ голосомъ.» «Виноватъ папенька, я сотворилъ міръ, но впередъ этаго дѣлать не буду.» Иногда простосердечіемъ называется, самая простая, натуральная и милая прелесть въ картинахъ и въ слогѣ: таковы Оды Анакреоновы и Идилліи Геснеровы.

О смѣшномъ.

§ 75.

Смѣшное есть соединеніе несообразностей, или такихъ мыслей и предметовъ, которые, по нашему понятію, вмѣстѣ не должны быть. Аристотель опредѣляетъ Смѣшное безобразіемъ, не причиняющимъ боли ни смѣющемуся, ни тому лицу, которое бываетъ предметомъ смѣха. Сюда принадлежатъ каррикатуры, въ коихъ представляются портреты лицъ съ чертами безобразными и несо-

размѣрными. Подобныя несообразности могутъ быть въ мысляхъ, въ выраженіяхъ, въ поступи, въ тѣлодвиженіяхъ и даже въ самой одеждѣ.

§ 76.

Смѣшное бываетъ умышленное и неумышленное. Въ послѣднемъ случаѣ оно не заключаетъ въ себѣ безобразія; ибо принадлежитъ собственно къ простосердечію. — Смѣшное измѣняется по степени образованности и по различнымъ вкусамъ народовъ. Вообще оно можетъ раздѣлиться на три рода: на площадное, обыкновенное и благородное: отсюда произошли Фарсы, Средняя и Высокая Комедія. Сверхъ сего Смѣшное употребляется въ Басняхъ, Сатирахъ, Епиграммахъ и Комическихъ Поэмахъ.

ГЛАВА VII.

О различныхъ степеняхъ Словесности.

§ 77.

Душа наша вмѣщаетъ въ себѣ весь міръ видимый и невидимый; то есть представляетъ всѣ предметы, ихъ формы, качества и отношенія. Способъ выражать сіи представленія словами называется *языкомъ*. Сей способъ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ даровъ, ниспосланныхъ человѣку Премудрымъ Провидѣніемъ. Языкъ есть сокровище свѣдѣній цѣлаго народа и многихъ вѣковъ; стяжаніе предковъ, наслѣдство и достояніе потомства; хранилища его Словарь, памятники Литература.

§ 78.

Разныя способности души были основаніемъ различныхъ родовъ Литературы. Писатель, который руководствуется преимущественно чувственными органами, есть Историкъ; согласіе его представленій или идей съ самыми предметами составляетъ *истину историческую*. Геній Стихотворца занимается не дѣйствительнымъ, а возможнымъ; полетъ его устремленъ къ изящному; а посему и *истина піитическая* состоитъ въ согласіи идеала съ правдоподобіемъ и вѣроятностію.

§ 79.

Что касается до точныхъ Наукъ, онѣ всѣ основываются на дѣйствіяхъ *разума*. Обращая предметы особые въ понятія отвлеченныя и общія, разумъ стремится, такъ сказать, соединить непостоянное съ прочнымъ: ибо вещи преходятъ и измѣняются, между тѣмъ какъ ихъ виды и роды остаются вѣчно неизмѣняемыми. — Отсюда произошли Науки *Умозрительныя*, въ которыхъ человѣкъ ищетъ всегда истинъ прочныхъ.—Но тотъ же разумъ, разлагая общія понятія на частныя и особыя, заключаетъ умственное

въ границы вещественныя и повѣряетъ отвлеченное опытами: отсюда получили начало Науки *Опытныя.*

§ 80.

Отвлеченіе общихъ качествъ отъ особыхъ предметовъ и разложеніе общихъ понятій на особыя послужили основаніемъ *методы синтетической и методы аналитической* употребляемыхъ въ Наукахъ, доказательствъ умозрительныхъ (a priori) и опытныхъ (a posteriori); и наконецъ самыхъ опредѣленій, составляющихъ существенную часть Наукъ. Ибо въ опредѣленіи предмета мы восходимъ отъ вида къ роду и нисходимъ отъ рода къ качествамъ отличительнымъ.

§ 81.

Три главныя дѣйствія души, облеченныя въ форму словеснаго выраженія, называются: идея *словомъ*, сужденіе *предложеніемъ*, умозаключеніе *періодомъ.* Посему правила о различныхъ родахъ словъ, предложеній и періодовъ должны быть основаны на Логикѣ.

§ 82.

Дѣйствія ума скрываются во всѣхъ

дѣйствіяхъ души; слѣдовательно и имѣютъ мѣсто во всѣхъ родахъ Литературы: но въ собственномъ смыслѣ на умозаключеніяхъ основываются только Философскія разсужденія, имѣющія предметомъ раскрыть и доказать какую нибудь истину отдѣльно взятую.

§ 83.

Мы замѣтили выше, что каждая созерцательная или мыслящая сила души сопровождается Чувствительностію и Волею. Не смотря на тѣсную связь сихъ трехъ способностей, есть случаи, въ которыхъ чувства остаются совсѣмъ непримѣтными. Сіе бываетъ особенно въ то время, когда мы встрѣчаемъ предметы обыкновенные, или когда смотримъ на высокіе и изящные предметы съ хладнокровіемъ и равнодушіемъ; словомъ: когда душа занимается одними представленіями и умозрѣніемь; и вотъ границы Литературы вообще разсматриваемой.

§ 84.

Въ обширномъ смыслѣ подъ *Литературою* разумѣются всѣ вообще сочиненія, разсматриваемыя въ отношеніи одного язы-

ка, и притомъ въ отношеніи только тѣхъ свойствъ, кои онъ получилъ отъ Природы: напротивъ того всѣ качества и совершенства, заимствованныя имъ отъ Вкуса и образованности, принадлежатъ собственно *Словесности*, какъ Искусству или дару, пріобрѣтаемому ученіемъ и опытомъ выражать мысли словами.

§ 85.

Занимаясь искуснымъ выраженіемъ, а вмѣстѣ и расположеніемъ мыслей, Словесность не простираетъ далѣе своихъ требованій. Если же нравственность, красота или совершенство предметовъ пробуждаютъ въ сочинителѣ чувствительность, и если въ его слогѣ видна вся душа, объемлющая мысли и чувства; то Словесность называется *Изящною.* Ибо въ семъ случаѣ Словесность, подобно всѣмъ Изящнымъ Искусствамъ, соединяетъ въ себѣ вещественное съ умственнымъ, или представленія внѣшнихъ предметовъ съ ощущеніями.

§ 86.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ Словесности, вообще разсматриваемой, заключаются однѣ

только силы эстетическія неизмѣняемыя, какъ главныя условія дѣйствій разума или какъ способы искуснаго выраженія, состоящіе въ ясности, порядкѣ, единствѣ, точности и проч. Напротивъ того Изящной Словесности принадлежатъ равно и неизмѣняемыя и случайныя силы: ибо она занимается не одною изящностію языка, но вмѣстѣ и выборомъ предметовъ высокихъ, прекрасныхъ, трогательныхъ и пр.

ГЛАВА VIII.

О главныхъ формахъ Поэзіи.

§ 87.

Изящная Словесность, какъ Искусство, соединяетъ въ себѣ чувственное съ умственнымъ или внѣшнее съ внутреннимъ. Красота и совершенство формъ принадлежатъ преимущественно Поэзіи; на противъ того изслѣдованіе отношеній и связи истинъ собственно есть дѣло Краснорѣчія. Отсюда происходитъ раздѣленіе Изящной Словесности на *Поэзію* и *Краснорѣчіе*.

§ 88.

Но каждое изъ сихъ искусствъ, взятое въ особенности, въ свою очередь предпола-

гаетъ новое соединеніе чувственнаго съ умственнымъ, а слѣдовательно и новые виды Поэзіи и Краснорѣчія. Сіе раздѣленіе основывается на самопознаніи души, на томъ первомъ ея дѣйствіи, которое повторяется во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

§ 89.

Главныя дѣйствія Поэта опредѣляются двумя главными состояніями его души: *созерцаніемъ* и *ощущеніемъ*. Въ первомъ случаѣ, увлекаемый воображеніемъ, онъ составляетъ изъ представленій образы, изъ образовъ картины; въ послѣднемъ обозрѣвая свои созданія, онъ предается чувствамъ самодовольства. Сіи два состоянія столь быстро сливаются одно съ другимъ, что почти не льзя означить черты, ихъ раздѣляющей. По сему *живопись* и *чувства* суть первыя условія всякаго Піитическаго творенія. Сліяніе ихъ называется *Одушевленіемъ*.

§ 90.

И такъ Поэтъ или облекаетъ идеи свои въ чувственныя формы или изливаетъ ощущенія своего сердца или же самому вещест-

ву даетъ жизнь и дѣйствіе. Сіи три способа дѣйствій соотвѣтствуютъ тремъ самостоятельнымъ формамъ Изящныхъ Искусствъ: *пластикѣ*, *музыкѣ* и *сценикѣ*.

§ 91.

Созерцаніями, ощущеніями и дѣяніями опредѣляется вся внутренняя жизнь Поэта; такъ что онъ или, посредствомъ повѣствованія, изображаетъ видѣнія, раскрывающіяся предъ умственными его очами, или выражаетъ порывы чувствъ своихъ пѣснопѣніемъ, или творитъ зрѣлища и выводитъ на сцену дѣйствующія лица. На семъ основываются три самостоятельныя формы Поэзіи: *Эпопея*, *Лирика* и *Драма*, составляющія въ совокупности полный художественный Силлогизмъ Поэта.

§ 92.

Силлогизмъ Піитическій, подобной Логическому, объемлетъ собою три краты времени: вѣчноюное воображеніе Лирика живетъ надеждами и вѣрою въ *будущее;* посему Лирическіе Стихотворцы у древнихъ означали вмѣстѣ и прорицателей *vates;* въ Эпопеѣ

раскавываются событія давно минувшія и съ именами Рапсодовъ почти всегда соединялось понятіе о слѣпцахъ, живущихъ памятію о *прошедшемъ*. Драма представляетъ дѣйствіе, но причинамъ принадлежащее къ прошедшему, по предпріятіямъ къ будущему, но совершающееся передъ нашими глазами, въ *настоящее* время. Она заключаетъ собою Лирику и Эпопею, примиряя и приводя къ единству борющіяся въ нихъ силы: духовныя и внѣшнія.

ГЛАВА IX.

О постепенномъ происхожденіи вымысловъ Піитическихъ.

§ 93.

Выше сказано[1], что отъ врожденной склонности соединять чувственное съ умственнымъ, раждаются вымыслы или басни. Сіи вымыслы получили начало свое еще въ тѣхъ лѣсахъ и пещерахъ, въ которыхъ укрывались первобытные люди. Живучи въ разсѣяніи и большею частію въ отдаленіи другъ отъ друга, они не могли долго оставаться въ одиночествѣ и, по врожденной склонности къ общежитію, неприметнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы окружить себя существами

*

себѣ подобными. Разумъ находился еще въ младенчествѣ; онъ не могъ проникать въ причины явленій, которыя встрѣчались повсюду ихъ чувствамъ. Сія неизвѣстность сама собою пріуготовляла ихъ воображеніе къ разнымъ баснямъ и вымысламъ; они вездѣ видѣли вліяніе и дѣйствіе силъ сверхъестественныхъ.

§ 94.

Отъ времени до времени, число сверхъестественныхъ существъ умножалось; неодушевленныя вещи, окружающія человѣка, начали въ глазахъ его чувствовать, жить и мыслить: и такимъ образомъ положено было основаніе тому чудесному міру, которымъ столько плѣняютъ насъ Стихотворцы.

§ 95.

Вымыслы или басни, въ которыя одѣты отвлеченныя понятія, родились послѣ другихъ, заимствованныхъ отъ физическихъ явленій. Начало ихъ надобно относить къ тому времени, когда разумъ человѣческій довольно уже обогатился познаніями. Источники, изъ которыхъ они проистекали, также безчисленны. Разное вліяніе климатовъ, раз-

ные характеры народовъ и степени ихъ просвѣщенія были причиною разныхъ вымысловъ. Порабощенный Египтянинъ вымышлялъ все низкое; свободный и благородный Грекъ украшалъ приключенія и вымыслы такою наружностію, которая привлекала къ себѣ уваженіе. Астрономъ перенесъ на небо все, что поражало его душу; Піитъ изъ мечтательнаго своего міра хотѣлъ переселить все, что казалось ему изящнымъ; Философъ нравоучитель сокрылъ подъ прекрасными картинами полезные уроки. Отъ сего произошли басни Историческія, Піитическія, Физическія, Астрономическія и самыя нравственныя, которыя извѣстны подъ именемъ *Апологовъ*.

§ 96.

Мнѣніе о безсмертіи души также господствовало издревле. Любовь къ самому себѣ и привязанность къ другимъ близкимъ предметамъ побудили человѣка мечтать о будущемъ. Ничто столько не тревожитъ его, какъ мысль о смерти и о совершенномъ уничтоженіи существа его: здѣсь скрывается начало басней о царствѣ тѣней и о поляхъ Елисей-

скихъ. Иные хотѣли измѣнить безсмертіе переселеніемъ душъ изъ однихъ тѣлъ въ другія: и изъ сего Египетскіе жрецы составили особенное ученіе. Пиѳагоръ перенесъ оное въ Грецію и распространилъ въ большей части Европы. Сіе, господствовавшее въ то время мнѣніе, было поводомъ къ вымысламъ особеннаго рода, извѣстнымъ подъ именемъ превращеній: *μεταμορφώσεων*. Если смерть похищала героя, благодѣтеля, брата или другой предметъ милой для сердца, то иногда искренняя любовь и признательность, иногда лесть и раболѣпство, переселяли душу умершаго въ другое тѣло, имѣющее съ первымъ какое нибудь сходство или въ свойствахъ, или въ имени или въ образѣ. Таково было основаніе мнѣнія о превращеніяхъ; и чего не могли прибавить къ сему Стихотворцы Греческіе и Римскіе, рожденные подъ благорастворенным небомъ и получившіе отъ природы всѣ дары живаго воображенія и пламеннаго чувства?

ГЛАВА X.

Объ основаніи Ораторскаго искусства.

§ 97.

Изъ предыдущихъ замѣчаній явствуетъ, что различные роды и степени словесности проистекаютъ отъ различныхъ дѣйствій души. Краснорѣчіе есть высшій талантъ, объемлющій всѣ тоны слова, начиная отъ простой Прозы до Поэзіи: слѣдовательно и источникомъ своимъ должно имѣть высшую способность умственную, въ которой сосредоточиваются всѣ дары душевные. Такъ думали Аристотель, Цицеронъ и прочіе древніе Риторы, приписывая всю силу убѣжденія ораторскаго однимъ умозаключеніямъ (Aristot. Rhetoric. lib. I. C. II., Cic. Orator C. VII. 45 и C. XV. 126).

§ 98.

Самый планъ и ходъ мыслей Оратора въ тѣ минуты, когда онъ готовится говорить предъ судіями и народомъ, служатъ доказательствомъ, на чемъ основывается будущее торжество его. Сперва произноситъ онъ втайнѣ свое мнѣніе; потомъ требуетъ отчета отъ самаго себя, почему онъ такъ думаетъ. Если первые отвѣты его неудовлетворительны, онъ, согласно ученію Цицерона (orator. C. XV. 126), приводитъ ихъ къ вопросамъ постояннымъ и вѣчнымъ, т. е. къ истинамъ общимъ. Такимъ образомъ Ораторъ, отвѣчая на собственные вопросы и разрѣшая самимъ имъ предложенныя возраженія, непримѣтно изъ простаго предложенія составляетъ полный трехчленный силлогизмъ, изъ силлогизма пятичленный доводъ (quinque-partita argumentatio), о которомъ предлагали правила Аристотель и Ѳеофрастъ и который вообще былъ весьма уважаемъ древними. Цицеронъ также употреблялъ его не безъ цѣли, ибо онъ самъ доказываетъ его важность въ своемъ сочиненіи объ *изобрѣтеніи* (I. 34.). Сей отзывъ его повторенъ и въ приписываемой ему Риторикѣ къ Гереннію (11. 18.).

§ 99.

Выше замѣчено, что сужденіе или предложеніе въ собственномъ смыслѣ не что иное есть, какъ скрытое умозаключеніе или слѣдствіе скрытаго Силлогизма; слѣдовательно, при разсматриваніи частей пятичленнаго довода, могутъ возникнуть новые вопросы, изъ рѣшенія коихъ должны составиться новыя умозаключенія. Таковъ ходъ мыслей Оратора; онъ не прежде останавливается, какъ по открытіи доводовъ очевидныхъ, кои не требуютъ уже никакихъ новыхъ поясненій.

§ 100.

Но всѣ сіи подчиненные доводы суть лишь части одного главнаго умозаключенія или различные способы проявленія одного и того же ума; слѣдовательно и самая Ораторская рѣчь (oratio) не что иное есть, какъ умъ въ дѣйствіи,—*умъ, постепенно раскрывающійся и облекаемый въ слово* (ore expressa ratio). Вотъ изъ какихъ стихій составлялись грозныя тучи Периклова краснорѣчія, разражавшіяся надъ Греціею молніей и громами! Ими Демосѳенъ разрушалъ замыслы Филипповы и Витія Римскій торжествовалъ

столь долгое время на торжищахъ, въ сонмахъ народныхъ и въ Сенатѣ.

Примѣчаніе. Чтобы опредѣлить съ точностію основаніе и весь ходъ мыслей Оратора, поставимъ себя на мѣсто Римскаго Витіи въ то время, когда на стогнахъ Рима уже все было въ смятеніи при разнестейся молвѣ о смерти Клодія, убитаго Милономъ; когда тѣло Клодіево выставлено было въ святилищѣ храма и толпы народа съ ужасомъ смотрѣли на глубокія раны Сенатора. Никто не смѣлъ защищать убійцу; одинъ Цицеронъ, рѣшившись спасти честь его отъ поношенія, соображаетъ обстоятельства, мыслитъ и произноситъ втайнѣ слѣдующій приговоръ: „Клодій достоинъ смерти." Сказавъ сіе, Цицеронъ спрашиваетъ самаго себя: „Почему Клодій достоинъ смерти? Потому, что онъ извѣстенъ своимъ вѣроломствомъ и коварствомъ; а человѣкъ, строющій ковы другимъ, рано или поздно долженъ восприять заслуженное имъ наказаніе." И такъ въ сихъ вопросахъ и отвѣтахъ уже скрывается слѣдующее полное умозаключеніе: „человѣкъ коварный достоинъ смерти; Кло-

дій есть коварный человѣкъ: слѣдовательно онъ заслужилъ сію насильственную смерть, въ которой обвиняютъ Милона." Но Римскій Ораторъ предвидѣлъ, что обвинители Милона, судіи и самой народъ могли спросить его: „Почему почитаетъ онъ коварнаго человѣка достойнымъ смерти? И чѣмъ можно уличить Клодія въ коварствѣ?" На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ слѣдующее: законы двѣнадцати таблицъ не возбраняютъ убивать ни татя, ни злоумышленника, покушающагося причинить намъ насиліе, да и самый законъ естественный повелѣваетъ силу отражать силою (oratio pro Milone Num. 8, 9, 10, 11, — 23.). Отвѣтъ Цицерона на другой вопросъ состоитъ въ изчисленіи обстоятельствъ, предшествовавшихъ убійству: „Путешествіе, часъ и мѣсто битвы и самой умыселъ Милона,-умыселъ, не однократно самимъ Клодіемъ предъ нами открытый,—все обличаетъ его въ коварствѣ." Но сего не довольно для Оратора, который еще не раскрылъ умысла Клодіева о убіеніи Милона. Сіе важное обстоятельство требуетъ новыхъ поясненій и новыхъ доводовъ.„ Вопервыхъ, говоритъ

Цицерона, по убіеніи Милона, Клодій надѣялся быть Преторомъ, и носить сіе званіе при такихъ слабыхъ консулахъ, которые не осмѣлились бы поставить преграду его дерзкимъ и злонамѣреннымъ покушеніямъ противъ Республики (Num. 32). Вовторыхъ обличаетъ Клодія непримиримая его ненависть къ Милону, бывшему защитникомъ Цицерона, врагомъ всѣхъ злодѣевъ и личнымъ его обвинителемъ (Num. 36). Наконецъ противъ Клодія свидѣтельствуютъ собственныя его качества и поведеніе: ибо онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не зналъ инаго права, кромѣ силы. Онъ изгналъ Цицерона не судомъ, а силою; онъ умышлялъ противъ жизни Гортенсія и самаго Вибіена; былъ сообщникомъ Катилины; строилъ ковы Цицерону и самому Помпею; убилъ Папирія и недавно покушался снова на жизнь Цицерона (Num. 37); онъ на все отваживался, смѣялся надъ законами, пренебрегалъ судилища и не боялся наказаній (Num. 44).

§ 101.

«Но что значатъ холодные доводы въ устахъ Оратора? Сгроможденная изъ умоза-

клюненій, рѣчь не похожа ли болѣе на словопренія Схоластиковъ, нежели на очаровательное искусство Витіи? Сіе возраженіе съ перваго взгляда кажется справедливымъ; но чтобы отвѣчать на оное, надобно прежде вникнуть въ свойства Силлогизма Логическаго и Силлогизма Ораторскаго. Первый имѣетъ основаніемъ своимъ истину уже доказанную и извѣстную; и потому бываетъ простъ, сухъ и точенъ, не требуя никакихъ доводовъ и распространеній: напротивъ того послѣдній основывается на однихъ правдоподобныхъ предположеніяхъ, имѣющихъ нужду въ доказательствахъ. Первый назначаетъ мѣсто каждому предложенію и понятію; послѣдній не знаетъ никакихъ узъ и является подъ различными формами умозаключеній. Ораторскій Силлогизмъ въ основаніи своемъ есть то же, что и Логическій; но его форма теряется въ обширныхъ предѣлахъ рѣчи.—Самые подчиненные его доводы всегда скрываются или въ видѣ періодовъ и фигуръ или въ обиліи выраженій и круглотѣ рѣчи; однимъ словомъ: искусство его состоитъ въ томъ, чтобъ не видно было искусства. Примѣромъ можетъ служить Цицеронова рѣчь за

Секста Росція, вся состоящая изъ умозаключеній. Вотъ почему Стоикъ Зенонъ называлъ Діалектику рукою сжатою, а Риторику раскрытою и распростертою.

§ 102.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствіе ума свойственно всѣмъ людямъ и заключается во всѣхъ способностяхъ души; но у однихъ оно болѣе, у другихъ менѣе ограничено; одни руководствуются только чувствами, другіе умозрѣніемъ. Ораторъ занимаетъ среднее мѣсто между первыми и послѣдними; долгъ его дѣйствовать на цѣлый сонмъ народа, на слушателей просвѣщенныхъ и необразованныхъ; и посему истины частныя утверждаетъ онъ общими и незыблемыми; а истины отвлеченныя объясняетъ доводами чувственными; изъ областей Метафизики онъ быстро переходитъ къ картинамъ воображенія, а отъ картинъ къ самымъ чувствамъ: ибо, по закону природы, отъ живыхъ представленій всегда раждаются въ душѣ болѣе или менѣе живыя движенія.

ГЛАВА XI.

О тройственности цѣли и предметовъ Красноречія, выводимой изъ трехъ силъ ума.

§ 103.

Главнѣйшею цѣлію Красноречія есть *убѣжденіе*, основывающееся на умозаключеніи; но правильное умозаключеніе, какъ извѣстно, состоитъ изъ трехъ частей. Большое предложеніе заключаетъ въ себѣ истины общія или правила, которыя преимущественно назначаются для назиданія разума. Въ меньшей посылкѣ Ораторъ занимается въ особенности какимъ нибудь лицемъ или предметомъ, описывая ихъ внутреннія и внѣшнія качества чертами рѣзкими и красками жи-

выми. Изъ таковыхъ описаній составляются картины, плѣняющія воображеніе; а отъ картинъ непосредственно раждаются движенія и страсти, которыя обыкновенно имѣютъ мѣсто въ заключеніи. Изъ сего явствуетъ, какимъ образомъ на трехъ силахъ Ума, сливающихся въ полномъ Ораторскомъ Силлогизмѣ, основываются три другія частныя цѣли Краснорѣчія; *учить*, *плѣнять* и *трогать*. «Больше всѣхъ служитъ, говоритъ Ломоносовъ, «къ движенію и возбужденію страстей живо «представленныя описанія, которыя очень въ «чувства ударяютъ, а особливо какъ бы дѣй«ствительно въ зрѣніи изображаются. Глубоко«мысленныя разсужденія и доказательства не «такъ чувствительны и страсти не могутъ «отъ нихъ возгорѣться: и для того съ высо«каго сѣдалища разумъ къ чувствамъ свести «должно, и съ ними соединить, чтобъ онъ въ «страсти воспламенился.»

§ 104.

Разбирая силы нашей души, мы замѣтили, что Умъ во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ старается всѣ встрѣчаемыя имъ противоположности приводить въ гармонію или къ еди-

ству. Но гармонія въ понятіяхъ называется *истиною;* гармонія въ формахъ и всѣхъ качествахъ, подлежащихъ воображенію, образуетъ *красоту;* и наконецъ гармонія въ движеніяхъ души составляетъ основаніе *нравственности.* Слѣдовательно истина, красота и нравственность, выводимыя изъ трехъ силъ Ума, должны быть главными предметами Краснорѣчія; другими словами: Ораторъ тогда только можетъ научить, когда въ мысляхъ его находится согласіе или истина; онъ плѣняетъ, когда представляетъ примѣры или картины; и наконецъ торжествуетъ надъ сердцемъ слушателей, когда самъ одушевленъ справедливостію и честію.

§ 105.

Изъ согласія помянутыхъ трехъ предметовъ со внѣшними формами Ораторскаго выраженія образуется *изящество,* какъ главное единство, къ которому умъ Оратора долженъ стремиться. Безъ сего согласія всѣ усилія искусства тщетны; ибо тамъ нѣтъ краснорѣчія, гдѣ нѣтъ истины и нравственности; не дѣйствительна истина, не одушевленная движеніями и картинами, и теряетъ силу са-

мая нравственность, чуждая доводовъ, убѣждающихъ умъ, и украшеній, плѣняющихъ воображеніе.

§ 106.

Если всѣ способности нашей души сливаются, сосредоточиваются и раскрываются преимущественно въ умозаключеніи Оратора; то и самая рѣчь его болѣе или менѣе можетъ вмѣщать въ себѣ предметы отвлеченные, историческіе и даже стихотворные. Изъ нихъ первые имѣютъ мѣсто въ изложеніи законовъ и общихъ мыслей, вторые въ разсказѣ, а послѣдніе въ картинахъ и движеніяхъ: ибо, въ собственномъ смыслѣ, что̀ значатъ всѣ обращенія Оратора къ предметамъ неодушевленнымъ и къ лицамъ усопшихъ, всѣ употребляемыя имъ одушевленія и заимословія, какъ не Поэзія?

ГЛАВА XII.

О соотвѣтствіи трехъ родовъ Краснорѣчія тремъ главнымъ дѣйствіямъ Ума.

§ 107.

У древнихъ было три рода Краснорѣчія: *совѣщательный* (deliberativum), *описательный* (demonstrativum) и *судебный* (judiciale). Въ первомъ разбираемы были предложенія общія, которыя касались не одного лица, но цѣлаго Государства, и имѣли по большой части предметомъ своимъ опредѣленіе законовъ; на пр. «Позволяется ли убивать коварнаго человѣка?»—Во второмъ описывали хорошія или худыя качества какого нибудь лица; на пр. »Клодій есть коварный человѣкъ». Послѣдній родъ состоялъ изъ двухъ первыхъ и заключалъ въ себѣ разсужденіе, похвалу

или хулу и приговоръ; на пр. «Клодій заслужилъ насильственную смерть».—Неизвѣстно, глубокія ли размышленія, образъ дѣлопроизводства или случай и сама Природа побудили древнихъ Риторовъ раздѣлить такимъ образомъ Краснорѣчіе; но легко примѣтить, что сіи три рода совершенно соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ дѣйствіямъ Ума.

§ 108.

Древніе приписывали каждому изъ трехъ родовъ Краснорѣчія особое время; и, какъ говоритъ Квинтиліанъ, то, что не подлежитъ разсмотрѣнію Судіи, имѣетъ предметомъ или прошедшее время или будущее; прошедшее мы хвалимъ или порицаемъ, о будущемъ совѣщаемъ (*). Равнымъ образомъ и умозаключеніе, по замѣчанію Логиковъ, выражаетъ троякое состояніе нашей души, *прошедшее настоящее* и *будущее*, изъ коихъ первому соотвѣтствуетъ общее понятіе, второму среднее или частное, третьему особое. Большое предложеніе въ правильномъ умозаключеніи состоитъ изъ общаго понятія и средняго или

(*) Institut. orat. L. III. C. IV.

изъ прошедшаго и настоящаго; меньшее предложеніе заключаетъ въ себѣ среднее понятіе и особое, то есть настоящее и будущее; а заключеніе составляется изъ особаго понятія и общаго или изъ будущаго и прошедшаго; слѣдовательно въ большомъ предложеніи недостаетъ будущаго времени, въ меньшемъ прошедшаго, а въ заключеніи настоящаго. И такъ недостающее время дѣлается предметомъ изслѣдованій (quaestio) Оратора; въ первомъ случаѣ онъ ищетъ будущей пользы и блага отечества; во второмъ разбираетъ дѣйствія и поступки какого нибудь лица, въ третьемъ старается узнать, правъ или не правъ обвиняемый.

§ 109.

Выше замѣчено, что большая и меньшая посылка, при полномъ раскрытіи умозаключенія, могутъ обращаемы быть въ новые силлогизмы; согласно сему, независимо отъ главнаго Судебнаго рода, предполагается возможность полнаго раскрытія главныхъ силъ Ума и въ прочихъ родахъ; какъ въ совѣщательной первой рѣчи Цицерона противъ Верреса и въ похвальной его же за Марцелла.

§ 110.

Сіи три рода Краснорѣчія у древнихъ почитались основаніемъ всѣхъ прочихъ родовъ сочиненій; самый кругъ дѣйствій Писателя они ограничивали только тремя родами: или изложеніемъ мыслей и совѣтовъ, или похвалою и порицаніемъ худаго, или защищеніемъ правды и опроверженіемъ лжи. Сіе ученіе древнихъ достойно вниманія и нашихъ Риторовъ; тѣмъ болѣе, что существенные законы Искусства не измѣняются ни отношеніями народовъ, ни временемъ.

ГЛАВА XIII.

Объ Ораторскомъ изобрѣтеніи и расположеніи.

§ 111.

Подлежащее и *сказуемое* предложенія суть два предѣла, въ которыхъ заключается вся Ораторская рѣчь и далѣе коихъ она недолжна простираться. Связь и отношеніе сихъ двухъ отдѣльныхъ понятій познаются только въ то время, когда найдено будетъ третіе, общее имъ обоимъ и называемое обыкновенно *среднимъ терминомъ*. Но чѣмъ обширнѣе значеніе сказуемаго, тѣмъ болѣе потребно среднихъ терминовъ, чрезъ которые Умъ или рѣчь Оратора должны восходить и нисходить. На пр. Клодій заслужилъ насильст-

венную смерть; потому что онъ имѣлъ намѣреніе убить Милона и строилъ ему ковы: а кто строитъ намъ ковы, тотъ врагъ нашъ; кто намъ врагъ и нападаетъ на насъ, того убить и самые законы не возбраняютъ.

§ 112.

И такъ всѣ правила *изобрѣтенія* заключаются въ искусствѣ находить и раскрывать среднія понятія или термины. *Самыя мѣста общія*, преподаваемыя обыкновенно въ Риторикахъ, суть не что иное, какъ средніе термины или отвлеченныя понятія, общія всякому содержанію рѣчи. Цицеронъ называетъ ихъ сѣдалищемъ доводовъ (sedes argumentorum) и совѣтуетъ своему *Оратору* преимущественно ими руководствоваться.

§ 113.

Древніе преподавали одни и тѣже общія мѣста въ Риторикѣ и Діалектикѣ; ибо они вполнѣ понимали отношеніе между умозаключеніемъ и Ораторскою рѣчью. Нѣкоторые изъ нихъ даже и самый способъ изобрѣтенія полагали въ знаніи Діалектики.

§ 114.

Обыкновенно въ Рѣчи считается четыре части: приступъ, предложеніе, разсужденіе и заключеніе: но приступъ есть объясненіе предложенія; заключеніе есть слѣдствіе разсужденія или краткое обозрѣніе всѣхъ доводовъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ Рѣчи. Слѣдовательно главныхъ частей только двѣ: *предложеніе* и *разсужденіе*, состоящее изъ доводовъ.

§ 115.

При семъ надобно замѣтить, что Ораторская Рѣчь въ расположеніи своемъ слѣдуетъ порядку не простаго Логическаго Силлогизма, но превращеннаго, т. е. заключеніе ставится напереди и занимаетъ мѣсто предложенія; меньшая посылка скрывается въ расказѣ и въ частныхъ доводахъ; большая служитъ связію частныхъ доводовъ съ предложеніемъ или темою.

§ 116.

Сила и самая форма Логическаго Силлогизма опредѣляются качествомъ общаго предложенія: напротивъ того Ораторская Рѣчь

измѣняетъ свой видъ по свойствамъ вопроса, предлагаемаго на разрѣшеніе. И потому вопросъ, состоящій изъ одной части, требуетъ и въ рѣчи одного только простаго Силлогизма; но вопросъ сложный, составленный изъ многихъ частей, столько же требуетъ и Силлогизмовъ.

Примѣчаніе. Возмемъ въ примѣръ слѣдующее предложеніе: „Архій есть Гражданинъ, и хотя бы не былъ Гражданиномъ, достоинъ быть принятъ въ сословіе Гражданъ." Поелику въ семъ предложеніи скрываются два вопроса; то и вся Рѣчь раздѣляется на два Силлогизма: 1) по закону Сильвана и Карбона, всякой имѣетъ право на Гражданство, кто приписанъ былъ къ одному изъ союзныхъ городовъ, кто во время изданія сего закона жилъ въ Италіи и въ теченіе шестидесяти дней объявилъ о себѣ Претору. — Архій приписанъ былъ къ союзному городу Гераклеѣ; во время обнародованія помянутаго закона жилъ въ Италіи и въ теченіе опредѣленнаго срока далъ знать о себѣ Претору и пр. (Num. 6.—11.)—2) Ученые и одаренные отличными талантами Стихотворцы достойны зва-

нія Гражданина, какъ по важности своего сана, такъ по удовольствію и пользѣ, которыя они намъ доставляютъ (Num. 12.—16.). Архій есть Стихотворецъ ученый и одаренный отличными талантами. (Num. 12.).

§ 117.

Выше замѣчено, что всѣ частные силлогизмы подчиняются одному главному: сіе подчиненіе ихъ основывается на самой сущности Ума, который не терпитъ ни малѣйшей разности и старается приводить всѣ части къ возможному единству.

Примѣчаніе. Образцемъ Ораторской силлогистики можетъ служить рѣчь за Росція Америна. Основаніе ея есть слѣдующее:

Большая посылка: Подозрѣніе въ убійствѣ можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда есть и поводъ къ учиненію сего преступленія и предполагаются всѣ возможные къ тому способы.

Меньшая посылка: Росцій не имѣлъ ни причины, ни возможности убить отца своего; а враги и обвинители его имѣли и то и другое.

Заключеніе: слѣдовательно не на С. Росція, а на самихъ обвинителей должно падать подозрѣніе въ убіеніи отца его.

Сіе заключеніе ставится на мѣсто предложенія и излагается въ началѣ Рѣчи. Меньшая посылка распространяется въ Расказѣ, гдѣ Цицеронъ, описавъ вражду обвинителей Росція съ отцемъ его и всѣ обстоятельства убійства, предшествовавшія и послѣдовавшія, обращаетъ подозрѣніе на сихъ обвинителей (Num. 15.—35.). Большая посылка опускается: потому что она не требуетъ никакихъ доказательствъ; и, какъ говоритъ Аристотель, ее дополняетъ самъ слушатель въ умѣ своемъ. Изъ первой же части меньшаго предложенія первая мысль (т. е. Росцій не имѣлъ никакого повода къ убіенію отца) излагается слѣдующимъ силлогизмомъ:

Отцеубійство есть столь важное преступленіе, что мы въ правѣ требовать отъ обвинителя самыхъ сильныхъ и ясныхъ доказательствъ (Num. 37.).

А обвинитель Еруцій ссылается на одни маловажныя и вымышленныя обстоятельства: ибо онъ не уличилъ С. Рос-

ція ни въ расточительности, ни въ ненависти его къ отцу своему (Num. 36.—58.).

Слѣдовательно Росцій не имѣлъ никакого повода къ убіенію отца своего (61.—70).

Вторый членъ предъидущей части меньшаго предложенія (т. е. Росцію не было возможности убить отца) предлагается въ слѣдующей дилеммѣ:

Если Росцій имѣлъ возможность лишить отца жизни, то онъ или самъ убилъ его или употребилъ для сего постороннихъ людей, свободныхъ или рабовъ своихъ: но самъ онъ не могъ убить его, потому что не былъ въ Римѣ; не употреблялъ и рабовъ своихъ, потому что обвинители запрещаютъ требовать ихъ къ допросу (Num. 74.—77.).

Первый членъ послѣдующей части меньшаго предложенія (т. е. обвинители имѣли поводъ къ убіенію) излагается въ видѣ слѣдующаго силлогизма:

Кто могъ ожидать большей корысти отъ убійства, на того должно падать большее подозрѣніе въ семъ преступленіи; а Т. Росцій большую могъ получить корысть, нежели С. Росцій.

Вторый членъ послѣдующей части

меньшаго предложенія (т. е. обвинители имѣли возможность и способы учинить убійство) состоитъ въ исчисленіи всѣхъ признаковъ сего преступленія: при чемъ Ораторъ поставляетъ на видъ дерзость Т. Росція, упоминаетъ о вѣстникѣ, явившемся немедленно послѣ убійства къ Росцію Капитону, и распространяется о вѣроломствѣ Капитона относительно пословъ, назначенныхъ къ Силлѣ и пр. (Num. 93.—141.).

§ 118.

Большая посылка въ Ораторской Рѣчи весьма часто предлагается безъ доказательствъ: ибо доказывать мысль извѣстную и не подлежащую никакому сомнѣнію, по словамъ Квинтиліана, значитъ освѣщать свѣтлое солнце слабымъ блескомъ лампады. Вообще въ расположеніи рѣчи надлежитъ стараться, чтобы слушатель ни мало не примѣчалъ искусства и намѣренія; для сего Цицеронъ совѣтуетъ, сколько возможно, избѣгать однообразія, которое онъ называетъ матеріею пресыщенія.

ГЛАВА XIV.

О главныхъ условіяхъ Ораторскаго выраженія: повѣствованіи и драмѣ.

§ 119.

Въ умозаключеніи душа сначала обращается къ самой себѣ и бываетъ въ непосредственномъ общеніи съ собою; потомъ созерцаетъ предметы внѣшніе, дѣйствующіе какъ бы на сценѣ и передъ нашими глазами: отселѣ и самый способъ выраженія бываетъ или *повѣствовательный* или *драматическій*. Ораторъ, основывающій рѣчь на умозаключеніи, употребляетъ оба способа: онъ повѣствуетъ, когда излагаетъ обстоятельства дѣла и сообщаетъ свое мнѣніе; онъ вводитъ дѣйствіе, когда заставляетъ говорить лица мертвыя и отсутствующія и самыя вещи неодушевленныя. На. пр. въ первой Филиппи-

кѣ мы видимъ не Димосѳена, но самихъ Аѳинянъ, расхаживающихъ по торжищу и вопрошающихъ другъ друга; «что говорятъ новаго? справедливо ли, что Филиппъ умеръ? нѣтъ, но онъ боленъ.» Мы видимъ также и слышемъ не Оратора говорящаго за Милона, но самаго Милона, держащаго дымящійся кровію мечь и на стогнахъ вопіющаго: «приближтесь, Граждане, и внемлите: я убилъ П. Клодія; и отъ неистовыхъ его покушеній, кои мы не могли обуздать ни властію законовъ, ни важностію судилищъ, я симъ желѣзомъ и сею рукою оградилъ ваши главы; да утвердятся мною единымъ во градѣ правота, справедливость, законы, свобода, стыдъ, цѣломудріе.»

§ 120.

Если же Ораторъ обращается къ предметамъ неодушевленнымъ или увѣренный въ справедливости своего дѣла входитъ въ совѣщаніе съ тѣми лицами, предъ которыми или противъ которыхъ онъ говоритъ; или въ нерѣшимости совѣтуется съ самимъ собою и съ другими; или самъ предлагаетъ возраженія противниковъ и самъ ихъ разрѣ-

шаетъ, самъ вопрошаетъ слушателей или самаго себя и самъ отвѣчаетъ: во всѣхъ сихъ случаяхъ употребляется способъ выраженія *смѣшанный*, составляющійся изъ повѣствовательнаго и драматическаго и преимущественно принадлежащій Ораторамъ. На пр. Цицеронъ въ заключеніи рѣчи за Милона восклицаетъ: «О бѣдный я! о несчастный! ты, Милонъ, могъ возвратить меня въ отечество чрезъ сихъ; а я не могу умолить ихъ, чтобы удержать тебя въ отечествѣ? какой отвѣтъ принесу я моимъ дѣтямъ, которые почитаютъ тебя вторымъ отцемъ? Что скажу тебѣ, о братъ мой, тебѣ, нынѣ отсутствующему, но въ то время дѣлившему со мною всѣ горести? Я не могъ защитить Милона предъ тѣми, чрезъ коихъ онъ даровалъ намъ спасеніе? И въ какомъ дѣлѣ не могъ? Въ дѣлѣ пріятномъ народу. Кого преклонить не могъ? Тѣхъ, которые смертію Клодія успокоены. Кто былъ ходатаемъ? Я.»

§ 121.

Изъ сказаннаго видно, что всѣ *фигуры*, украшающія рѣчь Оратора, бываютъ трехъ родовъ: однѣ изъ нихъ имѣютъ цѣлію убѣжденіе разума и въ особенности приличеству-

вленія предметовъ особыхъ предполагаютъ всѣ ограниченія сего рода. На пр. въ слѣдующемъ предложеніи: *человѣкъ смертенъ:* и подлежащее и сказуемое неопредѣленны. Но поставимъ себя на мѣсто человѣка и скажемъ: *мы смертны;* тогда предметъ предложенія будетъ опредѣленъ и одно сказуемое останется неопредѣленнымъ. Что же надлежитъ сдѣлать? Обратимъ прилагательное *смертный* въ глаголъ *умирать* будущаго времени; на пр. *мы умремъ;* ограничимъ самое время и скажемъ, что *мы сего дня вечеромъ умремъ:* предложеніе будетъ ясно и разительно. Наконецъ замѣнимъ сіе отвлеченное слово такимъ выраженіемъ, которое бы прямо ударяло въ чувства; тогда все будетъ опредѣлено, и предметъ и мѣсто и время; на пр. «Сего дня вечеромъ, сказалъ Леонидъ, мы будемъ ужинать у Плутона.»

§ 124.

Такимъ образомъ понятія отвлеченныя перемѣняются въ чувственныя; выраженіе повѣствовательное обращается въ драматическое; воображеніе переходитъ въ область фан-

ГЛАВА XV.

Объ отношеніяхъ Ораторскаго слога къ способамъ выраженія прозаическому и стихотворному.

§ 123.

Душа наша, обращаясь на собственныя дѣйствія, занимается соединеніемъ понятій общихъ и отвлеченныхъ; но, созерцая предметы внѣшніе, встрѣчаетъ одни представленія особыя. Понятія общія и отвлеченныя не ограничиваются ни временемъ, ни мѣстомъ, ни лицами; напротивъ того преста-

какъ замѣчено выше, суть здравый смыслъ, живость воображенія и сила чувства. На сихъ качествахъ основываются всѣ принадлежности слога эстетическія, какъ неизмѣняемыя такъ и случайныя, а равно и раздѣленіе его на *простой*, *средній* и *высокій*.

ГЛАВА XVI.

О внутреннемъ составѣ слога періодическаго и объ отличіи его отъ отрывистаго.

§ 127.

Слогъ еще раздѣляется на *періодическій* и *отрывистый*; первый состоитъ изъ періодовъ, послѣдній, по мнѣнію Гейнекція и Геснера, изъ запятыхъ, колоновъ и членовъ *). Цицероново опредѣленіе періода, которому обыкновенно слѣдуютъ Риторы, не совсѣмъ

*) Нѣтъ нужды входить здѣсь во всѣ тонкости, которыми занимались Гейнекцій и Геснеръ. Вопросы сихъ ученыхъ состояли въ слѣдующемъ: слѣдуетъ ли называть рѣчію колонъ или двоеточіе, и должны ли члены состоять изъ семнадцати слоговъ? «Въ отвѣтахъ своихъ они разногласятъ; то же самое, что одинъ изъ нихъ называетъ членомъ, у другаго названо колономъ.

опредѣленно. По его словамъ, періодъ есть рѣчь, обращающаяся въ кругѣ и до тѣхъ поръ бѣгущая, пока должна остановиться на мысли оконченной и совершенной. Аристотель опредѣляетъ періодъ и силлогизмъ почти одинакимъ образомъ; онъ называетъ и то и другое рѣчію, въ которой конецъ или послѣдующее необходимо и само собою (*αὐτῷ καθ' αὑτὸ*) слѣдуетъ изъ начала или предъидущаго. Гермогенъ имянуетъ періодъ эпихеремою, раздѣляемою и приводимою къ единству; и между прочимъ сравниваетъ его съ ключемъ: ибо періодъ отворяетъ мысль и замыкаетъ ее. Опредѣленія Аристотеля и Гермогена достойны особеннаго вниманія; тѣмъ болѣе, что и самые источники, изъ коихъ берутся доводы умозаключенія и распространенія періода, суть одни и тѣ же, какъ то: причина, условіе, раздѣленіе и пр.

§ 128.

Поелику умозаключенія могутъ быть одночленныя, двучленныя или энтимемы и многочленныя; то и періоды бываютъ простые, сложные, пневмы и т. д. Слѣдовательно различіе между сложнымъ предложеніемъ и про-

стымъ періодомъ, которые обыкновенно въ Риторикахъ смѣшиваются, должно основываться также на внутреннемъ ихъ образованіи; т. е. сложное предложеніе состоитъ изъ многихъ подлежащихъ или многихъ сказуемыхъ, но не имѣетъ средняго термина; напротивъ того простой періодъ заключаетъ въ самомъ себѣ средній терминъ и самъ собою можетъ быть приведенъ въ энтимему *).

---

*) Возмемъ слѣдующій примѣръ изъ Гейнекція: «М. Фабія, мужа добродѣтельнѣйшаго и обладающаго глубокими свѣдѣніями, искренняя ко мнѣ дружба весьма для меня пріятна.» Выбросьте, говоритъ Гейнекцій, сіи слова, заключающія круглоту рѣчи: *мужа добродѣтельнѣйшаго и обладающаго глубокими свѣдѣніями;* тогда періодъ обратится въ предложеніе Логическое. Но въ сихъ словахъ, возражаетъ Геснеръ, заключается не самая круглота, а одна только причина круглоты; потому что съ помощію ихъ рѣчь катится и округляется: quia flectitur ita et circumagitur. Возраженіе сіе неопредѣленно; ибо причина круглоты не въ томъ состоитъ, что рѣчь съ помощію сихъ словъ катится и округляется, а въ томъ именно, что сіи слова заключаютъ въ себѣ средній терминъ, посредствомъ котораго означенный періодъ самъ собою можетъ быть обращенъ въ энтимему; на пр. Фабій есть мужъ добродѣтельнѣйшій и съ глубокими свѣдѣніями; а по сему и искреннее его со мною обращеніе весьма для меня пріятно.

§ 129.

Періоды сложные имѣютъ также основаніе силлогистическое, на пр. «если даръ моего слова, наставленіями и правилами Архія образованный, могъ быть для кого либо полезнымъ; то поистинѣ тому мужу, отъ коего мы получили средства помогать однимъ и спасать отъ опасности другихъ, тому мужу мы обязаны, по возможности и силамъ нашимъ, подавать и помощь и спасеніе.» Сей періодъ есть полное и правильное умозаключеніе, котораго меньшая посылка занимаетъ мѣсто предъидущей части періода, большая обращена въ предложеніе вставочное и главное.

§ 130.

Вообще сложные періоды суть не что иное, какъ энтимемы, измѣняющія свою форму по качествамъ средняго термина: и посему когда средній терминъ заключаетъ въ себѣ причину, періодъ называется *винословнымъ;* когда же сей терминъ означаетъ условіе, то и періодъ бываетъ *условный.*

§ 131.

Въ періодѣ *сравнительномъ* средній тер-

ніяхъ скрывается въ самомъ сравненіи или подобіи; на пр. какъ гора Сіонъ недвижима, такъ и надѣющіеся на Бога непоколебимы; т. е. гора Сіонъ недвижима, а надѣющіеся на Бога подобны горѣ Сіону.

§ 132.

Въ періодѣ *противоположномъ* отношеніе предложенія придаточнаго къ главному основывается на общемъ понятіи о противуположности ихъ подлежащихъ. На пр. добродѣтель дѣлаетъ человѣка счастливымъ; а порокъ дѣлаетъ его несчастнымъ: здѣсь подразумѣвается слѣдующая связь: слѣдствія порока во всемъ противуположны плодамъ добродѣтели.

Въ періодѣ *изъяснительномъ* напереди ставится главное предложеніе, а въ объясненіи меньшая посылка или причина, и т. д.

§ 133.

Хріи *порядочныя* и *превращенныя*, встрѣчаемыя въ Ораторскихъ рѣчахъ, также не что иное суть, какъ различныя формы силлогизмовъ. Вообще періодическій слогъ преимущественно долженъ принадлежать Оратору.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ можетъ употреблять и рѣчь отрывистую, но въ такомъ лишь случаѣ, когда надобно выражать порывы души или описывать предметы внѣшніе, не имѣющіе тѣсной связи и внутренняго между собою отношенія.

§ 134.

Изъ всего доселѣ сказаннаго явствуетъ, что сущность Краснорѣчія состоитъ въ искусномъ выраженіи полнаго дѣйствія Ума. Сіе дѣйствіе, сопровождаемое раскрытіемъ идей истины, красоты и нравственности, отличаетъ истиннаго Витію отъ софиста, который старается обольстить и увлечь своихъ слушателей одними призраками означенныхъ идей или ложнымъ умозаключеніемъ. Правила прочихъ родовъ Словесности проистекаютъ непосредственно изъ общихъ ея началъ. Дальнѣйшимъ изъясненіемъ способностей души и взаимнаго ихъ отношенія опредѣляются самыя степени различныхъ видовъ искусства какъ Прозаическаго, такъ и Стихотворнаго, ихъ отличительныя черты, сущность и формы.

Конецъ третьей части.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ

И

ОПЫТНЫЯ

ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ IV ЧАСТЯХЪ,

сочиненіе А. Глаголева.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, 24 Октября, 1832 года.

Ценсоръ Ст. Сов. *Никита Бутырскій*.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ

И

ОПЫТНЫЯ

ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ IV.

ПЛАНЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЛАНЪ.

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ГЛАВА I.

Введеніе.

§ 1.

Подъ *Исторіею Литературы* разумѣется систематическое изложеніе всѣхъ произведеній Словесности какого-либо народа, съ показаніемъ ея начала, постепеннаго совершенствованія и причинъ, ускорявшихъ или замедлявшихъ ея успѣхи. Раздѣленіе сей Исторіи на періоды и отдѣленія можетъ имѣть мѣсто собственно въ Литературѣ самостоятельной, выражающей рѣзкими чертами различныя направленія духа и образованности народа и рѣшительное вліяніе политическихъ переворотовъ. Наша письменность

до XVII вѣка является только въ трехъ главныхъ видахъ: *церковномъ*, *гражданскомъ* и *народномъ*, которые во все продолженіе сего времени, измѣняясь въ формахъ языка, не представляютъ никакихъ значительныхъ измѣненій въ ихъ свойствахъ. Классическое ученіе, начавшее распространяться въ XVII вѣкѣ въ предѣлахъ Россіи, сближая нашу писменность съ чужеземными образцами, также еще не дало ей никакого самостоятельнаго характера. Посему и въ предлагаемомъ здѣсь *Планѣ Исторіи Русской Литературы* принято раздѣленіе ея не по періодамъ, а по предметамъ, какъ наиболѣе согласное съ существомъ ея содержанія.

§ 2.

Древніе памятники нашей Писменности могутъ быть разсматриваемы въ различныхъ ихъ отношеніяхъ къ языку, къ формамъ изложенія, а иногда и къ изящности предметовъ, внушенной природою или заимствованной отъ искусства. При критическомъ ихъ разсматриваніи нужно также принимать въ соображеніе 1-е, *вещество*, на коемъ до-

кументъ писанъ; 2-е, *языкъ* или *нарѣчіе*, употребленное авторомъ; 3-е, *почеркъ буквъ*, который какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ памятникахъ, раздѣляется на уставный, полууставный и скорописный; и 4-е, *мѣсто* сочиненія документа и разные отличительные его признаки.

§ 3.

Какъ церковные, такъ и свѣтскіе памятники языка отличаются между собою правописаніемъ и грамматическими формами, измѣнявшимися по времени. Главныя отличія древняго языка отъ средняго состоятъ:

1-е Какъ замѣчено выше, въ употребленіи полугласныхъ въ словахъ односложныхъ и двусложныхъ, заключающихъ въ срединѣ слога букву *л* или *р*, напр. *вълкъ*, *слъза*, *тръгъ*, вмѣсто волкъ, слеза, торгъ.

2-е Въ несочетаемости гортанныхъ буквъ *г*, *к*, *х*, съ тонкими гласными *е*, *ѣ*, *и*, *ю*, *я*, и буквъ шипящихъ, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, съ гласными *о*, *ы* и *ъ*; напр. вмѣсто *Кіевъ*, *гибель*, *нашь*, прежде писали: *Кыевъ*, *гыбель*, *нашъ*.

3-е Въ склоненіи именъ прилагательныхъ усѣченныхъ, которые, въ среднемъ языкѣ соединяясь съ мѣстоименіемъ личнымъ 3-го лица, образовали нынѣшнюю форму.

4-е Въ употребленіи усѣченнаго причастія, изъ котораго образовалось нынѣшнее дѣепричастіе.

Впрочемъ и сіи отличія были неопредѣленны, такъ что въ одномъ и томъ же писменномъ памятникѣ, кромѣ различныхъ формъ грамматическихъ, употреблялось и различное правописаніе; напр. въ *Словѣ о Полку Игоря* встрѣчаются: *Кыевъ* и *Кіевъ*, *Русицы* и *Русичи*, и пр.

§ 4.

Вообще Русскій языкъ почти до конца XVII столѣтія не имѣлъ установленныхъ правилъ; сочинители руководствовались однимъ употребленіемъ и обычаемъ; переписчики измѣняли текстъ рукописей иногда по прихоти, иногда стараясь принаравливать его къ нарѣчію своего мѣсторожденія. Раздѣленіе Россіи на удѣлы, имѣвшіе долгое

время особыя Правительства, — иго Монголовъ, тяготѣвшее на ней около двухъ вѣковъ съ половиною, различіе вѣроисповѣданій, препятствовавшее сношеніямъ нашихъ предковъ съ Польшею, гдѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ уже процвѣтали Науки и Словесность, — наконецъ самое вліяніе ученыхъ, родившихся и получившихъ образованіе въ Кіевѣ и Бѣлоруссіи, — все сіе полагало преграду къ развитію и процвѣтанію нашего языка отечественнаго.

§ 5.

Между тѣмъ въ XVI столѣтіи заведена была въ Москвѣ Славянская Типографія, въ коей печатались Богослужебныя книги; около половины XVII открыто было близъ Москвы въ Преображенской Пустыни ученое братство для перевода полезныхъ духовныхъ книгъ на языкъ Славянскій. Изданіе печатныхъ книгъ въ свѣтъ, появленіе нѣкоторыхъ Славянскихъ Грамматикъ и образцы краснорѣчія нашихъ Духовныхъ Витій хотя открывали средства и облегчали способы къ установленію языка Рускаго, но еще не могли имѣть на него рѣшительнаго вліянія.

§ 6.

Всякій вообще языкъ получаетъ право на гражданство въ Литературѣ только съ того времени, когда говорящій имъ народъ пріобрѣтаетъ политическую самостоятельность. Тоже самое случилось и съ нашимъ языкомъ отечественнымъ. Новая Россія, завоевавшая независимость при Іоаннѣ III и ставшая на степень Европейскихъ Государствъ, по возшествіи на Престолъ Дома Романовыхъ, переходя отъ силы въ силу, наконецъ утвердилась, возвеличилась и прославилась геніемъ Петра Великаго. Руководствуясь мудрымъ и царственнымъ правиломъ, что благоденствіе народа основывается только на его просвѣщеніи, — онъ учреждалъ для образованія юношества разныя училища, заводилъ типографіи и самъ изобрѣлъ новый почеркъ Руской гражданской печати.

§ 7.

Въ числѣ предметовъ, предначертанныхъ Петромъ Великимъ для Академіи Наукъ, Краснорѣчіе, Изящная Словесность, Практи-

ческая Философія и Ученая Исторія заняли почетное мѣсто. Творецъ Имперіи не могъ сотворить новаго слова, но положилъ ему первыя основанія. Введенныя имъ въ Россію науки, художества, промышленность и законы, распространяя сферу понятій народа, требовали новаго образа выраженій. Одинъ Славянскій языкъ былъ для сего недостаточенъ; всѣ чувствовали необходимость въ сліяніи его съ народнымъ, но никто не смѣлъ отважиться на столь трудный и опасный подвигъ. Одинъ геній Ломоносова умѣлъ положить число и опредѣлить мѣру вновь сотворенной имъ великолѣпной храминѣ Рускаго слова. Онъ первый составилъ правила собственно Руской Грамматики и изящными образцами своего слога увлекъ за собою современниковъ и потомство, и не только свѣтскихъ, но и духовныхъ Ораторовъ и Писателей.

ГЛАВА II.

О памятникахъ языка Великороссійскаго.

§ 8.

Языкъ Русскій *Гражданскій*, бывшій въ употребленіи въ народѣ, всегда отличался отъ *Богослужебнаго*, образованнаго Моравскими переводчиками по Греческому и принесеннаго въ Россію, по крещеніи жителей Кіевскихъ. Не смотря на измѣненія, претерпѣнныя имъ отъ вліянія сего послѣдняго, отъ времени, отъ сношеній съ сосѣдственными народами, онъ посреди всѣхъ политическихъ переворотовъ сохранилъ свой характеръ и геній до позднѣйшихъ временъ. Въ семъ удостовѣряютъ насъ главнѣйшіе памятники древней Руской Литературы: дипломатическіе и законодательные акты, лѣ-

тописи и въ особенности произведенія отечественной нашей Поэзіи.

§ 9.

Къ числу сихъ памятниковъ относятъ *мирный договоръ Олега съ Греками*, переданный намъ Преподобнымъ Несторомъ въ его Лѣтописи. Въ собственномъ смыслѣ сей договоръ не принадлежитъ Русской Литературѣ, но есть произведеніе Греческой Дипломатіи: ибо употребленные въ немъ обороты, словосочиненіе, счисленіе времени отъ сотворенія міра и счетъ пени Греческою монетою (да вдастъ литръ пять) ясно доказываютъ, что онъ сочиненъ по-Гречески и уже впослѣдствіи переведенъ на Русскій.

§ 10.

Изъ грамотъ или дипломовъ древнѣйшая есть писанная на пергаминѣ въ 1262 году *Грамота Великаго Князя Мстислава Владимировича* и сына его Новогородскаго Удѣльнаго Князя Всеволода Мстиславича. Подроб-

ное и ученое истолкованіе оной помѣщено въ № 15 и 16 Вѣстника Европы 1818 года.

§ 11.

Въ числѣ древнихъ нашихъ законовъ мы имѣемъ такъ называемый *Уставъ Св. Князя Владиміра о церковныхъ судѣхъ*, по коему, сообразно съ Греческими номоканонами, дѣла о монахахъ, церковникахъ, богадѣльняхъ, гостинницахъ и домахъ страннопріимства отчуждены отъ мірскаго вѣдомства и поручены разбирательству Епископовъ; но сей Уставъ почитается подложнымъ: ибо въ немъ Владиміръ пишетъ, что онъ воспріялъ святое крещеніе отъ Фотія Патріарха Цареградскаго, который умеръ еще за 90 лѣтъ до сего Великаго Князя. Въ семъ актѣ упоминается о *Тіунахъ*, Епископы названы *Пискупами*, крещеніе *хрещеніемъ;* сіи и многіе другіе анахронизмы въ званіяхъ и въ слогѣ заставляютъ думать, что Уставъ Церковный есть произведеніе позднѣйшее.

§ 12.

Въ Исторіи Рускаго законодательства одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ *Ру-*

ская правда, данная будто бы Великимъ Княземъ Ярославомъ Новгороду. Наши Археологи и Критики, говоря о законахъ, никогда не проходили молчаніемъ сего памятника, относя его по обыкновенію къ XI вѣку; но ученый сочинитель *взгляда на Рускую правду,* помѣщеннаго въ № 13, 14, 15 и 16 Вѣстника Европы 1829 года, ясно доказалъ всѣ ея анахронизмы въ понятіяхъ, въ именахъ, обычаяхъ и степени образованности, несвойственныхъ Русскому народу того времени.

§ 13.

Остается разрѣшить слѣдующіе вопросы: когда, кѣмъ и изъ какихъ источниковъ почерпнута Руская Правда. Различные ея списки, противорѣчіе однѣхъ статей другимъ и дополненія удостовѣряютъ, что составъ ея принадлежитъ разнымъ временамъ и разнымъ лицамъ или Посадникамъ Новогородскимъ. Источники ея также различны; впрочемъ она не есть списокъ съ какого-либо Уложенія Скандинавскаго, какъ называлъ ее Шлецеръ, ни съ Германскаго, какъ полагалъ Эверсъ; но вѣроятно, въ продолженіе торго-

выхъ сношеній съ Ганзейскими городами, по мѣрѣ открывавшейся нужды, заимствуема была изъ Любскаго и другихъ Правъ, служившихъ типомъ и основаніемъ законоположенія среднихъ временъ. Отсюда произошло сходство Руской Правды не только съ Скандинавскими и Германскими, но съ Салическими и другими учрежденіями южныхъ народовъ. Примѣры сего сходства можно видѣть въ *хартіи Вотландской*, данной 14 Іюля 1359 года Герцогомъ Савойскимъ и заключающей въ себѣ довольно любопытныя статьи касательно полиціи и уголовныхъ законовъ того времени. Таковы законы о пенѣ, взимаемой за побои, напр.

Въ Руской Правдѣ: ⁴

§ XI. Оже кто ударитъ батогомъ, либо чашею или рогомъ, любо тылеснею, то 12 гривенъ (продажи за обиду).

§ XII. Оже пріидетъ кровавъ мужъ на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажи 3 гривны, аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ слово противу слова; а кто ли будетъ началъ, то тому платити 60 *кунъ*.

Въ хартіи Вотландской:

Если кто въ ссорѣ ударитъ или прибьетъ другаго, и будутъ свидѣтели одинъ мущина или одна женщина, которые утвердятъ показаніе присягою предъ судіями (prud' hommes); то виноватый, бившій палкою или другимъ орудіемъ, до крови или безъ крови, платитъ Тіуну (au seigneur) 60 *су* пени, а тому, кого ударилъ 18 денегъ (deniers). Кто дастъ другому пощечину, Тіуну платитъ 5 *су* и 30 денегъ. Кто войдетъ въ чужой садъ или огородъ безъ позволенія хозяина и не для того, чтобы выгнать свой скотъ или птицу; платитъ Тіуну 10 су, а хозяину сада или огорода 5 су; (если же не въ состояніи заплатить сей пени, то повиненъ пробѣжать нагой чрезъ весь городъ); кто войдетъ въ чужой садъ или огородъ ночью, Тіуну платитъ 60 су, а хозяину 10.

§ 14.

Впрочемъ не должно терять изъ виду, что между постановленіями, составляющими Правду Рускую, есть собственно Русскія, съ особенною формою изложенія (*); нѣкоторыя

(*) См. Исторію Русскаго народа, Г. Полеваго, Т. II. стр. 172.

изъ нихъ доселѣ сохранили свою силу, другія извѣстны намъ еще изъ договоровъ Олега и Игоря съ Греческими Императорами или помѣщены въ Статутѣ Литовскомъ. Слѣды нѣкоторыхъ остаются доселѣ въ обычаяхъ Славянскихъ, напр. мщеніе кровью за кровь у Черногорцевъ. Г. Раковецкій въ книгѣ своей Prawda Ruska поступаетъ еще въ дальнѣйшія тонкости; онъ полагаетъ, что Кривичи, имѣвшіе свой столичный городъ Кревы между Вильною, Гродною и Минскомъ, издревле управлялись своими законами, что сіи законы суть остатокъ древняго Славянскаго Уложенія, которое, по причинѣ сходства языка, нравовъ, обычаевъ и вѣры, могло свято быть соблюдаемо всѣми Славянами и что духъ сего Уложенія, равно какъ и многія статьи онаго, могли потомъ перейти въ законы разныхъ Славянскихъ племенъ и особенно *въ Рускую Правду* и въ Статутъ Литовскій. Предположеніе свое о бытіи помянутаго Уложенія онъ основываетъ на гражданской образованности древнихъ Славянъ, на остаткахъ ихъ Поэзіи и въ особенности на упоминаемыхъ въ древнемъ отрывкѣ *о Судѣ Любуши* Правдодат-

ныхъ доскахъ и Законѣ вѣкожизненныхъ боговъ, Deski Prawdo-datne, sudity pozakonu Wieko-żyznych Bogow и на слѣдующемъ изреченіи: *нехвально намъ въ Нѣмцехъ искати правду, у нась правда по закону святу, юже принесеху отцы наши.* (Ne chwalno nam w Nemcech iskati praudu, u nas Praunda po zakonu swatu juże prinesechu otci nasi Wséże) (*). Желательно, чтобы ученые наши Критики, при изслѣдованіяхъ своихъ о Руской Правдѣ, приняли въ соображеніе всѣ сіи подробности и обстоятельства.

§ 15.

Исторія древней Русской Литературы въ особенности богата лѣтописями. Онѣ почти всѣ носятъ отпечатокъ языка Богослужебнаго: ибо писаны были по большей части духовенствомъ. Между сочинителями лѣтописей самое почтенное лице есть *Преподобный Несторъ*, по справедливости прозванный Отцемъ Россійской Исторіи. Онъ первый разсѣялъ мракъ неизвѣстности и басно-

---

(*) См. IX книжку Извѣстій Россійской Академіи.

словія, лежавшаго на всемъ верхнемъ Сѣверѣ. Принявъ въ образецъ своего труда времянникъ *Георгія Амартола*, Византійца, писавшаго въ IX вѣкѣ (*), и нѣкоторыхъ другихъ Историковъ, въ описаніи произшествій онъ пользовался современными преданіями и свидѣтельствомъ Кіевопечерскаго Инока, старца *Яна*, а въ означеніи годовъ рожденія Великихъ Князей, ихъ смерти и прочихъ важныхъ эпохъ, можетъ быть руководствовался церковными записками. Ясность и правдоподобіе суть главныя качества Лѣтописи Нестора. Слогъ его похожій на Библейскій, одушевленъ дѣйствіемъ лицъ, которыя онъ представляетъ всегда говорящими, какъ въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта.

§ 16.

Лѣтопись Нестора, по кончинѣ его, продолжалъ нѣкто *Василій*, который употребленъ былъ Владимірскимъ Княземъ Давидомъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Василькомъ.

(*) Сей времянникъ отысканъ Г. Строевымъ въ 1819 году въ библіотекѣ Графа Толстаго.

Сильвестръ, Епископъ Переяславскій и *Симонъ*, первый Епископъ Суздальскій, которыхъ почитали продолжателями Несторовой Лѣтописи, по мнѣнію нашего Исторіографа, были только переписчиками; имена прочихъ лѣтописцевъ большею частію или совсѣмъ неизвѣстны или извѣстны только по догадкамъ, хотя сочиненія сего рода продолжались почти безпрерывно до позднѣйшихъ временъ.

§ 17.

Драгоцѣннѣйшій памятникъ древней Русской Поэзіи есть *Ироическая Пѣснь о походѣ на Половцевъ Удѣльнаго Князя Новгорода Сѣверскаго Игоря Святославича* (*). Неизвѣстность почерка сего творенія, въ первый разъ изданнаго въ свѣтъ только въ 1800 году, и самое нарѣчіе, нѣсколько несогласное съ Славянскими и съ нашими областными, обращали особенное вниманіе ученыхъ Кри-

(*) Въ первый разъ она издана въ 1800 году въ Москвѣ съ переводомъ и примѣчаніями А. Ѳ. Малиновскаго, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго и Графа А. И. Мусина-Пушкина.

тиковъ (*). Обыкновенно полагали, что сія пѣснь сочинена въ нынѣшней Малороссіи, на языкѣ Славяно-Русскомъ, отличномъ отъ того, который существовалъ въ Россіи до перевода Священнаго Писанія, и что ея нарѣчіе, судя по нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому, нежели къ прочимъ Славянскимъ.

§ 18.

Впрочемъ не льзя не замѣтить, что для отысканія ключа къ языку и нарѣчію какого-либо памятника древности недостаточно однихъ реченій и частныхъ формъ, могущихъ вкрасться изъ областныхъ діалектовъ въ языкъ господствующій, даже и въ самый цвѣтущій періодъ его Грамматической образованности. Для сего нужно, какъ упомянуто выше, углубиться и въ духъ са-

(*) Московское Общество Любителей Россійской Словесности предлагало вопросъ: на какомъ языкѣ сія пѣснь писана: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи? *Опытъ рѣшенія сего вопроса* помѣщенъ въ XI части Трудовъ Общества.

маго памятника, во внутреннія его качества, неизмѣняемыя ни формою, ни временемъ.

§ 19.

И такъ, не довольствуясь сличеніемъ слога помянутой Пѣсни съ слогомъ Библейскимъ, лѣтописей и прочихъ писменныхъ памятниковъ, надлежитъ еще принять въ соображеніе самый геній народнаго языка Русскаго. Отличительныя черты его заключаются:

1-е Въ присвоеніи лицамъ и вещамъ постоянныхъ и опредѣленныхъ эпитетовъ, которые, составляя условный образъ выраженій цѣлаго народа, принадлежатъ равно всѣмъ періодамъ его Исторіи. Напр. въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и простомъ языкѣ *дѣвица* и *солнце* называются *красными; кони борзыми*, *море* и *Донъ синими*, *стрѣлы калеными*. У Сербовъ не употребляется уменьшительное дѣвица, а *девойка*, и не красная, а *лѣпая;* у Богемцевъ говорится *красна дѣва*, а не дѣвица; напротивъ того въ Ироической Пѣсни о походѣ Игоря на Половцевъ встрѣчается то же самое сочетаніе существительныхъ съ прила-

гательными, какое и въ нашихъ пѣсняхъ; какъ-то: »аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольци, ни нама красны дѣвице,« — »а всядемъ братія на свои бръзыя комони, да позримъ синяго Дону» — »летятъ стрѣлы каленыя.»

2-е *Сравненія*, выражаемыя въ нашемъ народномъ языкѣ творительнымъ падежемъ, встрѣчаются очень часто и въ Пѣсни о походѣ Игоря; напр. »Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.»

3-е Въ Русскомъ языкѣ имена птицъ очень часто употребляются въ томъ же смыслѣ, какой имѣютъ онѣ у Баснописцевъ, т. е. для означенія качествъ какого нибудь лица: ибо птицы, подобно звѣрямъ, большею частію отличаются опредѣленностію характера. *Соколъ* у Русскихъ означалъ всегда быстроту и удальство; въ одной народной пѣснѣ плѣненный Турками Генералъ Краснощековъ уподобляется сей птицѣ, окруженной стадомъ черныхъ вороновъ, которые дѣлаютъ ей колкія насмѣшки. Соколъ гордо имъ отвѣчаетъ:

«Какъ пройдетъ бѣда моя великая,
«Отрощу я свои крылья быстрыя,
«Я взовьюсь младъ ясенъ соколъ выше облака,
«Опущуся въ ваше стадо я быстрѣй стрѣлы.
«Перебью я черныхъ вороновъ до единаго.»

Въ Пѣсни о походѣ Игоря:

»Высоко плаваещи на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицею въ буйствѣ одолѣти.» Или: »дремлетъ въ полѣ Ольгово хораброе гнѣздо далече залетѣло; не былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине.»

4-е Сравненія отрицательныя безъ поправленія, принадлежащія однѣмъ только Русскимъ пѣснямъ и сказкамъ, встрѣчаются и въ Пѣсни о походѣ Игоря: »Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; Галици стада бѣжать къ Дону великому.»

5-е При семъ неизлишне замѣтить, что сравненія и тропы, встрѣчающіеся въ Словѣ о полку Игоря на Половцевъ, заимствованы изъ Русской природы; напр.

»Кричатъ телеги полунощи, рци лебеди распущени.» — »Игорь Князь поскочи горно-

стаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ на воду,»

6-е. Въ Русскихъ пѣсняхъ сраженіе очень часто сравнивается съ брачнымъ пиромъ; напр. умирающій воинъ говоритъ своему вѣрному коню:

«Ты скажи моей молодой вдовѣ:
«Я женился на другой женѣ;
«Насъ сосватала сабля острая,
«Положила спать калена стрѣла.«

Подобная сему картина находится и въ Пѣсни о походѣ Игоря:

»Ту креваваго вина недоста; ту пиръ до»кончаша хабріи Русичи: сваты попоиша, а »сами полегоша за землю Рускую.»

7-е Во многихъ мѣстахъ помянутой Пѣсни видны оттѣнки Русскихъ нравовъ, обычаевъ и даже Русскаго кореннаго суевѣрія; напр. что значитъ видѣнный во снѣ черный покровъ? Трауръ. Крупный жемчугъ? Слезы. Доски безъ матицы или перекладины? Лишеніе ближайшихъ членовъ семейства. Вороны, каркающіе на кровлѣ? Зловѣщія птицы. Такъ нынѣ толкуютъ сны; такъ толко-

вали и Бояре Кіевскіе сонъ, растолкованный имъ Великимъ Княземъ Святославомъ.

»А Святославъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ: си ночь съ вечера одѣвахъ те мя, рече, чръною паполомою на кроватн тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинь великый женчюгъ на лоно и нѣгують мя; уже дскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Всю нощь съ вечера Босуви врани възграяху. — И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тмутьраканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаго опустоша въ путины желѣзны.»

§ 20.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Ироическая Пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ по внутреннимъ качествамъ принадлежитъ собственно Русскому народу; самыя формы ея хотя неопредѣленны, но въ Русскомъ языкѣ не новыя; на пр. окончаніе

3-го лица наст. времени на шь употребляется доселѣ не только въ Малороссіи, но и въ губерніяхъ Орловской, Тульской и проч. Равнымъ образомъ окончанія прошедшаго времени глаголовъ дѣйствительныхъ, среднихъ и возвратныхъ, образованныя по настоящему времени: въ един. числѣ *шетъ* вмѣсто *ше* и въ 3-мъ лицѣ множ. числа *хуть* вмѣсто *ху* встрѣчаются также и въ другихъ старинныхъ памятникахъ языка, какъ-то: въ Лаврентьевскомъ спискѣ Временника Несторова, л. 98. »И даръ си отъ Бога прія, »да егда въ церковь внидяшетъ и слыша »пѣніе, и абіе слезы испущашетъ.» (Одѣвахъ *те* есть вѣроятно описка вмѣсто одѣвахуть). Еванг. Гр. Толстова 1074 года: »и разтешетъ и полотьма.»

§ 21.

Что касается до почерка Пѣсни о полку Игоря и правописанія оной, то первый, по мнѣнію нѣкоторыхъ очевидцевъ, есть Бѣлорусскій, имѣющій свой особенный характеръ, а по свидѣтельству покойнаго *А. И. Ермолаева*, видѣвшаго рукопись, до истребленія

ся въ 1812 году, есть полууставъ XV вѣка (*). Правописаніе ея согласно во многихъ словахъ съ Лаврентьевскимъ спискомъ Нестора, пергаминнымъ Новогородскимъ Лѣтописцемъ, прочими древними рукописями и даже съ Славяно-Россійскимъ Лексикономъ Памвы Берииды, напечатаннымъ въ Кіевѣ въ 1627 году. И такъ не справедливо было бы, по нѣскольнимъ лишь словамъ и оборотамъ, заключать о сходствѣ самаго стиля упоминаемой Пѣсни съ нарѣчіемъ Польскимъ; тѣмъ болѣе, что въ ней встрѣчаются нѣкоторыя выраженія, употребленныя и въ древнихъ памятникахъ Богемскихъ; напр. *ярь туръ*, *съ отня злата стола* и пр. Вѣроятно сіи и другіе подобные обороты оставались еще отъ древней Славянской Поэзіи и принадлежали равно всѣмъ нарѣчіямъ, доколѣ время и обстоятельства не положили между ними рѣзкаго раздѣленія.

§ 22.

Къ числу памятниковъ Великороссійскаго языка можно отнести сочиненія Великаго

(*) О семъ удостовѣряетъ А. Х. Востоковъ, слышавшій отъ покойнаго А. И. Ермолаева.

Князя *Владиміра Мономаха*, который въ одно и то же время былъ искусный полководецъ, тонкій политикъ и мудрый законодатель. Достопримѣчательнѣйшее его сочиненіе есть *Завѣщаніе* или *Поученіе своимъ дѣтямъ*, заключающее, кромѣ правилъ высокой нравственности христіанской, наставленіе, какъ вести себя въ частной жизни, какъ править кормиломъ Государства и вести войну съ врагами Отечества.

§ 23.

Между духовными Писателями XII вѣка прославился *Кириллъ*, Епископъ Туровскій, пріобрѣтшій витійствомъ своимъ громкое имя *втораго Златоуста*. Духовныя его поученія, исполненныя антитезъ и другихъ риторическихъ украшеній, дѣйствительно очень близко подходятъ къ краснорѣчію Греческаго Златоуста; такъ, что долгое время они считались собственнымъ произведеніемъ сего Вселенскаго Учителя и даже изданы были въ свѣтъ подъ его именемъ. Изъ прочихъ сочиненій Святителя Кирилла дошли до насъ нравоучительныя его Посланія, Житія Святыхъ Отецъ и Притчи. Послѣднія

представляютъ прекрасный образчикъ духовной мистической Поэзіи того вѣка (*).

§. 24.

Слово о Даніилѣ Заточникѣ также принадлежитъ къ достопримѣчательнѣйшимъ произведеніямъ XII вѣка. Находясь въ ссылкѣ въ одной изъ сѣверныхъ областей, Даніилъ писалъ сіе Слово къ Великому Князю Георгію Долгорукому. Оно представляетъ искусное смѣшеніе Поэзіи съ Прозою,—троповъ и сравненій, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія, съ поговорками и пословицами, изъ коихъ многія доселѣ сохранились въ народѣ. Короче скажемъ: Слово сіе можетъ почесться образцемъ древняго образованія, народности, письменнаго и даже разговорнаго языка, какой употребляли наши предки при Дворѣ и въ лучшихъ обществахъ.

§. 25.

Повѣсть Рязанскаго Іерея Софронія о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ без-

(*) Творенія Кирилла Туровскаго изданы К. Ѳ. Калайдовичемъ въ Памятникахъ Росс. Слов. XII вѣка (стр. 1—153).

численными Агаряны по красотамъ уступаетъ *Слову о полку Игоря*, но въ основаніи своемъ, въ характерахъ и въ изображеніяхъ есть самое близкое подражаніе сему послѣднему. Московское воинство описано въ немъ тѣми же красками, какими въ Пѣсни о полку Игоря изображены Куряны, повитые подъ звуками трубъ, взлелеянные подъ шлемами и вскормленные концами копій; смѣлый и предпріимчивый Димитрій Волынецъ есть списокъ съ Всеслава; Евдокія, супруга Великаго Князя, сѣтующая въ златоверхомъ теремѣ, живо напоминаетъ Ярославну, плачущую на стѣнахъ Путивля. Пѣвецъ Игоря обращается къ Бояну, соловью древнихъ временъ; Пѣвецъ Димитрія, для одушевленія воспѣваемаго имъ предмета, также призываетъ нѣкоего Урана. Самыя слова, заимствованныя въ Пѣсни Игоревой, повидимому, изъ другихъ нарѣчій, встрѣчаются нерѣдко и въ Повѣсти о нашествіи Мамая; напр. *харалужный*, *стязи*, *галици* и пр.

§ 26.

Всѣ сіи и другіе подобные памятники, подробно исчисленные въ Опытѣ Россійской

Библіографіи Г. Сопикова, по формамъ склоненій и спряженій болѣе или менѣе приближаются къ языку церковному; но отличаются отъ сего послѣдняго реченіями, оборотами и внутренними качествами, составляющими образъ выраженій, свойственный преимущественно Русскому народу.

§ 27.

Со времени рожденія Литературы Гражданской долгъ, Критика есть: А) *по части Прозаическаго Искусства* раскрыть теоріи древнихъ Риторовъ, которыя усвоивались нашими писателями посредственно или непосредственно, и съ тѣмъ вмѣстѣ исчислить систематическія учебныя книги, содѣйствовавшія образованію Россіянъ въ искусствѣ слога; В) *по части Стихотворства* означить характеръ Велико-Россійскихъ Стихотвореній того времени, когда сочинители не подчинялись правиламъ и не знали, что оныя существуютъ, а равно указать учебныя книги или теоріи Стихотворства, которыя если не творили Поэтовъ, по крайней мѣрѣ содѣйствовали образованію ума и вкуса въ людяхъ благовоспитанныхъ. Въ обоихъ сихъ

отдѣленіяхъ должны быть показаны между прочимъ успѣхи и настоящее состояніе, въ нашемъ Отечествѣ, какъ Прозаическаго Искусства, такъ и Стихотворства. Вообще источниками для Исторіи нашей Литературы и Исторической Критики могутъ служить: *Опытъ Словаря Росс. Писателей*, Новикова, *Опытъ Россійской Библіографіи* В. Сопикова, *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, Н. М. Карамзина, *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ Духовнаго чина Греко-россійской Церкви*, Митрополита Кіевскаго Евгенія, *Систематическое обозрѣніе состоянія просвѣщенія въ Россіи* съ 1801 до 1805 года, Гг. Академиковъ Шторха и Аделунга, *ученыя изслѣдованія и разсужденія* М. Т. Каченовскаго, А. Х. Востокова, К. Ѳ. Калайдовича, П. М. Строева и единственное на Русскомъ языкѣ систематическое сочиненіе, *Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы*, Н. И. Греча.

А. ПРОЗА.

ГЛАВА III.

О методахъ Греческихъ и Латинскихъ Риторовъ, служившихъ руководствомъ въ Россіи по части Прозаическаго Искусства.

§ 28.

Природа и подражаніе были почти единственными руководителями нашихъ Писателей до XVI столѣтія; методическое ученіе появилось только съ Духовными, вышедшими изъ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Получивъ образованіе свое въ Кіевской Академіи и заграничныхъ Университетахъ по древнимъ Греческимъ и Латинскимъ методамъ, они

принесли сіи методы въ Россію. Знатнѣйшія изъ нихъ по части Краснорѣчія суть *Аристотелева*, *Димитрія Александрійскаго*, *Цицеронова* и *Квинтиліанова*.

§ 29.

Ученіемъ *о мѣстахъ общихъ*, по свидѣтельству Квинтиліана (a), первые занимались *Протагоръ*, *Горгій*, *Продикъ* и *Тразимахъ*; первая мысль о необходимости соблюдать въ рѣчи число и мѣру словъ (numerus oratorius) принадлежитъ знаменитому *Исократу* (b); первое же систематическое изложеніе правилъ Краснорѣчія приписывается *Антифону*, но сочиненія его до насъ не дошли.

§ 30.

Аристотелева Риторика раздѣлена на три книги. Онъ опредѣляетъ Краснорѣчіе способностію видѣть въ каждомъ предметѣ все, что можетъ служить орудіемъ убѣжденія (c). Доводы бываютъ двухъ родовъ: или

(a) De institutione oratoria lib. III. c. 1.

(b) Brutus. 8.

(c) *Ἔστω δ' ἡ ῥητορικὴ δύναμις περὶ ἕκαστον τοῦ θεωρῆσαι τὸ ἐνδεχόμενον πιθανόν*. Rhetor. lib. I. c. 11.

заимствуемые Ораторомъ извнѣ; какъ-то: свидѣтели, писменные акты и пр. или имъ самимъ изобрѣтаются. Сила доводовъ зависитъ отъ нравовъ говорящаго, отъ свойства слушателей и отъ самаго образа изложенія. Обыкновенно они излагаются въ видѣ Энтимемы или примѣра, соотвѣтствующихъ Силлогизму и такъ называемому въ Логикахъ наведенію (inductio, заключеніе отъ частей къ цѣлому и отъ особыхъ къ виду). Энтимемы извлекаются изъ частныхъ мѣстъ, принадлежащихъ каждому роду краснорѣчія въ особенности, или изъ общихъ мѣстъ. Родовъ Краснорѣчія есть три: совѣщательный, судебный и похвальный. Во второй книгѣ Аристотель разбираетъ страсти, ихъ происхожденіе, силу и свойства; потомъ разсуждаетъ о нравахъ юношей, старцевъ, людей благородныхъ, богатыхъ, могущественныхъ, счастливыхъ; о мысляхъ, о способѣ изобрѣтенія, о разрѣшеніи Энтимемъ. Въ третьей книгѣ предлагаются правила слога или выраженія и частей, составляющихъ Ораторскую рѣчь.

§ 31.

Существенную основу Ораторскаго искусства Аристотель полагаетъ въ подчине-

нія предметовъ частныхъ истинамъ общимъ или въ совокупномъ разсмотрѣніи первыхъ съ послѣдними и въ выводѣ слѣдствій и заключеній, но изъ однихъ лишь тѣхъ предложеній, которыя требуютъ доводовъ (*).

§ 32.

Риторика *Анаксимена Лампсакійскаго*, посвященная Александру Великому, какъ по содержанію, такъ и по плану сходствуетъ съ Аристотелевою. Три извѣстные рода Краснорѣчія раздѣлены въ ней на семь видовъ, кои суть убѣжденіе, опроверженіе, похвала, порицаніе, обвиненіе, защищеніе и вопросъ, подлежащій разрѣшенію (quaestio).

§ 33.

Димитрій Александрійскій сначала излагаетъ правила о запятыхъ и двоеточіяхъ, которыя у него почти то же значатъ, что простыя предложенія и части періода; потомъ о разныхъ родахъ періодовъ и о четырехъ качествахъ хорошаго слога: простотѣ, великолѣпіи, красотѣ и силѣ.

(*) Aristotelis Rhetoric. Lib. I. cap. II.

§ 34.

Изъ *Цицероновыхъ* сочиненій о Краснорѣчіи до насъ дошли 1) двѣ книги *о изобрѣтеніи*, 2) три разговора объ *Ораторѣ*, 3) *Брутъ* или разговоръ о знатнѣйшихъ Витіяхъ, 4) *Ораторъ*, 5) *Топики*, сокращенные изъ Аристотелевыхъ, 6) *о лучшемъ родѣ Ораторовъ* и 7) *о дѣленіи Ораторскомъ*, de partitione Oratoria. Въ послѣднемъ предлагаются сокращенно въ видѣ разговора между сыномъ Цицерона и имъ самимъ всѣ правила, изложенныя въ предъидущихъ. Наука о Краснорѣчіи раздѣляется здѣсь на три части: на силу Оратора, самую рѣчь и предметъ рѣчи. Сила заключается въ изобрѣтеніи, расположеніи, выраженіи, памяти и произношеніи. Рѣчь состоитъ изъ приступа, изложенія или расказа, утвержденія и заключенія. Предметомъ рѣчи бываютъ неопредѣленные или опредѣленные вопросы.

§ 35.

Изъ всѣхъ частей Ораторской рѣчи самою важною Цицеронъ почитаетъ ту, въ которой предлагаются истины общія; и вся-

кая мысль еще не опредѣленная и могущая подлежать сужденіямъ (κρινόμενον) и словопренію, всегда должна, по мнѣнію его, приводима быть къ вопросамъ постояннымъ и вѣчнымъ, то есть, къ истинамъ общимъ (*). Тоже самое Цицеронъ предписывалъ и сотворенному его воображеніемъ Оратору. »Ораторъ не обыкновенный, говоритъ онъ, но совершеннѣйшій, котораго я ищу, долженъ всегда, сколько возможно, устраняться отъ преній частныхъ объ извѣстныхъ лицахъ и объ опредѣленномъ времени. Ибо удобнѣе разсуждать о родѣ, нежели о части, и что доказано вообще, неминуемо доказано будетъ и въ частности (**).»

§ 36.

Главное отличіе системы *Квинтиліановой* отъ Аристотелевой и Цицероновой заключается въ томъ, что онъ, по изложеніи правилъ изобрѣтенія и выраженія, предлагаетъ и самые способы нравственнаго образо-

(*) Orator. c. XV. 126.
(**) Orator. c. VII. 45.

ванія Оратора. Впрочемъ о немъ можно сказать то же, что онъ самъ сказалъ о себѣ: »nullius sectae addictus, contulit plurium in unum inventa.»

§ 37.

Сіи теоріи древнихъ посредственно или непосредственно усвоивались всѣми Риторами временъ новѣйшихъ, и почти до половины XVIII столѣтія служили руководствомъ не только во всѣхъ иностранныхъ Университетахъ, но и въ Академіяхъ Кіевской и Славяно-Греко-Латинской Московской, и во всѣхъ духовныхъ училищахъ, заведенныхъ въ Россіи Петромъ Великимъ. До половины XVIII столѣтія почти всѣ и новыя руководства, основанныя на древнихъ теоріяхъ, сочиняемы были на одномъ только языкѣ Латинскомъ, какъ по укоренившемуся еще со времени возстановленія просвѣщенія предразсудку, что ученые предметы должны быть излагаемы только на языкѣ ученомъ или мертвомъ, такъ и по недостатку ученой терминологіи языковъ новѣйшихъ и по затрудненіямъ, которыя испытываемы были Сочинителями отъ сего недостатка.

ГЛАВА IV.

О достопримѣчательнѣйшихъ Русскихъ Риторикахъ.

§ 38.

У насъ первый отважился преодолѣть затрудненія и предразсудки своего вѣка преобразователь нашего языка и Краснорѣчія безсмертный *Ломоносовъ*. Изданная имъ Риторика заключаетъ въ себѣ ученіе о Краснорѣчіи вообще, какъ Прозаическомъ, такъ и Стихотворномъ. По предположенному имъ плану она составляетъ только введеніе въ *Ораторію* и *Поэзію*; но сей планъ, къ сожалѣнію, не былъ приведенъ въ исполненіе.

§ 39.

Риторика Ломоносова состоитъ изъ трехъ частей: I) о Изобрѣтеніи; II) о Украшеніи; III) о Расположеніи. Изобрѣтаются идеи, доводы и витіеватыя рѣчи (sententiae), изъ общихъ Риторическихъ мѣстъ. Сіи мѣста, составляющія первую главу его Риторики, предложены по плану руководствъ, основанныхъ на Аристотелѣ, но съ разсужденіемъ и здравою критикою. Такъ называемыя внѣшнія мѣста, примѣры, свидѣтели, пытка (quaestio) и самое опредѣленіе Авторомъ исключены; ибо они входятъ въ составъ прочихъ; напр. Опредѣленіе есть идея, сложенная изъ идей рода и свойствъ, которыя сами по себѣ составляютъ два особыя мѣста. Статью *о возбужденіи, утоленіи* и *изображеніи страстей*, слѣдуя Аристотелю, онъ основалъ на нравахъ Оратора, на склонностяхъ слушателей и самомъ образѣ убѣжденія: in moribus ejus, qui dicit, et in eo, ut auditor afficiatur aliquo modo, et in ipsa ratione, qua demonstret Orator aut demonstrare videatur. Въ главѣ о *вымыслахъ*, подъ коими онъ разумѣетъ всѣ умственные предметы, облекае-

мые въ образъ, искусно сближаетъ искусство Ораторское съ Поэзiею.

§ 40.

Украшенiе, составляющее вторую часть Риторики Ломоносова, слѣдовало бы назвать вообще Выраженiемъ. Ибо предлагаемыя въ ней чистота штиля, тропы реченiй и самое теченiе слова (numerus Oratorius), по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, суть качества Грамматическiя и принадлежать равно всякой простой и легкой прозѣ, какъ и слогу Ораторскому.

§ 41.

Располагаются изобрѣтенные предметы по Хрiямъ, Силлогизмамъ, Разговорамъ и Описанiямъ. Ломоносовъ доказываетъ многими примѣрами, что разные виды Силлогизма не только служатъ основанiемъ разныхъ прозаическихъ сочиненiй, но и разныхъ стихотворенiй. Къ симъ послѣднимъ относитъ онъ 30-ю Оду III-й книги Горацiя: *Я знакъ безсмертiя себѣ воздвигнулъ*; также и собственныя свои Оды: *Лице свое скрываетъ день* и *Хвалу Всевышнему Владыкѣ*.

§ 42.

Одна изъ существенныхъ частей Риторики, — ученіе о строеніи періодовъ, — предложена Ломоносовымъ слишкомъ кратко; виды ихъ не исчислены и самое различіе Логическаго предложенія отъ простаго періода и отъ членовъ періода сложнаго неопредѣлено; напр. слѣдующій періодъ: »Ежели бы небо благоволило, чтобы человѣкъ препровождалъ жизнь свою безбѣдно; то бы онъ своего счастія не могъ чувствовать,» — називалъ тричленнымъ; и между словами *благоволило* и *чтобы* поставленъ знакъ препинанія (;), употребляемый только для раздѣленія членовъ періода. Можетъ быть есть и еще нѣсколько подобныхъ недостатковъ, не избѣжныхъ при первоначальномъ появленіи Систематическихъ руководствъ; но основа и строгая связь всей вообще его Теоріи; ясность и точность въ опредѣленіяхъ, изложеніе способовъ, какъ скрывать механизмъ періодовъ, Хрій и Силлогизмовъ подъ формами Фигуръ, Разговоровъ и Описаній, служатъ доказательствомъ тонкости его вкуса и глубокаго знанія всѣхъ тайнъ того искусства, коимъ онъ стяжалъ себѣ безсмертіе.

Примѣры, приводимые Ломоносовымъ въ Риторикѣ, почти всѣ заимствованы имъ изъ самыхъ источниковъ Краснорѣчія, т. е. изъ рѣчей Димосѳена, Цицерона, Плинія и другихъ древнихъ Ораторовъ, которые служили и ему самому первыми учителями и образцами.

§ 13.

Неизлишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь о *Краткомъ руководствѣ къ Ораторіи Россійской*, сочиненіи Префекта Іеромонаха *Амвросія*, по коему образовались многіе изъ духовныхъ Ораторовъ, и которое въ первый разъ появилось въ свѣтъ въ 1788 году. Въ расположеніи сего Руководства Авторъ слѣдовалъ древнимъ и новѣйшимъ Риторамъ; но примѣры приводилъ почти изъ однихъ только Россійскихъ Писателей. Онъ первый предложилъ на Русскомъ языкѣ правила о различныхъ родахъ доказательствъ, свойственныхъ каждому роду Ораторскихъ рѣчей въ особенности; самыя рѣчи раздѣляетъ на два рода: на *показательный* (demonstrativum) и *совѣтовательный* (deliberativum), включая въ сихъ двухъ и третій родъ *судебный*. Ав-

торъ заплатилъ дань своему вѣку подробнымъ исчисленіемъ рѣчей поздравительныхъ съ бракомъ, днемъ рожденія, чиномъ и пр.

§ 44.

Помянутое Руководство раздѣляется на четыре части по главнымъ должностямъ Оратора: на Изобрѣтеніе, Расположеніе, Украшеніе, и Произношеніе; но Краснорѣчію приписывается преимущественно одно украшеніе, состоящее въ изображеніи изобрѣтенныхъ, и расположенныхъ вещей пристойными выраженіями. Въ концѣ сей книги предложены вкратцѣ разные роды штиля и ихъ качества. Достойно замѣчанія, что Авторъ сего Руководства еще слишкомъ за двадцать лѣтъ до спора, возникшаго о старомъ и новомъ слогѣ, училъ, что собственно Русской штиль не можетъ быть довольно изобиленъ и высокъ безъ Славянскаго и что нѣтъ однако же ничего противнѣе слуху, какъ нелѣпое соединеніе чистаго Россійскаго реченія непосредственно съ чистымъ Славянскимъ.

§ 45.

Помянутый споръ возникъ съ появленіемъ въ 1802 году книги А. С. Шишкова *о Старомъ и Новомъ Слогѣ*. Авторъ сильно напалъ на страсть къ Французскому языку, на употребленіе галлицизмовъ и на смѣшныя новизны, которыми новые Писатели портили языкъ, мечтая подражать Карамзину. Въ Литературномъ мірѣ произошли двѣ партіи; одна съ жаромъ возстала противъ Славянскихъ оборотовъ и обветшалыхъ словъ, одичавшихъ для Русскаго уха; другая силилась обнаружить всѣ излишества подражателей Карамзина, вставлявшихъ вмѣстѣ съ галлицизмами цѣлыя Французскія строки въ страницы, печатаемыя Русскими буквами. Умѣренная и здравая Критика, воспользовавшись симъ противоборствомъ, изыскивала средства опредѣлить число и мѣру сближенія языка Русскаго съ Славянскимъ и чрезъ сліяніе старыхъ словъ съ новыми формами склоненій и спряженій установить слогъ легкій, чистый и ясный.

§ 46.

Появленіе Риторики *Г. Рижскаго*, кото-

рая въ первый разъ издана въ свѣтъ въ 1796 году, составило новую эпоху въ Исторіи Русской Литературы, по части Теоріи Краснорѣчія. До сего времени Русская Риторика, ограничиваясь однимъ механизмомъ, сооруженнымъ древними Риторами, оставалась какъ бы безъ дѣйствія и въ усыпленіи; Г. Рижскій, слѣдуя за ходомъ просвѣщенія Европейскаго, распространилъ ея предѣлы, и сближая Краснорѣчіе съ основаніями Эстетики, старался дать оному новое направленіе и новую душу. Предложенныя имъ правила о строеніи періодовъ, о разныхъ родахъ и качествахъ слога, объ источникахъ высокаго, о Вкусѣ и Изящномъ, какъ предметѣ Вкуса, всегда будутъ имѣть свою важность и цѣну.

§ 47.

Правила Словесности Г. Профессора *Толмачева* также заслуживаютъ вниманіе. Онъ основываетъ свою теорію на трехъ способностяхъ души: *разсудкѣ, воображеніи* и *страстяхъ*. Отсюда происходятъ три рода слога и три рода фигуръ. Разсудокъ, раждая понятія, дѣлаетъ слогъ яснымъ, точнымъ и

вѣрнымъ; картины воображенія также должны быть ясны, красивы, точны и сообразны предмету. По тремъ способностямъ души Писатели раздѣляются на Философовъ, Стихотворцевъ и Витій. *Высокое* также раздѣляется на три рода: высокое разсудка, воображенія и страстей. Къ первому относятся истины отвлеченныя, ко второму отважныя мысли и предметы, огромностію или силою изумляющія.

§ 48.

Начало, принятое въ основаніе помянутой теоріи, довольно обширно и просто; но Авторъ не даетъ отчета, почему именно три способности, а не болѣе и не менѣе должны управлять всею системою Словесности; онъ не объясняетъ дѣйствій ихъ ни Логикою, ни Психологіею; притомъ и самъ не строго держится своей основы. Разные роды предложеній и источниковъ изобрѣтенія, періодовъ и хрій не введены въ область помянутыхъ способностей души. Онѣ теряются изъ виду и въ статьяхъ о соразмѣрности между мыслями и словами, о есте-

стренной простотѣ въ противоположномъ отношеніи къ искусству, о главныхъ средствахъ усовершенствованія слога и пр. Роды рѣчей, вопреки началу, раздѣлены только на поучительные и описательные. Изъ Прозаическихъ сочиненій въ семъ обширномъ курсѣ предлагаются только Рѣчи, Письма и Разговоры. Объ Авторѣ его можно почти то же сказать, что сказано выше о Квинтиліанѣ: nullius sectae addictus, contulit plurium in unum inventa.

§ 49.

Изъ всѣхъ, изданныхъ Русскими Авторами, пространныхъ и краткихъ курсовъ Краснорѣчія, первенство принадлежитъ *Краткому начертанію теоріи Изящной Словесности А. Ѳ. Мерзлякова*. Не нужно говорить о достоинствахъ плана теоріи, который заимствованъ изъ Эшенбурга; можно только замѣтить, что чистота, точность и ясность изложенія сей книги, изліяніе собственной души незабвеннаго наставника молодыхъ нашихъ Литераторовъ, останутся навсегда образцами учебнаго слога. Вообще образова-

нію онаго много содѣйствовали Профессоры Московскаго Университета какъ своими произведеніями, такъ и развитіемъ теоріи Вкуса. Имъ обязаны своими успѣхами Эстетика, Критика и разныя отрасли наукъ.

§ 50.

Справедливость требуетъ упомянуть здѣсь о занятіяхъ *Бесѣды Любителей Русскаго Слова* и *Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности.* Чтенія Бесѣды, состоящія изъ произведеній отличныхъ нашихъ Писателей, напечатаны въ двадцати особыхъ книжкахъ. Воспоминанія объ оныхъ тѣсно соединены съ памятью безсмертнаго *Державина*, въ домѣ коего происходили засѣданія Членовъ Бесѣды. Въ Трудахъ Московскаго Общества, составляющихъ нынѣ около 30 книгъ, — сверхъ изящныхъ образцевъ въ стихахъ и прозѣ, разсѣяны многія весьма полезныя разсужденія о Словесности. Успѣхамъ сего Общества много содѣйствовалъ бывшій Предсѣдатель онаго и Ректоръ Университета, *А. А. Прокоповичъ Антонскій*, извѣстный своею дѣятельностію, основатель-

ными свѣдѣніями въ отечественномъ языкѣ и тонкостію вкуса. Онъ умѣлъ привлечь отличныхъ нашихъ Литераторовъ къ принятію участія въ общеполезномъ дѣлѣ усовершенія Русскаго слова.

ГЛАВА V.

О характеристикѣ Русскихъ Прозаиковъ и о настоящемъ состояніи Русской Прозы.

§ 51.

Наше Классическое Краснорѣчіе началось духовнымъ витійствомъ, которое появилось въ Москвѣ еще въ XVII столѣтіи вмѣстѣ съ *Симеономъ Полоцкимъ*, и въ царствованіе Петра Великаго считало уже многихъ духовныхъ Ораторовъ. Между сими послѣдними первое мѣсто занимаетъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, одинъ изъ великихъ сотрудниковъ Петра и просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени. Онъ сочинялъ книги бого-

словесія, историческія, политическія и прагматическія. Въ проповѣдяхъ его, рѣчахъ похвальныхъ и надгробныхъ видны зрѣлыя мысли, сила доказательствъ и Ораторская хитрость располагать части слова, скрывая внутренній составъ онаго цвѣтами Краснорѣчія. Прокоповичъ, прозванный Россійскимъ Златоустомъ, отличался отъ современныхъ ему Духовныхъ Витій, *Димитрія святаго* и *Яворскаго*, тѣмъ, что онъ, уклоняясь отъ книжнаго языка, примѣтно старался приблизиться къ употребительному въ общежитіи, хотя и не могъ, говоря о новыхъ учрежденіяхъ, избѣжать словъ простонародныхъ, Малороссійскихъ и иностранныхъ. Изъ современниковъ его особенную извѣстность пріобрѣлъ *Гавріилъ Бужинскій*; его проповѣди отличались обиліемъ хорошихъ мыслей, полнотою періодовъ и искуснымъ выборомъ и сочетаніемъ реченій Славянскихъ. Многіе изъ нихъ произнесены были на корабляхъ во флотѣ и въ походахъ съ Петромъ Великимъ, который всегда слушалъ его съ особливымъ удовольствіемъ. По восшествіи на Престолъ Императрицы Елисаветы, прославились на поприщѣ ви-

тійства *Димитрій Сѣченовъ*, *Амвросій Юскевичь* и преимущественно Придворный Проповѣдникъ *Гедеонъ Криновскій*, который, вопреки обыкновенію своихъ современниковъ, уже употреблялъ языкъ Гражданскій, съ его формами и синтаксисомъ. Гедеонъ въ особенности отличался чувствомъ Ораторскимъ, даруемымъ одною природою (*).

§ 52.

Вѣкъ Екатерины II ознаменованъ былъ появленіемъ свѣтила нашей Церкви *Платона*, котораго одинъ изъ ученыхъ иностранцевъ, въ сочиненіи своемъ *о старости*, очень остроумно назвалъ старымъ или древнимъ Платономъ, воскресшимъ для того, дабы излить небесный свѣтъ на землю. Сей мудрый Архипастырь (какъ справедливо замѣчаетъ описатель его жизни) училъ правиламъ Христіанской нравственности не въ утонченныхъ отвлеченностяхъ, не въ приду-

(*) Характеристика сихъ и прочихъ современныхъ имъ Духовныхъ Витій подробно изложена въ ученомъ *взглядѣ на успѣхи Росс. Витійства въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія*, М. Т. Каченовскаго.

маннылъ словоизвитіяхъ, не съ желаніемъ блистать умомъ и ученостію, но съ убѣжденіемъ сердца въ истинахъ, имъ предлагаемыхъ, съ примѣненіемъ слова своего смыслу слушателей: *душа его изыде словомъ его.* Онъ обладалъ отличнымъ даромъ увлекать ихъ выразительностію своего органа, лица, осанки и тѣлодвиженій. Сіи качества, очаровывавшія его современниковъ, умрутъ вмѣстѣ съ ними; но высокій его геній будетъ жить и въ простыхъ пастырскихъ его поученіяхъ, составляющихъ училище Христіанскаго благочестія, и въ безсмертныхъ памятникахъ его высокаго, воодушевленнаго Краснорѣчія: въ образцовыхъ словахъ *на разбитіе Турецкаго флота подъ Чесмою, на коронованіе АЛЕКСАНДРА І-го, въ надгробной В. К. Наталіи Алексѣевнѣ* и многихъ другихъ (*). — Глубокое чувство сострадація о

(*) См. *Начертаніе житія Платона Митрополита Московскаго*, соч. Профессора Москов. Унив. И. М. Снегирева. Авторъ, одушевленный признательностію и благоговѣніемъ къ памяти сего великаго Пастыря, пользовавшагося уваженіемъ Двора, Отечества и знаменитѣйшихъ особъ въ Европѣ, сохранилъ намъ въ семъ сочиненіи многія весьма любопытныя черты его жизни, характера и генія.

бѣдствіяхъ и притѣсненіяхъ, кои Православная Церковь претерпѣвала на Западѣ при Польскомъ Правительствѣ, воодушевило истинный талантъ *Георгія Конисскаго* (Архіепископа Бѣлорусскаго) и поставило его на чреду нашихъ первыхъ Ораторовъ Духовныхъ. Сіе чувство служило основаніемъ двухъ прекрасныхъ его рѣчей: Латинской, говоренной имъ (27 Іюля 1765 года) въ Варшавѣ предъ новоизбраннымъ Королемъ Станиславомъ (*), и Русской, произнесенной имъ предъ Императрицею Екатериною II-ю послѣ коронованія Ея въ Москвѣ. Одна изъ привѣтственныхъ рѣчей его, по случаю проѣзда Императрицы въ 1787 году чрезъ Могилевскую губернію, также почитается неподражаемымъ произведеніемъ витійства, плодомъ истиннаго вдохновенія. Преемникъ Георгія по управленію Бѣлорусскою Епар-

---

(*) Подлинникъ сей рѣчи находится въ Исторіи объ Уніи, Г. Бантышъ-Каменскаго, а переводъ напечатанъ былъ въ No. 14-мъ Вѣстника Европы на 1804 годъ. Король Станиславъ, выслушавъ сію рѣчь, спросилъ: „много ли въ Россіи такихъ умныхъ людей, какъ вы?“ „Я самый послѣдній,“ отвѣчалъ Преосвященный.

хіею, *Анастасій Братановскій*, былъ преемникомъ и его дара Краснорѣчія. Соглашая человѣчество съ Христіанствомъ и Философію съ ученіемъ Святаго Евангелія, онъ преимущественно заимствовалъ свои доказательства изъ первой, и умѣлъ самыя отвлеченныя истины излагать слогомъ пріятнымъ, исполненнымъ движеній и до безконечности разнообразнымъ. Самый языкъ его проповѣдей, не смотря на нѣкоторыя слова обветшалыя и на излишество свободы въ словорасположеніи, уже сливается въ формахъ съ языкомъ новѣйшимъ. Сего не льзя сказать о знаменитомъ *Левандѣ*. Слогъ его еще носитъ на себѣ отпечатокъ суровости его современниковъ; но онъ беретъ надъ всѣми ими преимущество силою мыслей и чувствованій, убѣждающихъ умъ и сердце.

§ 53.

Въ царствованіе Благословеннаго Александра, открывшаго новыя средства къ образованію Духовенства, явились новые и отличные Духовные Витіи. Первенство между ними по справедливости должно быть

предоставлено *Амвросію Протасову*, Епископу Тульскому, впослѣдствіи бывшему Архіепископомъ Казанскимъ, а потомъ Тверскимъ. Кругъ дѣйствій сего Архипастыря былъ ограниченнѣе его талантовъ; но онъ не скрылъ ихъ подъ спудомъ. Амвросій соединялъ въ себѣ все нужное для Оратора: ученость, образованность, вкусъ и глубокое знаніе людей и вѣка. Тонъ его рѣчей большею частію средній, принаровленный къ классу слушателей. Чистота, пріятность и гармонія его слога были плодомъ одного сердца, изліяніемъ того пламеннаго, ревнующаго о вѣрѣ и доблести чувства, которое ниспосылается лишь свыше. Вотъ тѣ орудія, съ коими онъ возставалъ столь смѣло противъ гражданъ, измѣнявшихъ вѣрѣ, долгу или чести, и коими онъ увлекалъ въ плѣнъ ихъ умъ и сердце. Лучшими изъ рѣчей его почитаются говоренныя имъ въ продолженіе управленія Тульскою паствою съ 1804 по 1815 годъ (*). Къ образцамъ Духовнаго

(*) Митрополитъ Платонъ, читая краснорѣчивыя слова Амвросія, сказалъ однажды съ свойственнымъ ему добродушіемъ и смиреніемъ: „Если бы я писалъ такъ, какъ

Витійства можно также отнести нѣкоторыя слова и рѣчи Архіепископа Московскаго *Августина*, говоренныя имъ по случаю побѣдъ, одержанныхъ Россійскими войсками надъ Французскими силами.

§ 54.

Въ наше время Духовное Краснорѣчіе получило другое направленіе. Оно повидимому имѣетъ цѣлію насадить добродѣтель и страхъ Божій въ сердцахъ слушателей посредствомъ простоты Евангельской и убѣдительности духовной, почитая какъ бы неприличнымъ *для себя* средствомъ прибѣгать къ украшеніямъ Ораторскимъ на томъ священномъ мѣстѣ, гдѣ устами Проповѣдника должна бесѣдовать Вѣчная Истина. Сіе правило было принято въ основаніе еще самимъ Платономъ, какъ видно изъ его отзывовъ о своихъ поученіяхъ; оно поддерживаемо было Митрополитомъ С. П. Бургскимъ *Михаиломъ* въ его бесѣдахъ, и наконецъ

онъ; то вся бы Россія сходилась меня слушать." Преосвященный Платонъ разумѣлъ здѣсь неподражаемый свой даръ произношенія.

утверждено и распространено изящными образцами Московскаго Митрополита *Филарета*, почитаемаго первымъ Духовнымъ Ораторомъ нашего времени. — Поучительныя слова и рѣчи Магистра Священника *А. И. Малова*, при ясномъ и чистомъ изложеніи, дышатъ Христіанскою простотою, возбуждающею особенную довѣренность къ проповѣднику.

§ 55.

Предѣлы плана предлагаемой здѣсь Исторіи Русской Литературы не позволяютъ намъ входить въ подробныя изъясненія характеристики всѣхъ нашихъ свѣтскихъ Писателей; мы ограничимся однимъ наименованіемъ ихъ и въ особенности тѣхъ, кои талантами и трудами своими преимущественно содѣйствовали къ усовершенію Русскаго слова въ разныхъ его отрасляхъ. Въ Ораторскомъ слогѣ первенство принадлежитъ образователю нашего языка *Ломоносову*, показавшему въ Похвальныхъ Словахъ своихъ Петру І-му и Елисаветѣ высокіе образцы Краснорѣчія. Подлѣ сихъ словъ могутъ быть поставлены двѣ рѣчи: *о пользѣ*

и важности Философіи и торжественное Слово на день Коронованія Императрицы Елисаветы *Поповскаго*, похвальныя Слова Императрицѣ Екатеринѣ II-й *Карамзина*, Императору Александру I-му *Мерзлякова* и *Князя Ширинскаго - Шихматова*, Генералъ-Фельдмаршалу Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому, *Панаева*. Достойны также особеннаго вниманія Академическія рѣчи, произнесенныя въ разныя времена на разные случаи въ Императорской Академіи Наукъ Президентомъ оной *С. С. Уваровымъ*, въ Императорской Россійской Академіи Президентомъ *А. С. Шишковымъ*, въ Московскомъ Обществѣ Любителей Росс. Словесности Предсѣдателемъ онаго *А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ*, и рѣчь *Н. М. Карамзина* въ собраніи Россійской Академіи 5 Декабря 1818 года.

§ 56.

Къ изящнѣйшимъ образцамъ *Военнаго Краснорѣчія* могутъ быть отнесены въ *высокомъ слогѣ:* приказы войскамъ Императора Александра I-го въ знаменитую войну съ Французами и приказы Генералъ-

Фельдмаршала Князя Варшавскаго, Графа *Паскевича-Эриванскаго*, въ продолженіе блистательныхъ побѣдъ его въ Турціи въ 1828 и 1829 годахъ (см. въ книжкѣ: *послѣдняя война съ Турціею*, П. А. Іовскаго); а въ *простонародномъ* Русскомъ *тонѣ*, родномъ для нашихъ воиновъ, Приказы и Инструкціи *Суворова* Чудобогатырямъ (о слогѣ его см. сочиненіе Кн. *В. Н. Репнина* въ 23 N Атенея 1828 года).

§ 57.

Ученыя Разсужденія, по принятому въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ обычаю, по большей части пишутся на языкѣ Латинскомъ; сей обычай, хотя и полезный въ ученомъ отношеніи, лишаетъ Русскую Литературу многихъ важныхъ преимуществъ, по праву ей принадлежащихъ. На Русскомъ языкѣ занимательнѣйшія по важности предлагаемыхъ въ нихъ предметовъ суть слѣдующія: *о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами* 1812 *года*, Московск. Митр. Филарета; *о любви къ отечеству и народной гордости*, Карамзина; *о причинахъ*,

замедляющихъ успѣхи нашей Словесности, Гнѣдича; *о морали, основанной на Философіи и Религіи*, Батюшкова; *кто истинно добрый и счастливый человѣкъ*, Жуковскаго; *о пользѣ Физики*, Ломоносова; *о старомъ и новомъ слогѣ Росс. языка*, Шишкова; *о Славянскомъ языкѣ*, Востокова.

§ 58.

По части *учебной* достойны уваженія труды *Тредьяковскаго*, *Ломоносова*, *Соколова*, *Борна*, *Рижскаго*, *Никольскаго*, *Талызина*, *Левитскаго*, *Кошанскаго*, *Остолопова*, *Могилевскаго*, *Галича*, *Плаксина*; лучшія по способу изложенія учебныя сочиненія принадлежатъ *А. Ѳ. Мерзлякову*, *Н. И. Гречу*, *И. И. Давыдову*, Автору (изъ духовныхъ) *Опыта Теоріи Словесныхъ Наукъ*, изданнаго въ 1832 году, и пр.

§ 59.

По части *Теоріи* и *Исторіи Изящныхъ Художествъ* писали *А. Н. Оленинъ*, *М. Т. Каченовскій*, *А. А. Писаревъ*, *В. И. Григоровичъ*, *А. И. Галичъ*, *Н. И. Надеждинъ* (о современномъ направленіи Из. Искусствъ) и *М. Е. Ло-*

бановъ, (выставка Академіи Художествъ 1833 года). Разысканія Г. Профессора Каченовскаго по поводу старинной золотой медали, открытой въ Черниговѣ, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы 1822 года, обратили особенное вниманіе Парижской Академіи Наукъ, въ которой они были читаны въ переводѣ.

§ 60.

Общій голосъ просвѣщенныхъ судей нашей Литературы нарекъ *Мерзлякова* первенствующимъ въ ареопагѣ нашей *Критики.* Острый и проницательный взглядъ, вѣрный вкусъ, любовь къ справедливости, искренность и тонъ благородный, умѣренный составляютъ отличительныя его качества. Самые восторги его, если онъ когда-либо себѣ ихъ позволяетъ, проистекаютъ отъ одного лишь глубокаго чувства изящности, свободнаго отъ всякаго пристрастія и личностей. Критика *А. С. Шишкова*, всегда согрѣтая пламенною любовію къ языку отечественному, непримѣтнымъ образомъ содѣйствовала къ избавленію онаго отъ навожденія духа иноплеменной Лите-

ратуры. Сочиненія *М. Т. Каченовскаго: Разсужденіе о Похвальныхъ Словахъ Ломоносова и взглядъ на успѣхи Россійскаго Витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія* по справедливости поставляются образцами ученыхъ критическихъ изслѣдованій. Общею Характеристикою нашихъ Прозаическихъ Писателей и Поэтовъ съ успѣхомъ занимались, кромѣ Мерзлякова, *Карамзинъ, Макаровъ, Батюшковъ, Жуковскій, Князь Вяземскій* и *Плетневъ*.

Отцемъ нашей *Исторической Критики* почитается *Шлецеръ*. Дальнѣйшими успѣхами своими она много обязана ученымъ изслѣдованіямъ нашихъ Археологовъ: Митрополита *Евгенія, Каченовскаго, К. Калайдовича, Строева, Погодина, Кеппена, Графа Мусина-Пушкина, А. Н. Оленина, Д. И. Языкова, Н. Н. Муравьева, Устрялова, Барона Розенкампфа, Арцыбашева, Руссова, В. И. Берха*, и пр. Изъ Русскихъ Академиковъ, писавшихъ на Нѣмецкомъ языкѣ, большую услугу по сей части оказали: *Ф. И.*

Кругъ, *А. Х. Лербергъ*, *Ѳ. П. Аделунгъ* и *С. Ф. Эверсъ*. Труды *Р. Ѳ. Тимковскаго*, одного изъ ученыхъ нашихъ Критиковъ по части Русской Исторіи, къ сожалѣнію погибли во время пожара Москвы въ 1812 году.

§ 62.

Статистика появилась у насъ вскорѣ послѣ рожденія своего въ Европѣ и, можно сказать, еще со времени появленія сочиненія *Г. Плещеева*, напечатаннаго въ 1790 году подъ заглавіемъ: *Обозрѣніе Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея состояніи:* но приведеніемъ Статистическихъ свѣдѣній въ систему занимались весьма не многіе. Изъ числа ихъ достойны уваженія труды *И. И. Гейма* и *Е. Ф. Зябловскаго*. Къ распространенію круга сей науки много содѣйствовали своими сочиненіями (на Нѣмец. языкѣ) *А. К. Шторхъ* и *К. Ѳ. Германъ*. Нынѣ преимущественно занимается ею извѣстный нашъ Статистикъ *К. И. Арсеньевъ*. Ему поручено, по званію его Наставника Его Высочества Цесаревича, составить подробную и полную Статистику Рос. Госу-

дарства, и на сей конецъ открыты всѣ источники и средства. Изъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1832 года, видно, что сей ученый мужъ, посредствомъ сравненій и выводовъ, намѣренъ дать ей видъ науки положительной, долженствующей служить основаніемъ всѣмъ знаніямъ историческимъ и политическимъ. Въ семъ отношеніи Статистика будетъ Грамматикою не только политическою, но, такъ сказать, и литературною, и особливо при нынѣшнемъ направленіи Литературы къ народности.

§ 63.

Собственно *Русскою Исторіею* занимались *Хилковъ*, *Татищевъ*, *Ломоносовъ*, *Щербатовъ*, *Елагинъ*, *Мальгинъ*, *М. Н. Муравьевъ*, *С. Н. Глинка*. Между ними первенство по справедливости принадлежитъ *Н. М. Карамзину*. *Исторія Россійскаго Государства* есть изящнѣйшій памятникъ его таланта и нашего вѣка. Не увлекаясь излишними трансцедентальными умствованіями, она представляетъ всѣ происшествія кратко, занима-

тельно, въ надлежащемъ свѣтѣ и связи съ ихъ причинами и слѣдствіями. Обильная новыми матеріалами и открытіями, она дала особенное движеніе настоящей нашей Критикѣ и приготовила ее къ новымъ и высшимъ взглядамъ. Подозрѣніе нѣкоторыхъ судей, что Исторіографъ жертвовалъ изящности изложенія самою истиною, опровергается само собою: ибо невозможно, чтобы твореніе, отличающееся умѣренностію и благородствомъ тона, чуждаго всякой самоувѣренности и самохвальства, и согрѣтое искреннимъ участіемъ автора въ изображаемыхъ имъ предметахъ, въ то же время заключало въ себѣ притворство и мелочную заботливость о ложномъ блескѣ. Мысль написать *Исторію Русскаго народа* есть новая и въ нашей Литературѣ исключительно принадлежащая *Н. А. Полевому*. Выполненіе оной можетъ достойно быть оцѣнено только по изданіи имъ въ свѣтъ всего сочиненія. Изъ частныхъ Исторій о Россіи примѣчательнѣйшія суть: *объ Уніи*, *Н. Н. Бантышъ-Каменскаго* и *о Малороссіи*, *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. *Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи* Московскаго Митропо-

лита *Филарета* имѣетъ всѣ существенныя достоинства, принадлежащія сему роду сочиненій.

§ 64.

Біографіею, *характерами*, *мыслями* и *описаніями*, какъ особенными родами сочиненій, у насъ занимались мало; *разговорами* также. Примѣры первыхъ находятся у Карамзина *чувствительный и хладнокровный*, у Батюшкова *Картина Финляндіи*, у Жуковскаго *Рафаелева Мадонна*, у Гнѣдича *о статуѣ мира*, изваянной для Гр. Н. П. Румянцова скульпторомъ Кановою. Какъ составныя части повѣствовательнаго слога, характеры и описанія встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Исторіи Россійскаго Государства *Карамзина* и Исторіи древней Греціи *К. Арсеньева*. Лучшіе *опыты мыслей* принадлежатъ *С. Д. Нечаеву*. Зрѣлый и проницательный умъ составляютъ ихъ отличительное качество (въ Вѣстн. Европы разныхъ годовъ). Разговоръ бываетъ или *драматическій*, заключающій въ себѣ дѣйствіе, или *философскій*, имѣющій цѣлію показать какую-либо общую истину съ разныхъ то-

*

чекъ зрѣнія или просто занимающійся изображеніемъ характеровъ вымышленныхъ или историческихъ. О первомъ, который принадлежитъ Поэзіи, сказано будетъ ниже; примѣрами двухъ послѣднихъ могутъ служить *о счастіи* Карамзина, *Вечеръ у Кантемира* Батюшкова и *Разговоры въ царствѣ мертвыхъ* М. Н. Муравьева.

§ 65.

Иногда описанія, замѣчанія или изысканія о природѣ, искусствахъ и наукахъ предлагаются въ видѣ *писемъ*, дабы чрезъ оныя дать описываемымъ предметамъ болѣе живости и пріятности: таковы письма Русскаго путешественника, *Карамзина;* обитателя предмѣстія и Эмиліевы письма, *М. Н. Муравьева;* изъ Москвы въ Нижній Новгородъ, *И. М. Муравьева-Апостола.* Изъ *записокъ* достопримѣчательнѣйшія по важности своего содержанія суть: Фл. К. *Головнина* о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ; Фл. К. *Рикорда* о плаваніи его къ Японскимъ берегамъ и о сношеніяхъ съ Японцами; Капитана 2-го ранга *Броневскаго* записки въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Вице-

Адмирала Д. Н. Сенявина, съ 1805 по 1810 годъ, и *Отечественныя Записки П. П. Свиньина*, издаваемыя имъ въ видѣ журнала. *Панорама Парижа Л А. Цвѣтаева* есть статистическое изображенiе достопримѣчательностей сей столицы въ одну изъ занимательнѣйшихъ эпохъ ея, — въ то время, когда Наполеонъ, слагая званiе Консула, восходилъ на тронъ Бурбоновъ. *Путешествiе къ святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьева*, въ описанiи святыней Iерусалима, дышетъ чувствами глубоко проникнутаго вѣрою Христiанина. *Русскiе поклонники въ Iерусалимѣ*,— отрывокъ изъ Путешествiя по Грецiи и Палестинѣ въ 1820 году, *Д. В. Дашкова*,—представляютъ образецъ правильнаго, чистаго и благороднаго слога, образованнаго въ училищѣ древнихъ и новыхъ классиковъ. — Изъ ученыхъ путешествiй достойны уваженiя: Записки *Гмелина*, *Лепехина*, *Шелихова;* Полное собранiе ученыхъ путешествiй по Россiи, издаваемое Академiею Наукъ 1818—1825 и Путешествiе въ Китай чрезъ Монголiю въ 1820 и 1821 годахъ, *Е. Тимковскаго*. — Письма Русскаго Офицера съ 1812 по 1815 годъ, *Ѳ. Н.*

Глинки, — Записки *Михайловскаго-Данилевскаго* 1814 и его же Воспоминанія 1815 года, — Военныя письма и замѣчанія *А. Н. Писарева*, — Письма Русскаго Инвалида, *Г. М. Скобелева* и Краткія Записки Адмирала *Шишкова*, любопытны, какъ памятники одной изъ блистательнѣйшихъ эпохъ новой Русской Исторіи. Послѣднія, веденныя во все время пребыванія Адмирала при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ I-мъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну, сверхъ многихъ занимательныхъ подробностей, заключаютъ въ себѣ изложеніе тѣхъ поводовъ, по коимъ сочиняемы были имъ, въ слѣдствіи личныхъ порученій и подъ наблюденіемъ Самаго Монарха, всѣ Высочайшіе Манифесты того времени, отличающіеся силою пламеннаго и высокаго краснорѣчія.

§ 66.

Сочиненія *сатирическія* нравственныя введены въ нашу прозу еще *Сумароковымъ*. Они продолжались въ разныхъ журналахъ, кои издаваемы были во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Нынѣ очень часто

встрѣчаются статьи сего рода, подъ названiемъ *юмористики*, въ Сѣверной Пчелѣ. Большая часть изъ нихъ принадлежитъ *г. Булгарину*, а нѣкоторыя Автору, скрывающему себя подъ именемъ *Барона Брамбеуса*. Первыя отличаются сатирическою солью, послѣднiя затѣйливостiю содержанiя, тонкою остротою и непринужденною веселостiю. Къ сему же роду можно отнести нѣкоторыя изъ сказокъ *Козака Луганскаго* (вымышленное имя), обратившiя вниманiе публики новостiю содержанiя и тона, — довольно удачнымъ подражанiемъ забавному простодушiю народныхъ Русскихъ сказокъ.

§ 67.

При всемъ усилiи нашихъ Ученыхъ, слогъ собственно *философскiй* или *метафизическiй* еще далекъ отъ совершенства; потому, что Философiя, равно какъ и большая часть такъ называемыхъ *точныхъ Наукъ*, еще не достигли своей зрѣлости, а равно и потому, что многiе изъ занимающихся сими Науками по какому-то закоренѣлому предразсудку почитаютъ основательное из-

ученіе языка предметомъ для себя посторонним. Только въ послѣднее время начали появляться въ семъ родѣ сочиненія, съ бо́льшимъ тщаніемъ обработанныя. Между ними мы съ особеннымъ удовольствіемъ наименуемъ *Введеніе въ Науку о Философіи*, *Ѳ. Сидонскаго* и *Основанія Физики* Г. Профессора *Павлова*. Сіи творенія, достопримѣчательныя по оригинальности теорій, по строгой систематической послѣдовательности и по усвоенію себѣ языка правильнаго, чистаго и яснаго (и въ особенности послѣднее изъ нихъ), должны радовать каждаго любителя умственныхъ, духовныхъ наслажденій.

§ 68.

Цицеронъ въ сочиненіи своемъ *объ Ораторѣ* (lib. III. n. 198) говоритъ: «составлять періоды мы недавно научились и осмѣлились. Древніе, подобно неученымъ современникамъ нашимъ, не умѣли давать слову своему полноты и круглости. У нихъ составъ рѣчи заключался въ трехъ, двухъ, а иногда и въ одномъ словѣ.» — Надобно признаться, что мы похожи на сихъ древнихъ и что, при

всемъ изобиліи нашемъ въ рѣчахъ похвальныхъ и академическихъ, еще не имѣемъ собственно Ораторскаго слога, увлекающаго стройностію и благозвучіемъ періодовъ. Ломоносовъ указалъ намъ путь къ образцамъ истиннаго краснорѣчія: Димосѳену, Цицерону и Плинію; но мы избрали другой: языки новѣйшіе, которые большею частію и по своему сложенію не способны къ естественному порядку рѣчи и къ проистекающему изъ онаго разнообразію риѳма.

§ 69.

Дѣловый слогъ Министерствъ, при посредствѣ чиновниковъ, получившихъ образованіе въ Университетахъ и подъ наблюденіемъ просвѣщенныхъ начальниковъ, со дня на день пріобрѣтаетъ бо́льшую чистоту, ясность и точность. Переписка Министровъ съ подчиненными имъ мѣстами, безъ сомнѣнія, не замедлитъ распространить тонъ его и въ сихъ послѣднихъ.

§ 70.

Изданный въ началѣ 1833 года въ собственной Канцеляріи Его Императорскаго

Величества Сводъ Законовъ, — безсмертный памятникъ попеченій Отца Отечества о благѣ ввѣренныхъ Ему Провидѣніемъ народовъ, — служитъ въ то же время свидѣтельствомъ о той степени совершенства, до которой доведенъ нынѣ слогъ *законоположительный*. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ наше время Учрежденія и Уставы, издаваемыя по разнымъ отраслямъ Министерскаго управленія. Чистота, ясность и точность, составляющія отличительныя ихъ качества, не суть одна прихоть и роскошь, но главное и существенное условіе всякаго законоположенія, — столько же въ немъ необходимое, сколько и въ учебномъ слогѣ, а по слѣдствіямъ своимъ еще болѣе важное, нежели въ послѣднемъ. Ибо темнота учебной книги вовлекаетъ въ заблужденіе одинъ разумъ, а сбивчивость и обоюдность смысла законовъ въ одно и то же время и невиннаго приводятъ къ неумышленному ихъ нарушенію и виновному даютъ средства къ прикрытію злонамѣренныхъ его поползновеній. Устранить по возможности сіи недостатки и неудобства, — вотъ одна изъ цѣлей настоящаго законодательства, достигаемая

преимущественно основательнымъ званіемъ языка отечественнаго.

§ 71.

Начало образованія *высшаго дипломатическаго слога*, заключающаго въ себѣ Манифесты, Высочайшіе Указы, Рескрипты и Рѣчи Монархамъ отъ Синода, Государственнаго Совѣта и Сената, принадлежитъ блистательному царствованію Екатерины Великой. Сочиненіемъ Манифестовъ и нѣкоторыхъ Указовъ въ то время преимущественно занимались Сенаторъ *Тепловъ*, Государственный Канцлеръ Князь *Безбородко*, Статсъ-Секретарь Графъ *Завадовскій*, Статсъ и Кабинетъ-Секретарь *Храповицкій*; при Павлѣ І-мъ, *Растопчинъ*, при Александрѣ І-мъ, *Сперанскій* и *Шишковъ*, по званію ихъ Государственныхъ Секретарей. Манифесты, Воззванія и Рескрипты, писанныя *Шишковымъ* въ продолженіе славной отечественной войны и знаменитаго похода во Францію, въ коемъ онъ сопровождалъ Императора Александра, отличаются истиннымъ краснорѣчіемъ и высокими чувствами, почерпнутыми изъ необыкновенныхъ тогдашнихъ

событій. Нынѣ Манифесты пишутся подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ Государя Императора достойными исполнителями Его Высочайшей воли. Мы не смѣемъ здѣсь именовать тѣхъ, коихъ дѣла и имена, вмѣстѣ съ вѣкомъ Николая I-го, принадлежатъ Исторіи.

§ 72.

Одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ явленій въ нашей Литературѣ въ послѣднее время есть изданіе (въ 1823 и 1825 годахъ) *Документовъ для Исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными Державами Европейскими*, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814, до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году. Сей огромный трудъ, предпринятый Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, и исполненный подъ непосредственнымъ, и дѣятельнымъ наблюденіемъ *Д. Н. Блудова*, заключаетъ въ себѣ болѣе 100 публичныхъ актовъ. Съ появленіемъ сихъ опытовъ, увѣнчанныхъ совершеннымъ успѣхомъ въ исполненіи, разрѣшился вопросъ о возможности намъ образовать свой дипломатическій языкъ посредствомъ переложенія съ Французскаго на

Русскій разнаго рода трактатовъ, конвенцій, протоколовъ, нотъ, декларацій и другихъ актовъ, могущихъ быть обнародованными. Не нужно доказывать всю важность подобныхъ предпріятій; ихъ требуютъ честь и могущество Имперіи, польза народнаго просвѣщенія и существенныя выгоды самой дипломатіи; ибо извѣстно, что распространеніе отечественнаго языка во всѣ времена было однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ распространенію круга отечественной политики. Изъ числа трактатовъ, заключенныхъ въ разныя времена Россійскими Монархами съ иностранными Державами, многіе присовокуплены къ *Полному собранію законовъ Россійской Имперіи*, явившемуся въ благополучное Царствованіе Государя Императора Николая I-го. Польза обнародованія сихъ и другихъ Государственныхъ актовъ отчасти уже оправдана изданіемъ въ свѣтъ въ 1833 году Профессоромъ Царскосельскаго Лицея *И. К. Кайдановымъ* единственнаго въ своемъ родѣ на Русскомъ языкѣ сочиненія: *Краткаго изложенія Дипломатіи Россійскаго Двора, со времени восшествія на Всероссійскій Пре-*

стомъ Дома Романовыхъ до кончины ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

§ 73.

Слогъ *разговорный* и *письменный* опредѣляются тономъ словеснаго обращенія въ различныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ жизни; у насъ въ высшихъ обществахъ нѣтъ другаго языка, кромѣ Французскаго: вотъ почему мы имѣемъ мало разговоровъ и писемъ въ тонѣ легкомъ и привѣтственномъ. Образчики послѣднихъ можно находить въ протоколахъ Московскаго Общества Любителей Росс. Словесности, напечатанныхъ при Трудахъ его.

§ 74.

Не нужно распространяться здѣсь о совершенствахъ нашего *историческаго слога;* торжество его уже опредѣлено яснымъ, чистымъ, благороднымъ и пріятнымъ языкомъ Исторіи Государства Россійскаго. Тоже почти можно сказать и вообще о нашей легкой Прозѣ; остается только желать, чтобы она не слишкомъ казалась тощею и была одушевлена истинною и основательною ученостію Писателей.

§ 75.

Карамзинъ по справедливости почитается образователемъ нашей легкой Прозы; но мы не можемъ безусловно согласиться съ тѣми, кои приписываютъ исключительно ему изгнаніе изъ Русскаго слога періодовъ и притомъ ставятъ сіе въ числѣ особенныхъ заслугъ его нашей Литературѣ. Слогъ такъ называемый отрывистый, — сколокъ съ языка Французскаго,—существовалъ еще до Карамзина; доказательствомъ тому служатъ статьи, разсѣянныя въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Академика Миллера съ 1755 по 1765 годъ, въ *Невинномъ Увеселеніи* Богдановича въ 1763 году и особенно въ восьми разноименныхъ журналахъ *Новикова* съ 1769 по 1782 годъ и въ періодическихъ сочиненіяхъ питомцевъ Московскаго Университета. Между переводчиками и сочинителями славились въ то время *Елагинъ*, *Фонъ-Визинъ* и уже извѣстенъ былъ *Подшиваловъ*; но преимущество предъ ними Карамзина заключалось въ чистотѣ, пріятности и сладости слога, проистекавшихъ отъ нѣжности его слуха и вкуса. Съ другой стороны намъ

странною кажется мысль, что бы Русскій языкъ, — сей жилецъ древнихъ временъ, имѣющій всѣ черты и качества языковъ Греческаго и Латинскаго, — могъ получить какой-либо выигрышъ чрезъ перемѣну своего свободнаго и великолѣпнаго облаченія на новую, тѣсную и обрѣзанную одежду Французскую. Говоря о періодахъ, не надобно смѣшивать пневмы или, такъ сказать, одышки Нѣмецкія съ собственною формою древнихъ періодовъ. Первыя, почти всегда растянутыя и вводными мыслями перерываемыя, дѣйствительно тяжелы для слуха и утомительны для чтенія; въ послѣднихъ части стройны, члены измѣрены и перестановка словъ, основанная на чувствѣ естественнаго порядка, принаровлена къ гармоніи. Полнота и округлость цѣлаго состава періодовъ даютъ имъ плавный бѣгъ шара, обращающагося вокругъ самаго себя во время движенія его по гладкой поверхности. Древніе употребляли ихъ преимущественно въ Ораторскихъ рѣчахъ и вообще, гдѣ мысли, по ходу Логическому или по стремленію чувствъ, должны переливаться одна въ другую; а для соблюденія разнообразія,

какъ одного изъ главныхъ условій изящества, они перемѣшивали ихъ всегда съ прочими неперіодическими формами. И такъ не періоды дѣлаютъ рѣчь тяжелою, а неумѣнье построенія періодовъ и незнаніе мѣста ихъ употребленія. У насъ, послѣ Ломоносова, постигъ сію тайну нашъ ученый, Политикъ и Философъ-Писатель, *М. Н. Муравьевъ;* слогъ его, образованный въ училищѣ древнихъ, сохранилъ на себѣ печать ихъ природы и искусства. *Шишковъ* также украсилъ періодами лучшія изъ своихъ сочиненій въ высшемъ дипломатическомъ родѣ. Въ Манифестахъ, Рескриптахъ и дѣловыхъ бумагахъ, требующихъ изящнаго изложенія, они удерживаются доселѣ, и поставленные на приличномъ мѣстѣ, сообщаютъ рѣчи особенное благородство и благозвучіе. У самаго Карамзина лучшія мѣста одной изъ прекраснѣйшихъ его повѣстей, *Мареы Посадницы*, суть періодическія; напротивъ того Похвальное Слово его Екатеринѣ II можетъ быть теряетъ много своей цѣнности единственно отъ того, что избранная имъ форма изложенія, слогъ отрывистый, не вполнѣ соотвѣтствуетъ важности и высокости предмета.

§ 76.

Настоящее стремленіе нашей повѣствовательной Прозы обращено почти исключительно къ одному *Роману*. Причина сего явленія скрывается въ самомъ духѣ времени. Для объясненія онаго, предварительно надлежитъ принять въ соображеніе двѣ замѣчательнѣйшія эпохи въ политической жизни каждаго вообще народа: его *рожденіе* и *возрожденіе*. Первая сливается съ временами героическими; главную роль играютъ въ ней герои, давшіе жизнь народу. Въ исторіи нашего политическо - Европейскаго существованія первое и священнѣйшее лице есть Петръ Великій. Вторая эпоха имѣетъ отличительнымъ характеромъ своимъ благородное самочувствіе народа. Въ Россіи оно раскрылось въ славную отечественную войну 1812 года и ознаменовалось полнымъ торжествомъ нравственныхъ силъ народныхъ: самоотверженіемъ для охраненія Православія, Престола Царей и славы Отечества. При началѣ каждаго изъ сихъ періодовъ или возрастовъ народа открывается въ немъ особенная наклонность къ расказамъ. Предме-

томъ оныхъ бываютъ, въ первомъ періодѣ, дѣянія героевъ, сливающихся въ его понятіяхъ съ лицами небожителей, во второмъ самъ народъ со всѣми его доблестями, подвигами, нравами, обычаями. Отсюда произошли два рода Поэмы Эпической: *героическая* и *романтическая*. Сія послѣдняя у Грековъ послѣ Мараѳонской битвы и у Римлянъ послѣ Фарсальской замѣнена была *піитическою* или *романическою Исторіею*; въ наше время, послѣ необыкновенныхъ переворотовъ, потрясавшихъ Европу, заступилъ мѣсто Поэмы *Историческій* или *народный Романъ*. Содержаніе свое онъ заимствуетъ изъ Исторіи и преданій старины или изъ дѣйствительной гражданской жизни; а посему и достоинство его зависитъ преимущественно отъ хорошаго выбора предметовъ и живаго изображенія оныхъ, предполагающаго въ авторѣ основательное знаніе той страны и вѣка, къ коему относится содержаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ отличный даръ живописать мѣстности, характеры и народныя сцены.

§ 77.

У насъ *Историческій Романъ* появился

недавно. Первенство въ семъ родѣ живописи какъ по старшинству, такъ по важности содержанія, рисовкѣ и колориту, принадлежитъ двумъ картинамъ Загоскина: *Юрію Милославскому* и *Рославлеву*, представляющимъ двѣ занимательнѣйшія эпохи нашей Исторіи. Подлѣ нихъ могутъ быть поставлены *Стрѣльцы* Масальскаго и *Димитрій Самозванецъ* Булгарина. Сей послѣдній особенно занимателенъ при Польскомъ Посольствѣ въ Москвѣ, у Іезуитовъ во Львовѣ и въ нѣкоторыхъ сценахъ съ Поляками. *Послѣдній Новикъ* Лажечникова загроможденъ подробностями, скрывающими отъ читателя главныя лица и ихъ дѣйствіе; со всѣмъ тѣмъ характеры Кети, Пастора, Русскій лагерь, нѣкоторыя сцены съ раскольниками и въ Москвѣ открываютъ въ Авторѣ талантъ, достойный Вальтера Скотта. Въ Русской были Г. Полеваго: *Клятва при гробѣ Господнемъ*, главною цѣлію было, какъ предваряетъ самъ Авторъ, представить Русь XV вѣка въ картинахъ. Избранное имъ время есть время сильныхъ характеровъ и рѣзкихъ случаевъ, коими ознаменованы послѣднія усилія Татаръ, Князей и Новгорода противъ

возставшей надъ ними власти Москвы и новой системы Государственнаго устройства. Главныя лица въ сей драмѣ представлены согласно съ духомъ ихъ времени; но рѣчи, нравы и весь бытъ средняго и низшаго класса людей описаны почти безъ всякихъ оттѣнковъ съ Русскаго народа настоящаго времени, который, по привязанности своей къ обычаямъ предковъ, можетъ быть и дѣйствительно мало измѣнился въ продолженіе четырехъ вѣковъ. *Дочь купца Жолобова* и *Камчадалка*, Калашникова, занимательны, какъ ландшафты, представляющіе дикую, оригинальную природу Сибири съ рѣзкими характерами дѣйствующихъ въ ней лицъ. Въ *Киргисъ-Кайсакъ* Ушакова искусно развиты сліяніе гражданственности съ природою, столкновеніе случаевъ съ судьбою и борьба предразсудковъ и невѣжества съ просвѣщеніемъ. — Въ изображеніи характеровъ и нравовъ современныхъ у насъ также сдѣланы уже многіе опыты; но изъ нихъ особенное вниманіе заслуживали только тѣ, которые писаны съ натуры. На пр. *Булгаринъ* превосходенъ съ своимъ сиротою въ домѣ Голопордовскихъ и въ корчмѣ у Жида; *Гречъ*

(въ Поѣздкѣ въ Германію) занимателенъ въ домашнемъ Нѣмецкомъ быту на Васильевскому острову. *Погорѣльскій* прелестенъ съ своею милою Монастыркою въ Малороссіи. Авторъ *семейства Холмскихъ*, можно сказать, неподражаемъ въ кругу нашихъ провинціальныхъ Дворянъ. Въ сей небольшой рамѣ представлена имъ обширная и живая картина ихъ нравовъ, образа жизни, предразсудковъ, степени просвѣщенія, хорошей и худой нравственной стороны.

§ 78.

Романъ, по существу своему и по правиламъ сочиненія, сходствуетъ съ Героическою Поэмою; но, не имѣя ни объема, ни важности Эпопеи, онъ представляетъ нравственную жизнь одного лишь какого-либо героя или лица и съ одной точки зрѣнія. *Повѣсть* есть одинъ только эпизодъ Романа, одинъ разительный или любопытный случай изъ жизни нравственной; а *сказка* есть повѣствованіе, на народныхъ расказахъ и несбыточныхъ чудесностяхъ основанное. Происхожденіе нашей Повѣсти есть одина-

кое съ происхожденіемъ Романа. Какъ сему послѣднему предшествовала важная Эпическая Поэма, такъ и Повѣсть явилась у насъ сперва подъ одеждою героическою. Въ семъ тонѣ написаны извѣстныя повѣствовательныя творенія Хераскова: *Кадмъ* и *Гармонія*, *Полидоръ* и *Нума Помпилій*. Карамзинъ первый осмѣлился перенести сцену изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный, въ свое отечество, и вывести на сцену лица Русскія. Его *Наталья Боярская дочь*, *Бѣдная Лиза* и *Марѳа Посадница*, не смотря на то, что мыслятъ и чувствуютъ умомъ и сердцемъ Сочинителя, плѣняютъ самою оригинальностію своего содержанія, нѣжностію чувствованій и живымъ, легкимъ способомъ выраженія; въ особенности послѣдняя, одушевленная высокими мечтами и сильнымъ краснорѣчіемъ, останется навсегда украшеніемъ повѣствовательнаго рода нашей Словесности. *Марьина роща* Жуковскаго носитъ на себѣ черты древняго Германскаго рыцарства или вассальства; но она занимательна, какъ ландшафтъ, раскрывающій предъ нами дикія окрестности Москвы до ея основанія. Повѣсти *Беницкаго*,

Панаева и *Нарѣжнаго*, равно какъ и Романы его, также заслуживаютъ вниманіе. Изъ современныхъ намъ народныхъ повѣстей пользуются особенною извѣстностію *Ивана Петровича Бѣлкина* (А. С. Пушкина), *Погодина*, *Барона Розена*, *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Но всѣхъ ихъ превзошелъ Авторъ извѣстный подъ именемъ *Марлинскаго*, — искусный живописецъ характеровъ, страстей, движеній, оригинальный въ вымыслахъ, живый и легкій въ расказѣ. Его *Аммалатъ Бекъ* есть твореніе, носящее на себѣ печать высокаго таланта въ семъ родѣ сочиненій. Повѣсти: *Блаженство отъ безумія* и *Живописецъ* (помѣщенныя въ Телеграфѣ 1833 года), *Двойникъ* и *Черная Курица* А. Погорѣльскаго (вымышленное имя) и *Пестрыя Сказки* Иринея Гомозейки (также вымышленное имя) достойны примѣчанія, какъ новыя психическія явленія въ Русской Литературѣ. Въ первыхъ Авторъ хотѣлъ олицетворить пылкую, изступленную любовь, съ искусствомъ развивая сокровеннѣйшіе ея изгибы и движенія; но употребленныя имъ краски слишкомъ ярки и неестественны для характеровъ

Русскихъ, почти со всѣмъ неспособныхъ къ изступленнымъ чувствованіямъ и дѣйствіямъ. Послѣднія (Двойникъ, Черная Курица и Пестрыя Сказки) суть не что иное, какъ литературныя фантазіи, увлекающія нерѣдко своихъ Поэтовъ за предѣлы піитической вѣроятности; а по сему, не смотря на ихъ ученость, на оригинальность мыслей и на чистый, легкій способъ выраженія, онѣ не могутъ вполнѣ быть разгаданы нашею читающею публикою, требующею, такъ сказать, математической точности въ самой игрѣ воображенія.

В. ПОЭЗІЯ.

ГЛАВА VI.

О характерѣ Русской народной Поэзіи.

§ 79.

Искуственной нашей Поэзіи, какъ и всякой другой, предшествовала естественная или *народная*, заключающаяся въ простомъ изліяніи сердца, потрясеннаго пріятными или непріятными впечатлѣніями. Поэты сего рода руководствуются однимъ вдохновеніемъ. Врожденная склонность къ пѣнію учитъ измѣнять голосъ, а склонность къ ладу приводитъ въ мѣру слова.

§. 80.

Симъ благодатнымъ даромъ природы Славяне издревле отличались между всѣми наро-

дами. Свидѣтельствуютъ о томъ приписывае-мое имъ Византійскими Историками особен-ное пристрастіе къ игрѣ на гусляхъ и пока-занное нами выше единство духа, господству-ющее доселѣ въ стихотвореніяхъ Славянскихъ племенъ. Упоминаемый въ Чехской повѣсти *Забоя* и *Славоя* пѣвецъ *Люмиръ*, и слѣду-ющее изреченіе: *пѣвца добраго милуютъ Боги* (Pieuce dobra miluiu bozi), также удо-стовѣряютъ насъ не только о бытіи нѣкогда славныхъ гусляровъ или пѣснопѣвцевъ, но и объ отличномъ уваженіи народа къ ихъ сану и назначенію. Главнымъ назначеніемъ ихъ было, какъ можно заключить изъ содержанія помянутой повѣсти, — воспѣвая отечествен-ныя дѣянія, возбуждать духъ мужества и управлять общимъ мнѣніемъ соплеменниковъ.

§ 81.

Наша Ироическая Пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ хотя есть единственное въ сво-емъ родѣ произведеніе; однако нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель ея имѣлъ передъ собою дру-гіе древнѣйшіе образцы: ибо онъ самъ нѣ-сколько разъ съ почтеніемъ упоминаетъ о

пѣвцѣ Боянѣ, называя его соловьемъ древнихъ временъ: Въ Волынской Лѣтописи подъ 1241 годомъ также приводятся слова словутнаго пѣвца *Митуса*; въ сказаніи о Задонской битвѣ призывается, для одушевленія предмета, пѣвецъ *Урань*. Г. Полевой причисляетъ къ нимъ упоминаемаго въ Словѣ о полку Игоревомъ *Когана*, *пѣснотворца стараго времени Ярослава Ольгова* (*). Сими именами объясняется происхожденіе красотъ и многихъ неподражаемыхъ прелестей нашей народной Поэзіи.

§ 82.

Русскую народную Поэзію можно раздѣлить на *лирическую* и *повѣствовательную*. Общія качества той и другой, отчасти уже замѣченныя нами выше въ словѣ о полку Игоря на Половцевъ, суть слѣдующія:

1-е Присвоеніе лицамъ и вещамъ постоянныхъ и опредѣленныхъ эпитетовъ и присловій; на пр. *Красное солнышко Владиміръ*;

(*) См. Томъ II-й Исторіи Русскаго народа, Г. Полеваго. По его мнѣнію, Боянъ жилъ во времена славнаго Олега Черниговскаго, а Коганъ при Ярославлѣ.

бѣлый царь; надежа Государь. Сіи эпитеты, однажды данные предметамъ, повторяются всякой разъ вмѣстѣ съ сими послѣдними, подобно какъ у Гомера каждому божеству и герою присвоены особыя прозванія, изображающія ихъ характеръ или внѣшнія качества.

2-е Сочетаніе существительныхъ именъ разнородныхъ, на пр. *царь-дѣвица, жаръ-птица, злодѣй-тоска.*

3-е Сравненія выражаемыя творительнымъ падежемъ; на пр. »бѣжитъ сѣрымъ волкомъ;« »полети сизымъ голубчикомъ.«

4-е Имена птицъ очень часто употребляются въ томъ же смыслѣ, какой онѣ имѣютъ у Баснописцевъ, т. е. для означенія какого-либо внутренняго качества; ибо птицы, подобно звѣрямъ, отличаются опредѣленностію характера.

5-е Сравненіе или сближеніе предметовъ отдаленныхъ, по видимому не имѣющихъ никакого между собою отношенія; на пр. »на небѣ солнце, въ терему солнце; на небѣ мѣсяцъ, въ терему мѣсяцъ; на небѣ звѣзды, въ терему звѣзды и вся красота поднебесная;« или: »у насъ — солнце красное отъ лица Божьяго, ночи темныя отъ думъ Господнихъ.

6-е Сравненія отрицательныя безъ поправленія, происходящія какъ бы отъ обмана или обольщенія чувственныхъ органовъ, которые съ перваго разу не могутъ ясно отличить одного предмета отъ другаго: »не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ; большой Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ.»

§ 83.

Мѣра стиховъ нашей народной Поэзіи есть *тоническая*, состоящая изъ повышеній и пониженій голоса и опредѣляемая удареніями. Таковыхъ удареній въ стихахъ встрѣчается по одному, по два и по три; стихи оканчиваются большею частію дактилями:

«Ахъ какъ палъ туманъ на сине море,
«А злодѣй тоска въ ретиво сердце.«

§ 84.

Къ Лирической Поэзіи относятся такъ называемыя *голосовыя* и *хороводныя* пѣсни. Какъ тѣ, такъ и другія должны быть столько же для насъ драгоцѣнны, сколько для Археолога древніе памятники. Ибо изъ пѣсней мы узнаемъ духъ своихъ предковъ, ихъ нравы, нужды и чувства.

§ 85.

Пѣсни нашихъ предковъ Славянъ, по свидѣтельству Историковъ, были веселыя; но суровость климата, внутреннія неустройства и продолжительное иго Монголовъ измѣнили характеръ потомковъ. Какое-то уныніе и томность остались на всегда въ чертахъ ихъ лица, въ тонѣ разговора и въ напѣвѣ. Самое содержаніе ихъ пѣсенъ состоитъ большею частію въ расказѣ о печальныхъ приключеніяхъ.

§ 86.

Голосовыя пѣсни можно раздѣлить на *лиро-эпическія* и собственно *лирическія*. Первыя имѣютъ, большею частію, опредѣленное расположеніе, состоящее изъ начала, расказа и заключенія. Онѣ начинаются сравненіями прямыми или отрицательными или обращеніемъ поющаго къ самому себѣ, къ отсутствующимъ лицамъ и къ неодушевленнымъ предметамъ. Расказъ часто совсѣмъ отдѣляется отъ начала, въ родѣ лирическаго порыва. Въ заключеніи выражается сильная мысль или глубокое чувство.

§ 87.

Лирическія пѣсни похожи иногда на Романсъ, иногда на Элегію. Трогательныя и нѣжныя чувствованія, заключающіяся въ семъ родѣ стихотвореній, служатъ доказательствомъ, что продолжительное испытаніе бѣдствій столько же споспѣшествуетъ къ смягченію нравовъ народа, сколько и самая образованность.

§ 88.

Духовныя пѣсни, извѣстныя подъ именемъ *Псалмъ*, также достойны особеннаго вниманія. Сей родъ стихотвореній, уцѣлѣвшій доселѣ между Духовенствомъ и Купечествомъ, замѣняетъ собою Гимны, Оды и Кантаты; ибо содержаніемъ его бываютъ или славословіе Спасителя, Пресвятой Дѣвы и Святыхъ Угодниковъ или молитвенное пѣснопѣніе или торжественная похвала Монархамъ. Характеръ двухъ первыхъ видовъ есть сильное чувство вѣры и набожности; отличительныя черты послѣдняго преданность и благоговѣніе къ Престолу. Вообще въ Псалмахъ мало воображенія, но много чувства. Древнѣйшія изъ нихъ сочинены тоническимъ размѣромъ,

какъ на пр. *плачь Прекраснаго Іосифа на гробѣ матери своей Рахили;* всѣ прочія, со времени Симеона Полоцкаго, писаны силлабами. Примѣры ихъ можно видѣть *въ духовныхъ и торжественныхъ Псальмахъ*, собранныхъ Московскимъ купцемъ *Я.* Добрынинымъ, 1799 года.

§ 89

Къ повѣствовательной Поэзіи относятся 1) *Богатырскія повѣсти*, 2) *Стихи.* Подвиги Русскихъ витязей, какъ дѣйствительно существовавшихъ, такъ и вымышленныхъ, составляютъ содержаніе повѣстей. Смѣсь благороднаго и низкаго, смѣшнаго и уродливаго можно назвать главнымъ ихъ качествомъ. Но въ нихъ встрѣчаются описанія и вымыслы, дышущіе всею свѣжестію роскошнаго востока. Жаръ-птица, похищающая въ царскомъ саду съ серебряныхъ яблонь золотыя яблоки, — одушевленная свирѣль, сдѣланная изъ тростника, выросшаго на могилѣ убитой своими сестрами дѣвицы, и всякой разъ при игрѣ повторяющая женскимъ голосомъ жалобу противъ убійцъ, — конь, пускающій дымъ изъ ушей и пламя изъ ноздрей: сіи вымыслы

могутъ стоять наряду съ баснями объ Аргуѣ, Орфеевой лирѣ и Пегасѣ.

§ 90.

Содержаніемъ такъ называемыхъ *Стиховъ* большею частію бываютъ притчи, заимствованныя изъ Священнаго Писанія, повѣсти о подвигахъ Святыхъ Отцевъ и вообще нравственные предметы. Сіи стихи обыкновенно поются слѣпыми нищими, которые въ южной Россіи между простымъ народомъ въ такомъ же почтеніи, какъ въ древней Греціи слѣпые Рапсоды, истолкователи воли Боговъ и прорицатели будущаго. Въ стихотвореніяхъ сего рода также встрѣчаются слѣды роскошной Поэзіи Востока, на пр. слѣдующее мѣсто въ стихѣ *о голубиной книгѣ*:

«У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
«Самаго Христа, Царя Небеснаго;
«Солнце красное отъ лица Божьяго,
«Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
«Звѣзды частыя отъ ризъ Господнихъ,
«Ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
«Вѣтры буйные отъ Свята-Духа,
«У насъ умъ — разумъ самаго Христа,

«Самаго Христа, Царя Небеснаго;
«Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ,
«У насъ міръ — народъ отъ Адамія,
«Кости крѣпкія отъ камени,
«Тѣлеса наши отъ сырой земли,
«Кровь — руда наша отъ черна моря.»

(См. размышленія о природѣ М. Максимовича. Москва 1833).

§ 91.

Хороводныя пѣсни достопримѣчательны не столько по красотамъ Поэзіи, сколько по своему содержанію, имѣющему характеръ древности. Хотя собственное предназначеніе хороводовъ въ продолженіи времени потеряно; однако въ ихъ играхъ можно еще и нынѣ примѣтить слѣды праздниковъ Славянскихъ и даже Латинскихъ и Греческихъ. Напр. *Красная горка*, во время которой заклинаютъ Весну, похожа на праздникъ Лады, прославляемой доселѣ въ Подоліи, и даже на праздникъ Флоры. *Семикъ* имѣетъ сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи котораго Греки бросали въ море или въ рѣку вѣнки, цвѣты и древесныя

листья. *Коледа* происходитъ отъ *calendae*, которыя съ большимъ торжествомъ были празднуемы въ Римѣ въ послѣднихъ числахъ Декабря. Въ Испаніи и Польшѣ около сего времени собирается съ мірянъ, въ пользу Католическихъ Священниковъ, оброкъ натурою подъ именемъ календы. Къ хороводнымъ пѣснямъ относятся также святочныя и свадебныя; первыя соединены съ гаданіями о будущемъ, а послѣднія отличаются трогательными чувствами и истинными красотами Поэзіи.

§ 92.

Къ живымъ памятникамъ народнаго языка принадлежатъ также и *пословицы* или тѣ краткія и замысловатыя изреченія, коими выражаются опыты, наблюденія и господствующія мнѣнія народа о природѣ, нравственности и общественныхъ отношеніяхъ. По содержанію и сущности своей, пословицы не что иное суть, какъ основанія апологовъ и притчей или самые апологи и притчи, но сокращенные, прилагаемые вмѣсто доводовъ къ предшествующей рѣчи и *слову*, отъ чего онѣ получили и свое назва-

ніе. Форма ихъ въ Русскомъ языкѣ большею частію есть стихотворная, состоящая изъ риѳмованнаго двустишія, или прозаическая, излагаемая фигуральными оборотами, загадками и намеками. Въ нашъ языкъ въ разныя времена и по разнымъ случаямъ вкралось множество пословицъ Восточныхъ, Греческихъ, Латинскихъ и другихъ иностранныхъ (см. *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, соч. г. Снегирева); но собственно Русскія отличаются отъ прочихъ, кромѣ своей формы, особенною игрою ума и фантазіи, рѣзкимъ выраженіемъ климата, духа вѣры, правленія, нравовъ и обычаевъ, принадлежащихъ одному только Русскому или Славянскому народу и выраженіемъ самыхъ идіотизмовъ языка его. Часто сходство и общность пословицъ зависятъ отъ единства понятій о добрѣ и злѣ и вообще понятій о правѣ естественномъ, свойственныхъ всему человѣчеству; но въ такомъ случаѣ надлежитъ принимать въ разсужденіе самую исторію сравниваемыхъ народовъ, ихъ степень просвѣщенія, образъ жизни и занятія. На пр. приводимая Блаженнымъ Іеронимомъ о даровыхъ вещахъ пословица: *equi dentes in-*

spicere donati, буквально сходствуетъ съ слѣдующею Русскою: »*дареному коню въ зубы не смотрятъ*;« но если примемъ въ соображенiе, что Св. Iеронимъ былъ родомъ изъ Славянъ, издревле занимавшихся скотоводствомъ, а Римляне, исключая особый классъ всадниковъ Equites, какъ въ его время, такъ и прежде почти совсѣмъ не употребляли коней; то скорѣе можно будетъ согласиться, что не Русская пословица переведена съ Латинской, а напротивъ сiя послѣдняя есть буквальной переводъ съ Славянской, сохранившейся доселѣ въ нашемъ народѣ.

ГЛАВА VII.

О разныхъ теоріяхъ Русскаго Стихосложенія и Поэзіи.

§ 93.

Между тѣмъ какъ простой народъ, слѣдуя внушеніямъ природы, слагалъ свои пѣсни по тонамъ или удареніямъ, ученые Бѣлоруссы и Малороссіяне, не вникая въ свойства языка Русскаго, покушались Русской стихъ сковать въ узы размѣра совершенно ему чуждаго. *Мелетій Смотрицкій* хотѣлъ ввести въ Славянскій (а слѣдовательно и Русскій) языкъ Греческую долготу, краткость и двувременность гласныхъ по *естеству* и *положенію*. Сіе нововведеніе не могло

имѣть успѣха; ибо не трудно было замѣтить, что, соображаясь съ просодіею Смотрицкаго, надобно было произносить противъ ударенія. Но мѣстопребываніе тогдашнихъ ученыхъ въ Польшѣ и подвластныхъ ей областяхъ, гдѣ языкъ Польской, по праву завоеванія, начиналъ уже быть господствующимъ, принудило ихъ принять стихосложеніе Польское *силлабическое.*

§ 94.

Въ сей формѣ были стихи о 13, 11, 9-ти слогахъ и менѣе. Первые два раздѣлялись на полустишія пресѣченіемъ, которое впрочемъ требовало только окончанія слова, а не ударенія; девятисложный и другіе кратчайшіе не имѣли пресѣченія. Они всегда писались съ риѳмами и почти исключительно одними женскими; переносъ недоконченнаго смысла изъ одного стиха въ другой также былъ свободенъ, какъ и у древнихъ.

§ 95.

Первые сего рода стихи появились при Скорининомъ переводѣ книги Іова, напечатанномъ въ 1517 году, потомъ при Библіи

Острожской 1581 года. Сочинитель сихъ последнихъ, *Герасимъ Даниловичъ*, говоритъ о себѣ въ предисловіи, что онъ *училища николи же видѣхъ, но понеже людіе молчатъ, каменіе вопити понудися.* Стихотвореніе, въ началѣ предисловія помѣщенное, раздѣлено на пять строфъ, изъ коихъ въ каждой по десяти стиховъ (послѣ первыхъ двухъ строфъ гербъ Московской и гербъ Князя Острожскаго: воинъ на конѣ съ поднятымъ мечемъ). Стихи помѣщенные въ концѣ предисловія, состоятъ изъ 13, 14, 15 и 16-ти слоговъ; на пр.

Тако бо благословися отъ Бога православный родъ.
Въсточныя церкве яко дневи начало
И дѣствы Богоподобными изрядно сіяло.
Западныя же Церкви яко начало нощи,
И поразумѣли древо по его овощи.

(Изъ Библіи, хранящейся въ Парижской Королевской Библіотекѣ № 235).

§ 96.

Петръ Могила много писалъ стиховъ симъ размѣромъ; *Симеонъ Полоцкій* познакомилъ съ оными и Великороссіянъ, издавъ

въ 1678 году свой *риѳмологіонъ*. Въ послѣдствіи времени сіе стихосложеніе употребляемо было всѣми нашими учеными, не исключая и самаго *Кантемира*, коего прекрасныя классическія сатиры достойны были лучшей гармоніи стиха. *Тредьяковскій* первый возсталъ противъ размѣра силлабическаго. *Въ способѣ къ сложенію Россійскихъ стиховъ*, изданномъ имъ въ 1735 году, онъ именно замѣчаетъ, что »опредѣленное число слоговъ въ старыхъ не нашихъ, но Польскихъ, а къ намъ введенныхъ безъ всякаго основанія стихахъ, не отмѣняетъ ихъ отъ Прозы; ибо члены такъ называемаго *ісоколона* риторическаго также почитай опредѣленными числами падаютъ; однако сіи члены не стихи.« Онъ первый предпринялъ ввести въ наши стихи слѣдующія стопы: *ямбъ*, *хорей*, *дактилъ* и *анапестъ*. Ломоносовъ въ письмѣ о правилахъ Россійскаго стихотворства тоже самое подтвердилъ; но какъ ни онъ, ни Сумароковъ не употребляли дактилей и анапестовъ, то наши Стихотворцы и не обращали вниманія на сіи стопы, пока опыты Гг. Гнѣдича и Мерзлякова не дали имъ новой цѣны и важности.

§ 97.

Тредьяковскій не имѣлъ дарованій, чтобъ подтвердить собственными сочиненіями справедливость своихъ умозрѣній; но его умозрѣнія всегда основаны на знаніи свойствъ отечественнаго языка и на глубокой учености. Въ помянутомъ способѣ къ сложенію Россійскихъ стиховъ онъ полагаетъ слѣдующее различіе между нашимъ и Греческимъ стихосложеніемъ: наше состоитъ въ количествѣ складовъ и есть тоническое, т. е. возвышающее и понижающее голосъ выговора, а Греческое и Римское заключается въ количествѣ слоговъ, которое при удареніяхъ и тонахъ размѣряется еще и временемъ; первое возвышаетъ и понижаетъ слоги, послѣднее протягаетъ и сокращаетъ оные. Тредьяковскій кромѣ экзаметровъ дактило-хореическихъ и анапесто-ямбическихъ, хотѣлъ еще ввести хореическій женскій съ пресѣченіемъ послѣ трехъ первыхъ хореевъ и мужескій, оканчивающійся долгимъ слогомъ. Поэзію раздѣляетъ онъ не по родамъ стихотвореній, но по ихъ видамъ; такъ что прощаніе отъѣзжающихъ съ остающимися, провожаю-

щихъ съ отъѣзжающими и возвращеніе сихъ послѣднихъ, составляютъ три особые рода Поэзіи: *апобатерическій*, *пропемптическій* и *синхористическій*.

§ 98.

Способъ Тредьяковскаго служилъ руководствомъ Іеромонаху Аполлосу къ сочиненію *Піитическихъ правилъ*, изданныхъ имъ въ первый разъ въ 1774 году. Въ нихъ также предложены экзаметры и пентаметры хореическіе съ ихъ пресѣченіями (caesura). Примѣры заимствованы большею частію изъ стихотвореній Тредьяковскаго и Сумарокова; тоническій размѣръ старинной пѣсни »у дороднаго добраго молодца« названъ четырестопнымъ дактило-хореическимъ; стихи Сумарокова »подъ вирь, вирь, донъ, донъ, донъ, прочти службы вздоръ« и егоже: »вижу будущіе вѣки« первые безъ оговорки, а послѣдніе съ оговоркою, приняты за диѳирамбъ. Поэзія раздѣлена въ сей Піитикѣ на три рода: на повѣствовательную, драматическую и смѣшенную; но о мелкихъ стихотвореніяхъ, и между прочимъ о кенотафіи,

символѣ, іероглифахъ, емблемѣ и загадкѣ говорится въ ней подробно, а о большихъ мимоходомъ. Поэзія *апологетическая* (апологи) названа только по имени, и, по мнѣнію Автора, вмѣстѣ съ *сатирическою* (приличествіе съ освобожденіемъ отъ тяжкой болѣзни), *пропемптическою* и подобными можетъ быть отнесена къ прежде положеннымъ, какъ то: *элегіаческой*, *лирической*, *комической* и пр. О сей книгѣ упоминается здѣсь потому, что ею еще и въ наше время многіе руководствуются, при преподаваніи правилъ Поэзіи (въ 1826 году она напечатана 10-мъ изданіемъ).

§ 99.

Въ такомъ состояніи находилась Наука о Россійскомъ Стихотворствѣ, когда издана была Россійскою Академіею *Піитика Г. Рижскаго*. Ибо до изданія сей послѣдней въ 1811 году, всѣ вообще наши руководства къ сему искусству ограничивались только или истолкованіемъ стопосложенія или весьма краткимъ опредѣленіемъ разныхъ родовъ Поэзіи или изложеніемъ однихъ общихъ понятій о Поэзіи, разбросанныхъ какъ бы безъ цѣли и

плана. Г. Рижскій начинаетъ свою теорію объясненіемъ существенныхъ качествъ Стихотворства и отличіемъ онаго отъ Витійства. Ораторъ, по его мнѣнію, изображаетъ одни лишь дѣйствительныя изящества; и возбуждаемыя имъ восхищенія и волненія души суть впечатлѣнія почти того же рода, какія производятъ въ насъ самые предметы; Поэтъ, обозрѣвая свой предметъ, останавливается только на томъ, что въ немъ есть изящное, и не довольствуясь сею частною изящностію, раздѣляется своимъ воображеніемъ по всей вещественной и нравственной природѣ, по всѣмъ историческимъ и баснотворнымъ преданіямъ, дабы изъ всего онаго собрать лучшее и плѣнительнѣйшее, и изъ всѣхъ собранныхъ такимъ образомъ сокровищъ помѣстить тѣ, которыя болѣе соотвѣтствуютъ его цѣли, въ главномъ своемъ предметѣ. И такъ сущность Стихотворства, по опредѣленію нашего Автора, состоитъ въ живомъ изображеніи размѣренною рѣчью, вымышленной самимъ Стихотворцемъ по образцу дѣйствительнаго изящества, изящнѣйшей въ его мнѣніи природы. Сія мысль не новая; она ведетъ свое начало отъ идей

Платоновымъ; принята была въ основаніе искусства Аристотелемъ и подробно раскрыта въ начальныхъ правилахъ Словесности Аббата Баттё; но Г. Рижскій имѣетъ свой взглядъ проницательный, вѣрный и ему особенно принадлежащій. Съ сей точки зрѣнія онъ смотритъ на всѣ роды стихотвореній, которые изложены имъ ясно, просто и основательно.

§ 100.

Піитика Г. Мерзлякова, помѣщенная въ его Краткомъ начертаніи теоріи Словесности, имѣетъ всѣ достоинства учебной книги. Начала ея просты, планъ ясенъ, роды стихотвореній предложены въ систематическомъ порядкѣ; въ каждомъ родѣ опредѣляются его сущность, основа, цѣль, происхожденіе и краткая исторія или исчисленіе всѣхъ отличившихся въ ономъ Стихотворцевъ. Сія теорія Словесности издана въ первой разъ только въ 1822 году; но ученые труды ея Автора уже давно увѣнчаны общею признательностію. Его лекціи и разсужденія о Поэтахъ и предметахъ Поэзіи, напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы, въ Трудахъ Общества

Любителей Россійской Словесности, въ Амфіонѣ и многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ, озаривъ свѣтомъ критики наше литературное поприще, имѣли сильное вліяніе на образованіе вкуса новаго поколѣнія нашихъ Литераторовъ. Профессору Санктпетербургскаго Университета *Н. И. Бутырскому*, пріобрѣтшему особенную извѣстность своимъ даромъ преподаванія Словесности, также принадлежитъ честь образованія многихъ юныхъ талантовъ, коимъ онъ умѣлъ дать направленіе, сообразное съ ихъ силами и наклонностями.

ГЛАВА VIII.

О характеристикѣ Русскихъ Поэтовъ и о настоящемъ состояніи Поэзіи въ Россіи.

§ 101.

Творцемъ Русской классической Поэзіи по справедливости почитается *Ломоносовъ.* Сей великій геній, подобно денницѣ возсіявшій на горизонтѣ нашей Словесности, пробудивъ юную Поэзію вновь возстающаго народа и давъ ей новыя формы и мѣру стиховъ, испыталъ свои силы въ родѣ лирическомъ, дидактическомъ, въ Эпопеѣ и Драмѣ. Лирическая Поэзія до него заключалась въ однѣхъ народныхъ пѣсняхъ и нѣкоторыхъ духовныхъ Псалмахъ, писанныхъ силлабами, Симеона Полоцкаго и Св. Димитрія

Ростовскаго. Ломоносовъ первый дерзнулъ сію дщерь природы отъ полей и селъ возвысить до подножія Трона Русскихъ Царей и съ другой стороны, низвести ее отъ хоровъ Храма до торжищь и хижинъ, гдѣ его Псалмы доселѣ поются гражданами и поселянами; — доказательство сильное того высокаго искусства, коимъ онъ обладалъ въ измѣненіи тоновъ своей лиры и въ приличномъ сочетаніи реченій Славянскихъ съ Русскими. Въ торжественныхъ Одахъ Ломоносова, всегда ровныхъ и слѣдующихъ плану рѣчи или разсужденія, обнаруживается вліяніе строгаго методическаго его ученія и того царствованія, въ которое онъ жилъ, — мирнаго, кроткаго и не представлявшаго никакихъ порывовъ для воображенія. Полетъ его генія стѣсненъ былъ самымъ однообразіемъ торжествъ, на которыя писалъ онъ Оды; не смотря на сіе однообразіе, его живое воображеніе находило средства представлять одни и тѣ же предметы въ разныхъ видахъ и выражать оные съ одинакою высотою, силою и стремительностію чувствъ, и одинакимъ языкомъ, высокимъ, благозвучнымъ, величественнымъ.

§ 102.

Вѣкъ Екатерины Великой по многимъ отношеніямъ можно назвать *героическимъ*. Ея вожди были вихри-богатыри, Ея витіи — Платоны, Ея пѣвецъ — новый Боянъ или Бардъ, коего волшебные звуки, растекаясь по землѣ и по небесамъ, сливались съ пѣніемъ соловья и съ громами. Высокій геній *Державина*, въ минуты восторженныхъ видѣній, зрѣлъ славу Творца, созерцалъ Богоподобную Фелицу во всѣхъ ея преображеніяхъ и обнималъ всю Природу, до безконечности разнообразную, во всѣхъ ея ужасахъ, великолѣпіи, прелестяхъ и безпечности. Ломоносова называютъ Пиндаромъ; Державину нѣтъ другаго имени, какъ не было для него другаго образца, кромѣ Природы. Онъ вмѣщаетъ въ своей поэзіи Алцея, Анакреона и Горація, но отличаясь отъ каждаго изъ нихъ рѣзкими чертами, ему одному свойственными. Господствующія силы его генія суть стремительность чувствъ и неистощимое богатство воображенія; въ Гимнахъ и преложеніяхъ Псалмовъ нерѣдко чувство его возвышалось до Ангельскаго вос-

хищенія; въ Одахъ героическихъ, равно какъ и философскихъ, онъ почти вездѣ является роскошнымъ богачемъ, щедро разсыпающимъ украшенія, — Поэтомъ — живописцемъ, коего яркія краски дышатъ всею свѣжестію Востока. Въ самыхъ Анакреонтическихъ Одахъ — его нѣга есть нѣга Сатрапа, возлежащаго на розахъ и пресыщающаго взоръ свой золотомъ и бриліантами. Державинъ пользовался высокимъ счастіемъ имѣть доступъ въ *Эрмитажъ*, гдѣ Великая Екатерина, скрывая свое величіе, любила въ часы царственнаго досуга бесѣдовать въ избранномъ Ею обществѣ о пользахъ и удовольствіяхъ общежитія. Тамъ Поэтъ, изучая людей, вмѣстѣ съ тѣмъ научился искусству хвалить добродѣтель и порицать пороки. Сіе искусство, вмѣстѣ съ любовію его къ правдѣ, съ твердою рѣшительностію, съ благороднымъ самочувствіемъ и особымъ сатирическимъ взглядомъ на предразсудки и злоупотребленія, отразилось во всѣхъ его нравственныхъ Одахъ. Онъ возстаетъ въ нихъ противъ роскоши, гордости и силы, иногда открыто, иногда въ плѣняющей аллегоріи или въ однихъ краткихъ намекахъ. Отсюда

произошла во многихъ мѣстахъ темнота его слога, какъ слога Суворова и вообще мужей Государственныхъ, имѣющихъ обширнѣйшій кругъ дѣйствія въ обществѣ. Живописцу — Поэту, для выраженія разнообразныхъ переливовъ его чувства и тончайшихъ движеній воображенія, часто недоставало въ языкѣ красокъ и тѣней; онъ изобрѣлъ для замѣны ихъ слова новыя, ввелъ въ употребленіе устарѣлыя и сложныя, облагородствовалъ низкія; онъ позволялъ себѣ перестановки и обороты самые смѣлые; и сія новизна, давая особую оригинальность его слову, остается доселѣ недвижимою и какъ бы неприкосновенною его собственностію.

§ 103.

Лирика *Петрова* называютъ Стихотворцемъ - Философомъ. Слогъ его шероховатъ и грубъ; но полнота мыслей сильныхъ и краткихъ, отличающихъ его Оды отъ всѣхъ прочихъ, и особенное искусство хвалить воспѣваемыхъ имъ героевъ, даютъ ему право занимать почетное мѣсто между нашими Лириками, ближайшее къ Ломоносову и Державину.

§ 104.

Ломоносова и Державина можно назвать двумя неподвижными звѣздами на горизонтѣ нашей Лирической Поэзіи; они вовлекли въ свои сферы все поколѣніе Стихотворцевъ своего времени, заставивъ ихъ обращаться вокругъ себя и проливая на нихъ свое сіяніе. Справедливость требуетъ отличить здѣсь только тѣ лирическія творенія, которыя согрѣты собственною теплотою творцевъ ихъ, — даромъ не заимствуемымъ, но получаемымъ отъ одной лишь Природы. Къ числу ихъ принадлежатъ заунывныя *Оды Капниста*. Тихая и кроткая, но глубокая меланхолія положила на нихъ печать свою. *Бытіе сердца Князя Долгорукаго* достопримѣчательно въ особенности по простонародному тону, дающему его Одамъ и Посланіямъ характеръ Русскаго простодушія. *Пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго* дышатъ нѣжностію, непритворною и непринужденною. *И. И. Дмитріевъ* въ своемъ очаровательномъ *Ермакѣ* и *Освобожденной Москвѣ*, первый представилъ образцы Лиро-эпической Поэзіи. Вѣнцемъ его генія, какъ уви-

димъ ниже, гдѣ Басня или апологъ; но мы не можемъ умолчать здѣсь и о его Сказкахъ, Идилліяхъ, Сатирахъ, Эпиграммахъ, Пѣсняхъ и другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ имъ подъ именемъ *Бездѣлокъ*. Не смотря на сіе скромное названіе, онъ пріобрѣлъ ими полное право на почетное титло образователя легкой нашей Поэзіи, какъ Карамзину принадлежитъ честь образованія легкой Прозы.

§ 105.

А. Ѳ. Мерзляковъ обладалъ завиднымъ даромъ преподавать законы вкуса и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать ихъ изящными образцами. Къ симъ послѣднимъ можно отнести прекрасные его переводы Идиллій Теокрита, Біона, Моска и Дезульеръ, Эклогъ Виргилія, Одъ Горація и его Науки о Стихотворствѣ. Въ преложеніяхъ Гимновъ Священнаго Писанія онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Слогъ его собственныхъ лирическихъ стихотвореній, равно какъ и переводовъ, иногда легокъ, плавенъ и очарователенъ, иногда кратокъ, сжатъ и мужественъ. Онъ открылъ новый и драгоцѣнный родникъ для

Русской Поэзіи: наши *народныя пѣсни*. Въ семъ родѣ стихотворенiй онъ постигъ истинный духъ Русскаго народа, глубину его чувствъ и всѣ обороты, составляющіе особый способъ его выраженія. Сіи качества доставили пѣснямъ нашего Поэта характеръ и тонъ народности; онѣ поются во всѣхъ краяхъ Россіи. *А. Ѳ. Воейковъ* преимущественно занимался переводами Виргилія и Делиля, но особенную извѣстность онъ пріобрѣлъ въ нашей Литературѣ своими Посланіями и Сатирами; нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ могутъ служить образцами. *Князь Вяземскій* отличился Посланіями, сатирическими стихотвореніями и пѣснями. Умъ острый и игривый составляетъ главную черту его характера, которая отражается даже и въ лирическихъ его произведеніяхъ. Изъ прочихъ нашихъ Стихотворцевъ извѣстность пріобрѣли Баронъ *Дельвигъ* своими пѣснями, *Д. Давыдовъ* Элегіями и пѣснями, *Милоновъ* Сатирами, *Панаевъ* Идилліями. Извѣстная пѣсня *ожидаціе Царя*, Элегія на смерть А. П. Строгонова, Гимнъ на восшествіе на Престолъ Императора Николая І-го, и нѣсколько другихъ стихотвореній,

написанныхъ при счастливомъ вдохновеніи, пріобрѣли г. *Лобанову* также почетное мѣсто между нашими лирическими Поэтами. Сверхъ сего и прекрасный полъ имѣлъ на Русскомъ Парнассѣ своихъ представительницъ въ лицѣ *Буниной*, *Болотниковой*, *Волковой*, *Наумовой*, дѣвицы *Кульманъ* и Княжны *Е. Шаховской*.

§ 106.

Ветхій и Новый Завѣтъ, служившіе обильнымъ и неизчерпаемымъ источникомъ вдохновенія почти для всѣхъ искусствъ и художествъ, большею частію оставались неприкосновенными для одной только, такъ называемой, Поэзіи классической. Сіе равнодушіе по видимому происходило отъ образа воспитанія, имѣвшаго главною цѣлію изученіе древнихъ и новыхъ Классиковъ, иногда можетъ быть и отъ уваженія къ святынямъ Религіи, которую Поэты боялись измѣнять какимъ-либо вымысломъ, или лучше отъ ложнаго понятія о началахъ Поэзіи, по коимъ имъ вмѣнялось въ обязанность украшать всѣ воспѣваемые ими предметы мечтами своего воображенія. У насъ *духов-*

ною Поэзiею преимущественно занимались: Кн. *С. Шихматовъ*, *С.* и *Ө. Глинки*, Кн. *П. Ширинскiй-Шихматовъ*, Графъ *Г. Салтыковъ*, *Шатровъ*, Гр. *Хвостовъ* и Священникъ *Г. Пакатскiй*. Духовныя ихъ Стихотворенiя можно сравнить съ лептами упоминаемой въ Св. Евангелiи вдовицы; онѣ не блестятъ слогомъ и не увлекаютъ звономъ выраженiй, но онѣ изливаются прямо изъ сердца, проникнутаго глубокимъ чувствомъ вѣры и нравственности Христiанской. Къ сему же роду принадлежатъ превосходныя стихотворенiя: *Боговдохновенная Поэзiя А. И. Писарева* и *Голгофа С. Д. Нечаева* (въ XIX книгѣ Трудовъ Общ. Люб. Росс. Словесности).

§ 107.

Хемницеръ, *Дмитрiевъ* и *Крыловъ* составляютъ трiумвиратъ нашего *апологa*. Естественность, добросердечiе и милое простодушiе остались неотъемлемымъ удѣломъ *Хемницера*. Самою чистотою и легкостiю слога онъ опередилъ свой вѣкъ и уже принадлежалъ потомству. *Дмитрiевъ* въ изяществѣ вкуса соперничествуетъ съ Лафонтенемъ. »Сумароковъ, по словамъ Мерзляко-

ва, нашелъ Басни среди простаго, низкаго народа, Хемницеръ привелъ ихъ въ городъ, Дмитріевъ отворилъ имъ двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ.« *Крыловъ* распространилъ сферу сего рода Поэзіи; онъ изображаетъ не одни нравственныя истины, но самыя странности и причуды; и какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ всегда отличается остротою и колкостію. Игра Русскаго ума и народность, въ которую онъ облекаетъ дѣйствующія лица своего театра, пріобрѣли ему пальму первенства между нашими Баснописцами. Языкъ его чистъ, простъ и перенятъ у Русскаго народа. Въ числѣ его Басенъ только 8-я часть переводныхъ, всѣ прочія изобрѣтенія его генія. Апологомъ съ успѣхомъ также занимались *А. Е. Измайловъ*, *В. Л. Пушкинъ* и нѣкоторые другіе; первый, подобно живописцамъ Голландской школы, преимущественно изображалъ людей низкаго класса со всѣми ихъ пороками и странностями.

§ 108.

Русская *драма*, какъ и Французская въ своемъ младенчествѣ, началась представ-

леніями священныхъ предметовъ сперва въ Кіевской и Московской Духовныхъ Академіяхъ, а потомъ при Дворѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича и Царевны Софіи Алексѣевны. Сія предпріимчивая, хитрая и, къ сожалѣнію, необыкновенная по уму и свойствамъ души своей женщина, сама писала драматическія сочиненія и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Въ послѣдствіи времени священная драма перенесена была изъ Кіева и Москвы во многія Епархіальныя Семинаріи, гдѣ и держалась она до начала нынѣшняго столѣтія въ видѣ духовнаго драматическаго діалога, или историческаго, имѣвшаго своимъ предметомъ событія современныя, или даже и въ видѣ драматической Сатиры, въ коей осмѣивались предразсудки простаго народа, старообрядцевъ, раскольниковъ и пр. Желательно, чтобы кто-либо изъ духовныхъ Филологовъ занялся отысканіемъ и изданіемъ въ свѣтъ сихъ любопытныхъ памятниковъ; они составили бы новый и можетъ быть драгоцѣнный источникъ для Исторіи нашей Литературы.

§ 109.

Сумароковъ первый началъ помышлять о распространенiи драматическаго искусства въ Россiи. Онъ сотворилъ на Русскомъ Театрѣ дѣйствiе, планъ, катастрофы. Нѣкоторыя изъ его Трагедiй отличаются быстротою дѣйствiя, интересомъ и характерами истинно трагическими, но онѣ упали навсегда по причинѣ устарѣлаго языка и неблагороднаго, непристойнаго разговора, который часто бываетъ ниже комическаго. Преемникомъ Сумарокова въ искусствѣ драматическомъ былъ *Княжнинъ*. Слогъ его чище, благороднѣе и возвышеннѣе, нежели Сумарокова, но онъ не имѣетъ ни оригинальности въ изображенiи характеровъ, ни искусства въ расположенiи дѣйствiя, кои отличаютъ послѣдняго. Княжнинъ заимствовалъ цѣлыя сцены изъ Французскихъ Трагедiй и желая быть высокимъ, нерѣдко въ одну сцену собиралъ всѣ разсѣянныя въ разныхъ Трагедiяхъ высокiя изреченiя.

§ 110.

Въ такомъ положенiи засталъ драматическое наше искусство знаменитый преобра-

зователь онаго, *Озеровъ.* Онъ первый постигъ тайну играть страстями, повелѣвать сердцу и увлекать чувства своихъ зрителей. Подобно всѣмъ современнымъ ему Поэтамъ, платя дань Французской школѣ, Озеровъ увлекался ея духомъ во всѣхъ своихъ Трагедіяхъ, не исключая и *Димитрія Донскаго,* почитаемаго однимъ изъ священнѣйшихъ лицъ нашей Исторіи и представленнаго имъ въ видѣ рыцаря, равно увлекаемаго вѣрою, честію и любовію. Со всѣмъ тѣмъ его Трагедіи долго, а можетъ быть и навсегда удержатся на сценѣ искусствомъ изображенія движеній, живописнымъ положеніемъ лицъ и силою языка, не всегда правильнаго, но благороднаго, важнаго, благозвучнаго. Изъ прочихъ нашихъ трагиковъ примѣчательнѣйшій есть *Крюковскій*, къ сожалѣнію преждевременно похищенный смертію отъ Русской Мельпомены. Его Трагедія *Пожарскій* недалеко можетъ быть поставлена отъ *Димитрія Донскаго.*

§ 111.

Между Русскими комиками первенство принадлежитъ *Фонъ-Визину.* Его *Недоросль* и

Бригадиръ представляютъ живую и рѣзкую картину современныхъ имъ нравовъ и характеровъ. Ихъ вліянію приписываютъ отчасти самую перемѣну въ образѣ воспитанія и жизни нашихъ сельскихъ Дворянъ. Трагикъ Княжнинъ былъ болѣе оригиналенъ и болѣе счастливъ въ своихъ Комедіяхъ, нежели въ Трагедіяхъ. Его *Чудаки* и *Хвастунъ* доселѣ держатся на нашей сценѣ. *Аблесимовъ*, вдохновенный изобрѣтатель Русскаго Водевиля *Мельникъ*, — *Малиновскій*, сочинитель *Старинныхъ Святокъ*, *Ильинъ*, Авторъ *Лизы* и *Рекрутскаго Набора* и *Ивановъ*, оставившій въ числѣ прочихъ произведеній своихъ *Семейство Старичковыхъ*, достойны уваженія, какъ Писатели народные. Въ наше время пріобрѣли извѣстность драматическими сочиненіями *Князь Шаховскій*, *И. А. Крыловъ*, *Хмѣльницкій*, *Загоскинъ*, *Грибоѣдовъ*, и сочинитель водевилей *А. И. Писаревъ*. Первый изъ сихъ Писателей, продолжающій доселѣ обогащать Русскую сцену своими сочиненіями, переводами и подражаніями, по справедливости заслуживаетъ названіе Русскаго *Аристофана* нашего времени.

§ 112.

Спрашивается: отъ чего на Русскомъ Парнассѣ не всѣ роды Поэзіи имѣли равной успѣхъ? Отъ чего Поэзія Лирическая, сотворенная Ломоносовымъ и возвеличенная Державинымъ, достигла возможнаго совершенства? Басни Хемницера, Дмитріева и Крылова спорятъ въ преимуществѣ съ Лафонтеневыми; слогъ Трагедій съ слогомъ лучшихъ иностранныхъ трагиковъ; между тѣмъ какъ наша высокая Комедія еще во младенчествѣ? Безъ сомнѣнія отъ того, что наши лирики и трагики могли заимствовать благородный и высокій тонъ свой въ книгахъ Русскихъ и Славянскихъ; баснописцы нашли красоты свои въ языкѣ народномъ; а Комедій высокихъ очень мало, потому, что наше высшее общество, говорящее на однихъ иностранныхъ языкахъ, не имѣетъ еще своего собственнаго, который долженъ служить имъ основаніемъ.

§ 113.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о нашей *Эпической Поэмѣ.* По обыкновенному ходу

образованности народной, она можетъ предшествовать драмѣ только въ частяхъ своихъ, а не въ цѣломъ. Цѣлое, какъ идеалъ, объемлющій собою всю вселенную, есть дѣло генія, уже образованнаго вкусомъ и критикою; оно составляется изъ частей уже извѣстныхъ, изъ рапсодій, хранящихся въ памяти народа. Такъ созданы были *Иліада Гомерова* и *Освобожденный Іерусалимъ Торквато Тасса.* Русскій народъ издревле имѣлъ склонность къ чудеснымъ расказамъ о богатыряхъ и другихъ частныхъ лицахъ, обратившихъ его вниманіе своимъ удальствомъ или похожденіями; но онъ не сохранилъ и не могъ сохранить никакихъ преданій о произшествіяхъ важныхъ, производившихъ переворотъ въ цѣломъ Отечествѣ. Разсѣянный по удѣльнымъ Княженіямъ, не имѣвшимъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ ничего общаго, кромѣ Религіи, онъ не могъ даже составить себѣ полной идеи о столь огромномъ тѣлѣ, каково есть Государство, которое въ смыслѣ политическомъ само по себѣ есть уже Поэма, движимая совокупно всѣми силами нравственными и вещественными. Вотъ гдѣ кроются

причины блистательнаго успѣха романтической Поэмы Богдановича: *Душеньки* и холоднаго пріема всѣхъ героическихъ Поэмъ Хераскова. Первая, какъ твореніе самихъ Грацій на языкѣ новомъ, тяжеломъ и для ихъ стиля еще неприготовленномъ, есть необыкновенное явленіе въ исторіи Литературы. Богдановичь умѣлъ дать Греческой баснѣ Русскую физіономію, украсивъ ее эпизодами и подробностями расказа, принадлежащими Русскому народу. Напротивъ того Херасковъ погрѣшилъ въ самыхъ главныхъ основаніяхъ Эпопеи, — въ самой системѣ движущихъ оную сверхъестественныхъ силъ, кои выводятся у него на сцену безъ разбору, изъ истинной Религіи, изъ сектъ языческихъ и Магометанской, изъ міра волшебнаго и аллегорическаго. Въ родѣ комическомъ пользуются извѣстностію въ нашей Литературѣ Поэмы: *Елисей или раздраженный Вакхъ*, Майкова, и *Расхищенныя шубы*, Кн. Шаховскаго.

§ 114.

Русская Литература обязана истиннымъ уваженіемъ къ заслугамъ тѣхъ ученыхъ По-

этовъ, которые обогатили ее переводами древнихъ и новыхъ Классиковъ. *А. Ѳ. Мерзляковъ* и *А. Х. Востоковъ* оставили намъ бюсты Горація, снятые, такъ сказать, съ него живаго. Они утвердили насъ въ возможности переводить древнихъ Поэтовъ ихъ размѣромъ. *М. Е. Лобановъ* подарилъ Русскій Театръ двумя образцовыми произведеніями Расина: *Ифигеніею въ Авлидѣ* и *Федрою*. Будучи проникнутъ чувствомъ изящности своего подлинника и вмѣстѣ съ тѣмъ обладая знаніемъ приличій сцены и основательными свѣдѣніями въ языкѣ отечественномъ, онъ нашелъ приличные тоны и краски, чтобы героинямъ и героямъ Расиновымъ, имѣющимъ происхожденіе Греческое, возвратить свойственную имъ физіономію ихъ отечества и вѣка. *Торквато Тасса* мы имѣемъ три перевода, одинъ въ прозѣ, *А. С. Шишкова*, и два въ стихахъ, *А. Ѳ. Мерзлякова* и *С. Е. Раича*. Первый отличается точностію и близостію къ подлиннику; вторый имѣетъ всѣ преимущества важнаго героическаго слога, но, къ сожалѣнію, онъ начатъ былъ еще въ то время, когда отступленіе отъ александрійскаго размѣра,

освященнаго Ломоносовымъ и Херасковымъ, почиталось нарушенiемъ одного изъ первыхъ догматовъ Поэмы. Раичь свергнулъ сiе иго и представилъ намъ образчики эпическихъ куплетовъ. Сей Поэтъ въ переложенiи Виргилiевыхъ *Георгикъ* нерѣдко приближается къ Делилю, коего Французы, по отдѣлкѣ стиховъ, почитаютъ неподражаемымъ. *Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ* въ своемъ изящномъ переводѣ Мольерова *Мизантропа* положилъ основанiе новому языку и новому разговорному тону, могущимъ служить образцами для высшаго общества. Истолкователь таинствъ Поэзiи, царственный пѣвецъ Ахеянъ, *Гомеръ*, разоблаченный Костровымъ въ его полныхъ и благозвучныхъ, но александрiйскихъ стихахъ,—наконецъ явился въ своемъ благолѣпномъ видѣ, въ превосходномъ переводѣ *Илiады Н. И. Гнѣдича*. Чтобы оцѣнить все достоинство сего многолѣтняго труда, надобно быть совершенно проникнуту духомъ древности подлинника. Все, что для слуха, изнѣженнаго мелодiею нынѣшней Поэзiи, можетъ показаться тяжелымъ: частое повторенiе союзовъ, нововведенiе обветшалыхъ и сложныхъ реченiй, свободная пере-

становка словъ и дактило-хореическій экзаметръ, — все сіе есть самая близкая примаровка къ тону первосвященника Эпической Музы, вѣщавшаго языкомъ простымъ, но такимъ, который для самихъ Грековъ въ цвѣтущее время ихъ Поэзіи составлялъ уже какъ бы особое священное нарѣчіе, подобно употребляемому въ нашемъ духовномъ пѣснопѣніи. Считаемъ неизлишнимъ къ сему присовокупить, что первая мысль переводить Иліаду экзаметрами, столь удачно оправданная опытомъ, была подана Г. Гнѣдичу извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ классической древности *С. С. Уваровымъ.* Переводы *Науки о Стихотворствѣ* Боало и Расиновой *Андромахи*, равно какъ и собственныя Стихотворенія, лирическія и дидактическія, Графа *Д. И. Хвостова*, уже доволвно извѣстны нашей Публикѣ. Лучшія изъ нихъ по отдѣлкѣ стиховъ суть преложенія изъ Священнаго Писанія. Ода *Богъ*, *прощаніе Поэта съ землею* и нѣкоторыя Оды въ родѣ застольныхъ Гораціевыхъ. При оцѣнкѣ трудовъ сего почтеннаго Поэта надобно принимать въ соображеніе время, когда онъ началъ писать, состояніе языка,

направленіе Литературы и самыя средства того времени. Писатель, явившійся въ первый разъ на поприщѣ Словесности около 1779 года и продолжающій подвизаться на ономъ неусыпно болѣе 50 лѣтъ, не долженъ ли служить образцемъ благороднаго рвенія къ изящному и вмѣстѣ съ тѣмъ быть краснорѣчивымъ и горькимъ упрекомъ для большей части молодежи нашего времени, изъ среды коей многіе, при неумытномъ судѣ своемъ о другихъ, сами при собственныхъ своихъ средствахъ, при средствахъ открытыхъ имъ Правительствомъ, въ нашъ 1833 годъ, едва въ состояніи написать одну страницу, одинъ періодъ и даже одну мысль по-Русски!

§ 115.

Переводы въ стихахъ, равно какъ и въ прозѣ, бываютъ двухъ родовъ: вольные и буквальные. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ свои преимущества и неудобства. Въ вольныхъ, при всемъ ихъ достоинствѣ внѣшнемъ, подлинникъ, подчиняя себя законамъ чуждаго ему языка, неминуемо измѣняетъ свой характеръ; какъ на пр. Виргиліевы Георгики

въ щегольскомъ нарядѣ Делиля: въ буквальныхъ теряются краски подлинника, но удерживаются основныя черты его. Сіи последніе полезны въ смыслѣ филологическомъ, открывая намъ не только внутренній духъ Автора, но и самый составъ отечественнаго языка его. Сюда можно отнести новое явленіе въ нашей Литературѣ, Трагедіи Шекспира: *Царя Лира* и *Венеціанскаго купца*, въ коихъ переводчикъ *Г. Якимовъ*, повидимому, старался передать намъ, вмѣстѣ съ высокими чертами, всѣ странности, игру и своенравіе дикаго генія Британіи. Изъ числа классическихъ Поэтовъ, переложенныхъ прозою, достойны уваженія *Греческіе Классики, И. И. Мартынова* и *Публія Овидія Назона превращенія П. И. Соколова*; изъ прозаическихъ сочиненій *Платоновы разговоры о Законахъ, В. И. Оболенскаго*, *Нравы и положеніе Германцевъ* изъ Тацита, *А. С. Хомякова* (XIX часть Трудовъ Общ. Люб. Рос. Словесности), *о Старости* и нѣсколько другихъ статей изъ Цицерона, *И. И. Давыдова* (тамъже).

§ 116.

Судьба нашей Классической Поэзіи раз-

личествуетъ отъ хода ея у другихъ народовъ Европы. У сихъ послѣднихъ она умерла, уже обремененная дряхлостію, и умерла для того, чтобы, подобно баснословному Фениксу, возродиться вновь въ образѣ *Романтической*. У насъ первая преображается въ послѣднюю, не успѣвъ во многихъ отрасляхъ своихъ (исключая родъ лирической и апологъ) достигнуть надлежащей зрѣлости и даже цвѣта. Предоставляется времени рѣшить: можетъ ли сооружаемое вновь зданіе быть прочно безъ твердаго основанія. Ибо, по началамъ психологическимъ, классицизмъ долженъ служить основаніемъ романтизма во всемъ: въ Стихотворствѣ, въ Художествахъ, въ Философіи.

§ 117.

Въ собственномъ смыслѣ *Классическая Поэзія* стремится отъ частности къ общности, Романтическая отъ общности къ частности, или, что́ все тоже, къ самобытности и народности. Ту и другую можно сравнить съ принимаемыми въ системѣ міра силами *расширительною* и *сжимательною*. Сила расширительная, стремясь отъ центра къ окружности, безъ противудѣйствія сжима-

тельной, должна наконецъ разсѣяться и уничтожиться; съ другой стороны сила сжимательная, стремясь отъ окружности къ центру, безъ противудѣйствія расширительной, должна также отъ чрезмѣрнаго сжатія обратиться въ ничто.

§ 118.

Изъ сего явствуетъ, что Классическая и Романтическая Поэзія одна безъ другой существовать не могутъ и что проявленіе какой-либо одной изъ нихъ зависитъ лишь отъ преобладанія формы или идеи. Въ семъ смыслѣ самая Греческая Поэзія, называемая преимущественно Классическою, заключаетъ въ себѣ также романтизмъ, который въ особенности кроется въ стремленіи ея къ изображенію народныхъ идеаловъ и самобытной, пластической красоты, исключительно принадлежащей климату Греціи.

§ 119.

Поэзія, подобно всѣмъ Изящнымъ Искусствамъ, подраздѣляется на разныя школы. Достопримѣчательнѣйшія изъ нихъ въ Европѣ въ новѣйшія времена были слѣдующія:

Французская, *Италіанская*, *Нѣмецкая*, *Англійская*. Первая перенесена къ намъ Стихотворцами прошедшаго столѣтія; три прочія тремя геніальными Поэтами нашего времени: *Батюшковымъ*, *Жуковскимъ*, *Пушкинымъ*. Поэзія Батюшкова вся дышетъ нѣгою Италіи и яркимъ ея колоритомъ. Въ семъ смыслѣ мы можемъ назвать его нашимъ Тиціаномъ; блестящій стиль его доселѣ имѣетъ своихъ подражателей.

§ 120.

Отличительный характеръ Поэзіи *Жуковскаго* есть мрачность воображенія, глубокая мечтательность, стремленіе къ чему-то не земному, безпредѣльному. Въ изображеніи чувствованій онъ доходитъ до сокровеннѣйшихъ изгибовъ сердца; въ рисовкѣ Природы, и въ особенности картинъ мрачныхъ, — онъ нашъ Рембрандтъ. Стихи его отличаются особенною мелодіею; онъ ее сотворилъ или по крайней мѣрѣ довелъ до возможной нѣжности. Иногда она слишкомъ отрывиста и однообразна, ибо одушевлена почти вездѣ однимъ господствующимъ его чувствомъ, уныльнымъ;

но она всегда сладостна и очаровательна. Въ его балладахъ и легкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ видно еще вліяніе школы, коей онъ былъ воспитанникомъ и которую основалъ онъ въ Россіи; но его *Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ*, изображающій торжество патріотическихъ чувствованій, раскрываетъ въ полномъ блескѣ его самобытность и стремленіе къ народности.

§ 121.

Піитическая жизнь представителя настоящей нашей Поэзіи *Пушкина* достопримѣчательна быстрыми его переходами. Первая Романтическая Поэма его: *Русланъ* и *Людмила* создана была имъ еще подъ вліяніемъ школы класической; онъ подражалъ въ ней Аріосту, заимствовавъ лишь основаніе басни и нѣсколько эпизодовъ изъ Русскихъ сказокъ. Въ *Кавказскомъ плѣнникѣ*, въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ*, въ *Цыганахъ* и *Евгеніи Онѣгинѣ* образцами ему служили идеалы Байрона, коего онъ самъ называлъ властителемъ нашихъ думъ; но Поэма *Полтава* и Драма *Борисъ Годуновъ* суть созданія, исключительно одному его генію принадлежащія;

въ нихъ посредствомъ строгаго согласованія собственныхъ его идей съ характерами, заимствованными имъ изъ Исторіи народа, положено основаніе піитической народности, высочайшей идеѣ романтизма. Стиль Пушкина, какъ живописца, отличается свѣтлотѣнью или сліяніемъ красокъ яркихъ и темныхъ, которыя самымъ подражаніямъ его и переводамъ присвоиваютъ характеръ оригинальности. Такъ называемая *поэзія стиха*, состоящая въ свободномъ, естественномъ и гармоническомъ расположеніи словъ, доведена имъ до совершенства.

§ 122.

Въ Исторіи политическаго, Европейскаго образованія Русскаго народа достойны особеннаго примѣчанія двѣ эпохи: при Петрѣ Великомъ *введеніе* въ Россію ремеслъ, художествъ, искуствъ и наукъ; въ наше время *вторженіе* въ нее разныхъ новыхъ идей образованности Европейской. Первою эпохою началось развитіе вещественныхъ силъ Россіи, послѣднею усвлилось развитіе силъ ея умственныхъ. Всякая новая жизнь народовъ выражается преимущественно движеніемъ чув-

ствованій; отселѣ произошло стремленіе Русской Поэзіи при Ломоносовѣ къ Одѣ торжественной и въ наше время къ пѣснопѣнію неопредѣленному, имѣющему предметомъ изображеніе духовной, сокровеннѣйшей природы человѣка. Соотвѣтственно сему направленію, тонъ лирическій отзывается нынѣ во всѣхъ родахъ стихотворства, не исключая Поэмы и Трагедіи.

§ 123.

Лучшія лирическія стихотворенія нашего времени, — колыбельныя пѣсни младенчествующей романтической музы — принадлежатъ *Жуковскому* и *Пушкину;* за ними слѣдуютъ *Хомяковъ*, *Баратынскій*, *Языковъ*, *Ѳ. Глинка*, *Веневитиновъ* и немногіе другіе. Въ родѣ повѣствовательномъ пріобрѣли извѣстность *Козловъ*, *Подолинскій*, *К. Масальскій*, *А. Вельтманъ*, Баронъ *Розенъ*, *П. Ободовскій.* Въ родѣ драматическомъ, послѣ *Бориса Годунова*, достопримѣчательное твореніе есть Трагедія Хомякова *Ермакъ.* Она написана Поэтомъ юнымъ, во время пребыванія его въ Парижѣ, подъ вліяніемъ генія Тальмы и, какъ кажется, исключительно для

артиста Петербургскаго театра, Каратыгина, образованнаго по методамъ Французской школы. Исполинскій характеръ Ермака выше Іоаннова вѣка и самаго Героя; но его неизмѣнная вѣрность къ Царю, его осудившему, пламенная любовь къ родинѣ, его отвергнувшей, безпредѣльное благоговѣніе къ родителю, обременившему его проклятіями, суть черты собственно Русскія, равно какъ выспренность мыслей, огонь чувствъ и особый способъ выраженія, посредствомъ великолѣпныхъ сравненій и стиховъ полныхъ и благозвучныхъ, суть качества, исключительно принадлежащія нашему Поэту. *Марѳа* Посадница, Трагедія *Г. Погодина*, есть довольно вѣроятная картина древняго Новгорода. Въ ней живо изображены три сословія, составлявшія буйное Вѣче Новогородское: чернь, купцы и бояре. Характеръ Марѳы есть героическій, но не идеальный; ея отважность, предпріимчивость и твердость духа согласованы съ сказаніями лѣтописей и мѣстными нравами. Самый слогъ Трагедіи, испещренный словами простонародными и даже площадными, занимателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ представляются образ-

чики разговора, почерпнутые изъ современныхъ письменныхъ памятниковъ.

§ 124.

Въ послѣднее время въ нашей Драматической Поэзіи примѣтно особенное движеніе. *Битва при Тиверіадѣ*, Трагедія А. Муравьева, *Торквато Тассъ*, Киреева, *Россія и Баторій*, Барона Розена и *Торквато Тассъ*, фантазія Кукольника, достойны примѣчанія и уваженія по разнымъ отношеніямъ. Между ними особенно отличаются два новыя творенія: *Димитрій Самозванецъ*, Трагедія Хомякова и *Рука Всевышняго Отечество спасла*, Драма Кукольника. Не смотря на недостатки въ планѣ и на отсутствіе главныхъ страстей, составляющихъ душу сего рода стихотвореній, — онѣ, по многимъ частнымъ красотамъ, служатъ залогомъ будущихъ блистательныхъ успѣховъ ихъ творцевъ, — раскрывая въ первомъ тонкаго наблюдателя сердца, вѣрнаго живописца характеровъ, возвышеннаго въ чувствахъ и вполнѣ обладающаго языкомъ Поэзіи, — во второмъ внимательнаго наблюдателя стихій народности, одушевленнаго силою патріотическаго чувства.

§ 125.

Желательно, чтобы, при нынѣшнемъ общемъ направленіи Русской Словесности къ народности, наши Поэты воспользовались богатыми родниками оной, выше упомянутыми въ §§ 88 и 90 *рапсодическими стихами* нищихъ и духовными *псальмами*, столь рѣзко выражающими характеръ народный. Вмѣстѣ съ тѣмъ полезно было бы обратить вниманіе на опыты о Русскомъ стихосложеніи *Гг. Востокова* и *Дубенскаго*, изъясняющихъ подробно свойства и виды тоновъ, употребляемыхъ въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ.

§ 126.

Исторія Русской Литературы должна заключиться общимъ обозрѣніемъ собственно такъ называемой *Романтической Поэзіи*, перенесенной къ намъ Жуковскимъ изъ Германіи. Его искусство живописать природу прелестными стихами произвело толпу подражателей; но безжизненныя и уродливыя подражанія сихъ послѣднихъ возбудили справедливое негодованіе Критики и раздѣлили Литераторовъ на двѣ партіи, спорящія между собою о фор-

махъ Романтической Поэзіи, о ея сущности и даже о ея существованіи. Какъ плодъ новыхъ вѣковъ, кажется, она должна быть отраженіемъ физіономіи однихъ новыхъ народовъ, развитія ихъ страстей, понятій и нравовъ,—отпечаткомъ ихъ повѣрій и обычаевъ. И такъ стихотвореніе романтическое можетъ получить право на гражданство въ области Поэзіи въ такомъ только случаѣ, когда предметъ онаго носитъ какую либо оригинальность народную (Свѣтлана Г. Жуковскаго); когда родъ его утвержденъ общимъ голосомъ цѣлой страны (Романсы, Баллады); когда форма его есть условный образъ выраженій цѣлаго народа (нашъ тоническій размѣръ) и наконецъ когда всѣ сіи и другія подобныя условія, не нарушая общихъ законовъ природы, дѣйствующей вездѣ и во всѣ времена по однимъ неизмѣняемымъ началамъ, согласуются съ высшимъ и вѣчнымъ ея закономъ: *идеею изящества.*

§ 127.

Въ заключеніе не излишнимъ считаемъ замѣтить, что чужестранныя романтическія произведенія, какъ несвойственныя Русскимъ

нравамъ, никогда не могутъ быть присвоены нашей Поэзіи; они суть то же для насъ, что чуждая, преходящая мода. Жизнь прочихъ народовъ Европы уже дряхлѣетъ; бывъ стѣснены одинакими формами и не имѣя оригинальности въ собственныхъ обычаяхъ, они по необходимости должны искать ее въ странахъ и вѣкахъ отдаленныхъ, въ предметахъ мечтательныхъ, въ искаженномъ состояніи человѣка, семействъ и гражданскихъ обществъ. Отсюда непримѣтно произошли неутолимая жажда ко всему новому, волненіе умовъ, безпокойство страстей и мыслей; и все сіе, будучи порожденіемъ истощеннаго и строптиваго воображенія одряхлѣвшихъ народовъ, отражается и въ новыхъ произведеніяхъ ихъ Поэзіи, Прозы, Философіи. Напротивъ того Русскіе, какъ и большая часть прочихъ Славянскихъ племенъ, не бывъ еще испорчены прихотями гражданской жизни и всего болѣе уважая семейственныя добродѣтели, столь же богаты истинною Поэзіею, какъ древніе Греки. Храня отъ незапамятныхъ вѣковъ собственные нравы и патріархальныя привычки, они передаютъ изъ рода въ родъ приключенія

своихъ предковъ, ихъ вымыслы и самый [redacted]ческій; и если Пѣвцы ихъ, постигнувъ духъ [redacted] ственной, пребудутъ въ согласіи съ здравымъ умомъ, съ истиннымъ вкусомъ и Природою;— то смѣло можемъ надѣяться (вмѣстѣ съ ученымъ Полякомъ Бродзинскимъ) (*), что рано или поздно наступитъ время, когда изъ собственныхъ нашихъ преданій, какъ нѣкогда изъ Греческихъ рапсодій, составится у насъ своя Одиссея,—картина семейственной жизни и дѣятельнаго смысла нашихъ древнихъ Витязей,— или своя Иліада,— картина ихъ кроткихъ страстей и подвиговъ геройскихъ. Сіе замѣчаніе должно простираться на всѣхъ Русскихъ Писателей и ученыхъ. Всѣмъ имъ предлежитъ одна великая цѣль въ подражаніи знаменитѣйшимъ геніямъ Европы: создать свою Литературу, свою Философію и свои системы Наукъ, но создать изъ стихій собственнаго своего отечества, заключающихся въ подчиненіи разума ученію Вѣры,— чувствованій правиламъ

(*) Вѣстн. Европы 1826 г. № 15.

Христіанской нравственности, — дѣйствій законамъ Верховной, не отъ народа [redacted]

Конецъ четвертой и послѣдней части.

ОПЕЧАТКИ.

ЧАСТЬ I.

стран.	*строк.*	*Напечатано:*	*Исправить:*
26.	9.	поэзія	Поэзія
—	10.	витійства	Витійствъ
27.	2.	входящіе	входящія

ЧАСТЬ II.

39, 40. и	41.	Нарѣчіе	нарѣчіе
42.	15.	ими	имъ
55.	20.	не только	не только
58.	23.	не ровнѣ	наровнѣ
73.	20.	ѧзыкъ	ѧзыкъ
77.	16.	угодниковъ	Угодниковъ

ЧАСТЬ III.

16.	1.	на противу	напротивъ
18.	16.	Гармонія	гармонія
47.	4.	творецъ	Творецъ

ЧАСТЬ IV.

29.	9.	долгъ, Критика	долгъ Критика
32.	9.	Ora torius	Oratorius
96.	—	Псалмъ	Псальмъ
113.	—	— — —	— — —
114.	—	— — —	— — —

Опечатокъ, можетъ быть, много встрѣтится въ цѣлой книгѣ; но большая часть изъ нихъ, сколько можно замѣтить, вкралась не отъ небреженія Типографіи, а отъ неопредѣленности нашего Рускаго правописанія. Типографія же и само ближайшее ея начальство, въ продолженіе сего многосложнаго

труда, оказали столько къ оному вниманія, что я не могу не воспользоваться симъ случаемъ для засвидѣтельствованія моей совершенной благодарности. Одна только ошибка, довольно важная и до ста разъ повторенная, сильно тяготитъ мою совѣсть;—ошибка, состоящая въ употребленіи слова *Русскій* съ двумя *сс* вмѣсто *Рускій*. Это есть жертва, принесенная новѣйшей ортографіи издаваемыхъ нынѣ журналовъ и книгъ.

Катонъ нашей Грамматики, А. С. Шишковъ, въ одномъ изъ своихъ филологическихъ сочиненій замѣтилъ, что часто собственныя наши слова выѣзжаютъ къ намъ изъ чужихъ земель въ видѣ иностранныхъ; на пр. Одинъ мысъ Бѣлаго моря, называемый *Орловымъ носомъ*, выѣхалъ къ намъ изъ Голландіи *Орлогенесомъ;* Славянскія города: *Болеславъ, Горслицы*, *Переславъ*, *Липецъ*, *Хомутово* сдѣлались *Бунцлау*, *Герлецъ, Бреслау*, *Лейпцигъ*, *Комметау*, а Новая земля назвалася *Новацемблою.* То же точно случилось и съ словомъ *Рускій.* Прежде въ нашемъ Царствѣ ничего не было, кромѣ святой *Руси* и Православнаго *Рускаго;* но когда они на западѣ познакомились съ Латинскою Европою, то

сія послѣдняя новую сосѣдку свою назвала *Russia*, а новаго сосѣда *Russus*. Иначе она и сдѣлать не могла; ибо, употребляя въ сихъ словахъ одинъ *s*, она, по своему выговору, была бы вынуждена первую называть *Рузіею*, а послѣдняго *Рузомъ*. Такимъ образомъ *Русь* и *Рускій*, по возвращеніи изъ Европы, стали уже называться и на своемъ языкѣ *Руссіею* и *Руссомъ*, и какъ въ простыхъ словахъ, такъ и въ сложныхъ; на пр. *Бѣлоруссія*, *Бѣлоруссы* и пр..

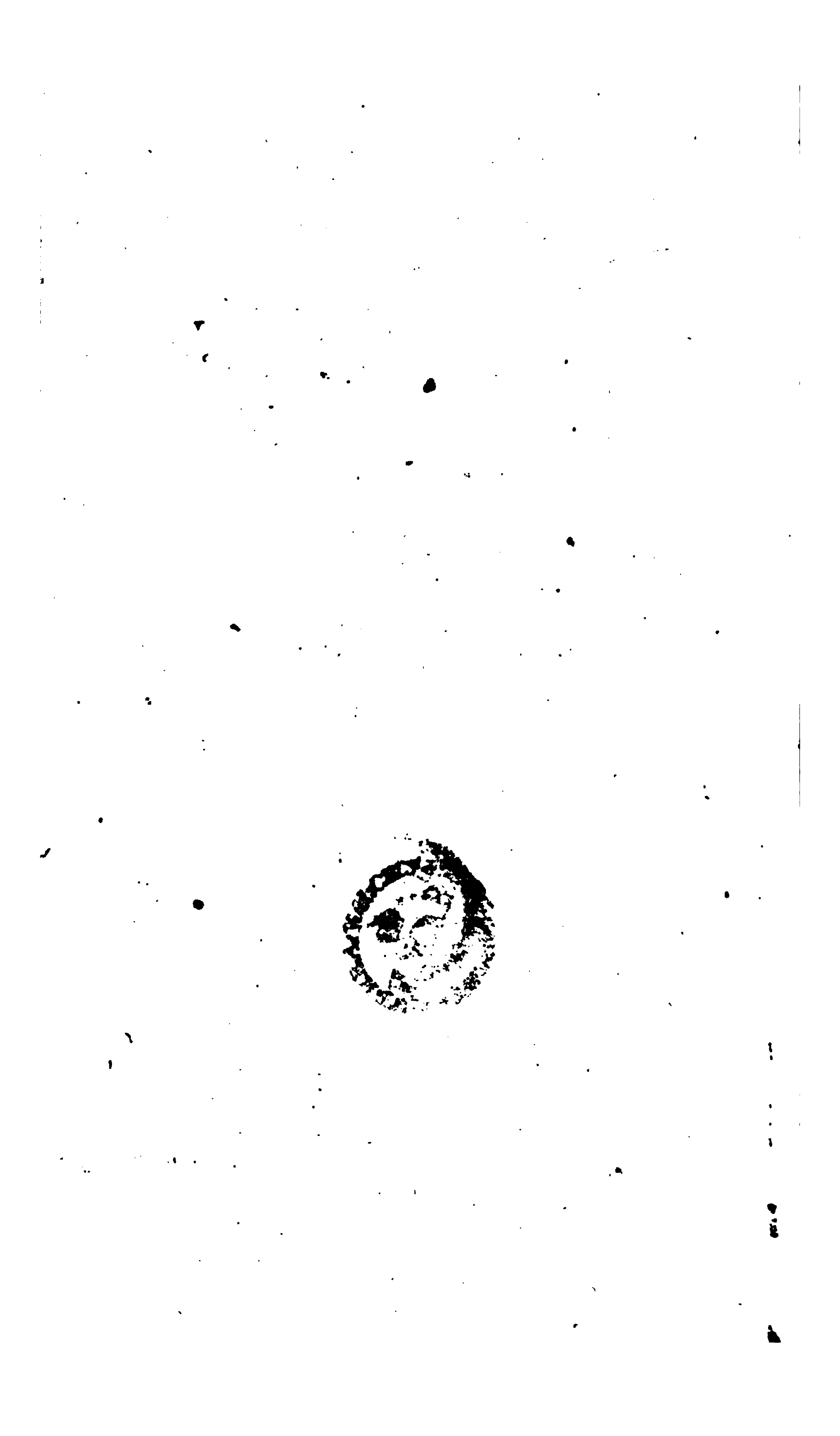
Намъ возразятъ здѣсь *Руссами* или *Варяго-Руссами*, отъ которыхъ произошло и названіе самой *Руси*. Какое собственно было имя сего Скандинавскаго племени, это, кажется, еще не разрѣшено и самими Историками. Ибо наши лѣтописи называютъ ихъ просто Варяго-Русью, Византійскія и древнія западныя *Росами*, Рѡs и Rhos. Увѣряютъ, что и Шведская область Ros-lagen отъ нихъ получила свое имя; объ этомъ уже было толковано и перетолковано. Впрочемъ если бы въ ортографіи надлежало всегда строго держаться ученаго словопроизводства; то намъ пришлось бы вмѣсто *востокъ* писать *возтокъ*, какъ нѣкоторые наши ученые дѣлаютъ въ

своихъ книгахъ, — а вмѣсто Петербурга *Петерсбургъ*, какъ нерѣдко случается намъ слышать въ нашихъ полунѣмецкихъ обществахъ.

Въ этомъ дѣлѣ лучше всего было бы 1) прислушаться къ чистому выговору природныхъ жителей Москвы и окружающихъ ее Губерній, 2) справиться со всѣми памятниками нашей древней писменности и 3) повѣрить то и другое внимательнымъ разсмотрѣніемъ свойствъ нашего отечественнаго языка и его этимологіи. Слухъ Москвичей и всѣхъ природныхъ *Руских*ъ терпѣть не можетъ стеченія двухъ носовыхъ буквъ *сс*, и особенно въ этомъ словѣ; въ нашихъ древнихъ памятникахъ иначе не писалось, какъ *Рускій*, *Руській*, иногда *Рускъ*, *Русинъ*, *Русичъ* и только изрѣдка въ нѣкоторыхъ, писанныхъ на западѣ при Польскомъ Правительствѣ, встрѣчается *Русскій*. Наши Поэты и Прозаики строго держались прежняго правописанія почти до послѣдняго десятилѣтія, не исключая и ученаго нашего Грамматика Н. И. Греча въ его Учебной книгѣ и Исторіи Руской Литературы. И это правописаніе не необдуманное и произвольное, но совершенно согласное съ стихійными на-

чалами нашего языка, который во всѣхъ имс-нахъ притяжательныхъ, кончащихся на *скій* и происходящихъ отъ существительныхъ, имѣющихъ конечную согласную *с*, всегда од-но *с* отбрасываетъ; на пр. отъ словъ: *Спасъ*, *Черкасы*, самыя старинныя названія: *Ново-спаскій* и *Заиконоспаскій* Монастыри, Князья *Черкаскіе*, и сокращенно *Спаскъ*, (города въ Казанской, Рязанской и Тамбовской Губер-ніяхъ; вездѣ *Спаскъ*, а не *Спасскъ*), *Черкаскъ*; отъ слова *Нѣмецъ* (Нѣметсъ), *Нѣмец-кій* и пр. слѣдовательно и отъ *Русь* притя-жательное должно быть *Рускій*; иначе при-бавляя вездѣ *скій*, и притомъ производя отъ *Руссовъ*; надобно бы писать съ тремя *ссс*, Руссскій, Россскій, *Одессскій* и т. д.—

Почтенный Сочинитель ученой крити-ки Скандинавскихъ Сагъ (въ N° 1 Библіотс-ки для чтенія) полагаетъ, что настоящій языкъ Руссовъ сохранился въ Исландіи; а Исландскій языкъ такой же нашему родичъ, какъ Чухонскій и Татарскій: и такъ не луч-ше ли бы намъ остаться при своемъ *Рускомъ* языкѣ, который, по словамъ Преподобнаго Нестора, еще не всѣми отвергаемаго, «съ Сла-вянскимъ одно есть.»

Словесности № 99.

6 руб.

